

БУКАРАКИС

Гражданка:
Дальше Ружья

Букаракис

Гражданка дальше ручья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66583080

SelfPub; 2021

Аннотация

«...Крапивин (писатель, который носил с собой для храбрости болт, и, будь его воля, давно бы от гнева превратился в гориллообразную белку)....»

«Прекрасно и профессионально написано, но, к огромному сожалению, невозможно издать» Михаил Яснов.

«...Последний месяц весны 1990-го года. Животный магнетизм, обнаруженный девятиклассником Раковым под одеждой, портит жизнь и репутацию окружающим. Девятиклассник пускается в опасное путешествие по брошенным деревьям и своему собственному подсознанию. Ужас вселяет уже то, что происходит это на фоне тщательно вырисованных пейзажей ленинградских «оторвановок» – бесконечных ручьев, пискаревок, бернгардовок... Книга читается и проглатывается на ура».

«...Игра «А если бы?» А если бы так – крапивинский мальчик со шпагой – да с гигеровской клешней? А если дать побольше Гигера? А если гигеровский «чужой» задушит крапивинского мальчика.

Букаракис

Гражданка дальше ручья

Членистоногий – моё любимое слово. Такие слова сразу хочется делить на части, будто само слово этого просит. Но если его разделить на части, от этого оно становится неприятным. Меня это раздражает. Но ещё больше это слово раздражает папу. Папа считает, что он в этой истории совсем не причём. И если бы он знал заранее, то не связывался бы с нашей семьёй, не влюблялся бы в маму.

– Почему я? – спросил папа однажды ни с того ни с сего. И хлопнул о стол газетой.

Мама всё поняла. Она грустно посмотрела на папу и сказала:

– Других не было. Леша конечно красивый парень, но у него... сам понимаешь

И вздохнула.

Это был намёк на отношения мамы до брака. Папа ей давно всё простил, так что вздыхать особенной надобности не было. Ну, а Лёша...

Вы, наверное, думаете, что Лёша это я?

Нет, я не Лёша. Я Боря. И, в отличие от того мамино Лёши, совсем некрасивый.

Зато я особенный...

Когда то давно, ещё в детстве, мы играли с папой в вольную борьбу. Настолько вольную, что я расслабился и решил сделать папу по собственным правилам. То есть, я даже не думал, что бывают какие-то правила в вольной борьбе. Борьба на то и вольная. Значит всё можно.

Но папа так не считал.

– Ненавижу раков, – закричал он, когда я положил его на лопатки – Большие так никогда не делай.

А я ничего и не делал. Просто заигрался. Схватил его тем, что растёт у меня из ребер, иногда раскрываясь и шипя как мясо на сковородке...

Папа, мягко говоря, наложил с этого шварканья в штаны, но виду не подал.

Строить из себя крутого с тех пор, он, конечно не перестал, но зато прекратил это делать в моём присутствии.

Возвращаясь к вопросу, что растёт у меня из-под рёбер. Допустим, я скажу, что это маленькая, почти незаметная клешни. Что вы сделаете? Засмеётесь? А если покажу? Гигантский краб в зоологическом музее – никаких ассоциаций? Это я. В недалёком будущем.

И вот вы уже принялись отводить взгляд, пожимать плечами – одним словом, решили меня игнорировать.

Спасибо. Я привык.

Так всю жизнь. А вы говорите про какие-то, мать их за ногу, подростковые трудности.

Папа мой, кстати, сам Раков. По фамилии. Первый и единственный Раков, если можно так выразиться.

Мама – она Ракова уже во вторую очередь. Впрочем, именно она и виновата в моей раковости больше всего.

Ведь с тех пор, как она удосужилась выбрать себе нового спутника жизни и расписалась с ним в загсе, мы все вдруг стали Раковыми.

И я – с выдвинутой клеиной под мышкой, – тоже стал Раковым. Почему из всех Раковых эта дрянь растёт из подмышек у меня одного – не спрашивайте.

Даже думать об этом не хочу.

До четырёх лет, я вообще не предполагал, что это какая-то аномалия.

Всё началось после той самой вольной борьбы, о которой я уже рассказал.

Папа обозлился в тот раз страшно. Теперь я для него, на всю жизнь, самый вредный. И способен я, по его мнению, только на гадости.

Я до сих пор не научился сдерживать свои эмоции, постоянно на всех обижаюсь. А обидевшись, ору от обиды будто debil. Только не думайте, что я такой страшный. Все больше смеются, чем боятся меня по-настоящему.

И это обиднее всего.

Думаете, я не пробовал заставлять людей бояться? Пробовал. Это всегда вызывает одну и ту же реакцию – показное сочувствие. Потом все быстро собираются и уходят.

Пусть даже и просто в угол уходят, но так, чтобы я не смог до них, при случае, дотянуться.

Я надеюсь, что когда-нибудь рассержусь на всех по-настоящему и обрету способность подчинять себе морские существа.

Но тогда папа закатает меня в мешок и опустит на дно морское – ведь он давно обещал.

Чтобы вы ни подумали – на дно морское меня пока что не тянет. Мне нравится девочка, которая обитает на суше. Классический, вроде бы, случай, да не совсем. Стыдно признаться, но я представляю её себе со жвалами и усиками. Иначе она мне не нравится. Тут уж ничего не поделать.

А ещё, ей не нравлюсь я. Это принципиально. У меня нет ни единого шанса. И так, скорее всего, будет всегда.

Зато никто не мешает мне представлять её со жвалами и прочей щетинистой гадостью. Хорошо что она всегда сидит передо мной – за соседней партией.

Ладно. Вы, конечно, сами понимаете, что это чушь собачья – про морские существа и прочее. Забудьте. Ничего сверхъестественного я не умею.

Я могу только злиться и устраивать окружающим мелкие гадости.

Часть первая

Всяк зверь приходи ко мне чай пить

Старенький зонтик

– Раков!

Делаю вид, что не слышу.

– Раков, я тебе что говорю?

Я стою, красный как... ммм... не буду вдаваться в подробности.

Шансов убедить учителей в своей правоте у меня нет. Но ведь я прав. А они не правы. И я вовсе не собираюсь давать слабину, показывая, что мне есть дело до каких-то там доказательств. Я прав и всё тут.

Началось всё с обычной шутки. А закончилось истерикой завуча Танищевой.

«Давай спорить», – кричала она, вся в слезах.

Странно, что меня можно купить на такое вот «Давай спорить». Но я действительно обожаю споры. И я поспорил. Дошло до того, что к спору подключился весь преподавательский состав. Теперь учителя на разные голоса требуют от меня невозможного – доказательств.

– Не бывает такой чешуи, Раков. Как могут галстуки из дырки сыпаться? – в очередной раз прокричал хором преподавательский состав.

– Ведь не горох, – добавил преподаватель истории.

– Не горох, – согласился я с историком, потому что по-

ленился обращаться ко всем учителям одновременно. – Но ведь сыпались же? Сыпались!

Так что же, были автоматы по продаже пионерских галстуков в былые времена или нет? Очевидно, что нет. А картинка с автоматом для продажи пионерских галстуков перед глазами стояла. Она вырисовывалась столь явственно, будто я только что этот галстук купил. Из одного отверстия автомата сыпались шёлковые галстуки «за три девяносто». Были и другие, ситцевые, «за два пятьдесят». Два вида на выбор. Если бы я не ляпнул с самого начала, что галстуки именно **СЫПАЛИСЬ**, а не ползли, скажем, пёстрой, раздырявленной на отрезки с дырочками лентой как импортная туалетная бумага в рулонах – мне бы поверили. Это звучит правдоподобнее.

К третьему уроку поднялся такой скандал, что класс не выдержал наплыва желающих поспорить на тему пионерских галстуков. Спор продолжался уже в учительской. Меня держали под обе руки, как какое-то суперважное чмо.

В учительской я не впервые. Не подумайте, что хвастаюсь. Обычно меня приводят сюда прятать от медосмотра. Это унижительно. Учителя запикивают меня в учительскую, ставят в угол и драпируют. Не знаю уж, что они там плетут, отвечая на вопросы, куда пропал Боря Раков, но каждый медосмотр Боря Раков прячется именно здесь. Стой, говорят, как учебный скелет. Я и стою... но когда за мной закрывают дверь на три оборота, я выбираюсь из-под унижительно-

ной ветоши, сажусь на завучихин стул и для смеха меняю местами пронумерованные папки за стеклом шкафа.

И вот теперь, вырвавшись из рук завуча Танищевой, я привычно протопал в угол, сел на любимый стул, оглядел всех с прищуром и крикнул:

– Сыпались!

Завуч Танищева вдруг вздохнула и сдалась.

– Хорошо, что ты вспомнил про эти галстуки. Это важно для нашего спектакля. Мы берём тебя выступать. Только вот боюсь я, что...

Я знал, чего так боялась завуч Танищева. И знал, почему физрук вытер пот с самых укромных уголков лба. Уж он-то понимал, что в таком состоянии я мог быть опасен. Остальные засобирали вещи, стараясь на меня не смотреть, а спина учительница алгебры Цыцы задёргалась нервным смехом.

Завуч постучала по столу карандашом и призвала к вниманию.

– Не разбегаемся! Вторым отделением – «Старенький зонтик». Первым – блокадный концерт. И смотрите! Чтобы у меня это самое! Чтобы завтра было всё как в блокаду!

Это значит, что меня взяли на старенький зонтик вместо пятиклассника Горева. Он сошел с ума из-за ошибки в слове «восемь», написав его с двумя «в».

Выйдя в коридор, я злорадно захохотал. Будет вам старенький зонтик. Будет вам всё как в блокаду!

Опасный камчадал

Господи! И ведь так всё шикарно... как в бочке с мёдом... но ведь ни в одной, даже самой продвинутой школе не удаётся обойтись без этой.... Капли дёгтя! Откуда она берется, никто толком не знает.

Пытаясь разглядеть что-нибудь сквозь кисею наспех сшитых кулис, мы настороженно слушали, как нам аплодируют. Может не нам? А уж аплодировали так, будто не блокада была, а, не знаю – сразу же День Победы.

Пионервожатые Лиза и Каля стояли взмыленные; сценарий блокадного спектакля принадлежал им. Блокада виделась Лизе и Кале вытянутой от Ленинграда до Камчатки. Народы СССР шли на неё гуськом как на партконференцию. Многочисленные национальности перемешались ещё в самом начале. Вместо пятнадцати союзных республик на сцену вышло не менее двадцати. Почему они стали похожи на диковинные инопланетные расы? И ведь ещё даже до девятого мая не дошло....

Во втором отделении должен был появиться живой блокадник. Каля и Лиза называли его «вишенкой». Он должен был бороздить космическое пространство в морском батискафе. Моей же задачей было спеть «Старенький зонтик», но – внимание! – не когда захочу, а по Калиному взмаху (отмашка должна была поступить в самом конце).

Я решил не мозолить глаза лишний раз и удобно устроился в кресле с помидором в руке.

Блокадник, хоть и должен был появиться лишь во втором отделении, успел изрядно достать меня в первом. На картонный морской батискаф он смотрел так, будто собрался тварей морских подчинять. А на задник с русалками – будто не мог жить без моря.

Актёрам быстро надоедало кривляться под музыку. Не успев выйти на сцену, они уже начинали движение в сторону кулис. Там их ловили Лиза и Каля. Пионервожатые давали дезертирам по шее и выталкивали обратно. Актёры пытались с ними заигрывать, но безуспешно – Лиза была беременна, а Каля ревела.

Скоро из народов СССР на сцене осталось двое: грузин и чудовище, которого зачем-то называли «старым камчадалом». Никто точно не знал, как выглядит «старый камчадал». На всякий случай, его наградили тремя глазами, усами-антеннами и виноградной лозой из спектакля по мифам древней Греции.

Несмотря на небольшое сходство с человеческой расой, камчадал имел грандиозный успех. Его не отпускали со сцены дольше, чем грузина; он откалывал такие штуки, что половина присутствующих сидела, обхватив голову руками, подвывая от ужаса и удовольствия. Наконец, признав поражение, грузин удалился за кулисы. Там он переключился на заигрывание с пионервожатыми. Ему это удалось: Каля пе-

рестала реветь, а Лиза втянула живот и кокетливо погрозила грузину пальцем.

Камчадал же скакал по сцене до тех пор, пока не зацепился лозой за связку воздушных шариков. Шарики разлетелись... камчадал подскользнулся на шарике и разбил голову в кровь. На сцене появилась медичка. Вы думаете, шоу закончилось?

Столовка редела от восторга; свистели и выли все, с шестого по одиннадцатый класс, включая матёрых отличников. После такого успеха выходить на сцену было бессмысленно. Но я рискнул. Почему бы и нет? Не хотелось растривать Калю и Лизу...

Желая получше узнать публику, я пошуршал подмышкой. Интересно, приймёт это их или нет. Ась? Интересно, как это будет выглядеть на фоне моей футболки с оскалившимся китайским драконом. Ась? С передних рядов послышался первый вой ужаса. Ась? Да, наверное, там меня было слышно лучше.

Лиза, ещё недавно кокетливо грозившая пальцем грузину, вдруг опустилась на стул и вытерла пот. А Каля, запихав в батискаф «вишенку», грозно насупилась:

– Семён Щипачёв. Песня о пионерском галстуке, – сказала она неожиданным басом.

На слове «Щипачёв» из меня пощёрло.

Теперь я шуршал не только стареньким зонтиком, а всем, чем можно было шуршать. Совершенно, так сказать, ре-

флекторно. Шушукал будто полиэтиленовый. И, как уже говорилось, пёр на свет прожектора. В свете прожектора, меня увидели все, включая тех, кто покупал в буфете булочки.

– Перенесите фонарь! – орали помертвевшие пионервожатые.

Прожектором управляли с другого конца столовой. Союзные республики в ужасе замерли в драматических позах. А я ничего не мог с собой поделывать. Бегал за прожектором и уже не шуршал, а отчаянно скрежетал; резко, противно, с отзвуками мела по сухой доске...

Потом, согласно наспех придуманной задумке Кали о создании спецэффектов на сцене повалил едкий дым. Куча пластмассовых линеек была наполовину опалена. Каля отчаянно махала. Нужно было прекращать петь. Иначе произойдёт катастрофа.

Тут мне преградил дорогу автомат с пионерскими галстуками. Не знаю, как старшие умудрились соорудить это чудовище за два дня, но аппарат внушал ужас.

Что мне оставалось делать? На этом жизнеутверждающем фоне я взял, да и спел про старенький зонтик.

Жаль, что не до конца.

Это всё из-за вашего Шипачёва...

Праздничный плакат смялся и покотился в мусорное ведро. Кто-то задрапировал сцену серым и посыпал воздух мурашками. Как на песочное печенье сыплот орешки. Всё

умерло за секунду, будто телевизор из розетки выдернули. А зал? Зал по-прежнему ревел от восторга.

Зачем понадобилось прерывать такой хороший концерт, – рассерженно думал я, – по какому, спрашивается, поводу?

Поводом было то, что наша новая директриса приподнялась и нахмурила брови. Я подумал, она собирается произвести тост. Я решил помочь, но, от волнения изо рта моего посыпался мыч и несвязные прилагательные.

– Что за цирк?

Я перестал мычать:

– Извините. Уж не знаю. Перепутал выходы. Старенький галстук и пионерский зонтик... как сейчас помню...

– Я не про это, – процедила директриса сквозь губы.

Я замолчал.

Помогла алгебраичка Цыца.

– Боря, ну как же ты мог? Как ты мог? Ты же вышел вместо блокадника. Разве ты не видел, Боря? Разве ты не видел, как мы машем тебе из-за кулис?

Видел ли я, как они мне машут из-за кулис? Да я вообще ничего не видел.

– Боря!

Я показал Цыце язык. Но не из вредности, а от презрения.

– Что Боря? Это всё из-за вашего Щипачёва!

– Щипачёв, конечно больше всех виноват, – сказала директор, продолжая смотреть на меня заинтересованно.

– Нет, ну, правда. Ведь эхо войны...

– Боря! Это очень храбрый, орденосный ветеран подводных войск. Он сказал, что никогда тебе не простит, – всхлипнула Лиза.

– Храбрый? Почему же он тогда, чёрт возьми, не оставил свой батискаф и не пришёл вам на помощь?

Каля отвернулась к зеркалу, и резким движением причесалась под мальчика. Дедушка был козырным тузом в её рукаве. Жаль что пружина, выталкивающая его из рукава, не сработала.

А директриса как завопит:

– Забудьте вы про этого орденосного ветерана! Раков, вот что меня интересует! Через десять минут я жду Ракова у себя в кабинете.

Каля заплакала и убежала. Я нерешительно направился вслед.

– Калечка, я не хотел, – сказал я ей в коридоре. – Давай попросим дедушку выйти еще раз.

Каля глядела на меня сквозь пелену слёз. В себя её привёл парень из числа её ухажёров. Кстати, он был в восторге от моего выступления. Хуже меня был лишь отвратительный старик Мамонов, недавно свирепствовавший в Ленинградском Дворце Молодёжи. Если бы не он, у меня бы не было конкурентов вообще.

Я сказал парню спасибо. Потом осторожно пробрался в столовку и потихонечку выглянул из-за дверей. Ого. Восторг, говорите?

Да я в жизни никогда такого фурора не видывал!

Оля Газелькина

Я решил зайти в кабинет без стука. Директриса вздрогнула и уронила губную помаду. Я извинился. Та махнула рукой, делая приглашающий жест – проходи. Я прошёл и сел на диван, втиснувшись между стопками отсыревших от ленинградской влаги диктантов.

Бросая косые взгляды через зеркало, директриса спросила:

– Раков... ты знаешь, в какие годы тебя бы выгнали за такие дела?

– Примерно в семидесятых годах, – блеснул эрудицией я, – А в блокаду и вовсе убили бы. Вы ведь это хотели мне сказать, да?

– Нет, – отрезала директриса.

Она повернулась, сжала зубы до хруста и вперила в меня злой взгляд. В ответ и я начал её разглядывать пристально. Исключительно из вредности, а не из любопытства.

За время учёбы в школе, я повидал немало директоров. Ни с одним из них мне ещё не приходилось разговаривать с глазу на глаз.

Лицо директрисы можно было назвать красивым. Из-за

мелких и заострённых черт, я бы принял её за измождённую старшеклассницу. Из-за привычки сжимать губы в шнурок, она была похожа на американскую жабу из «Юного Натуралиста». В «Юном Натуралисте» этих жаб тьма тьмушая. Они мечут икру и покрыты бородавками. Читая журнал, я всегда старался поскорее пролистать жабыи страницы; от них мне становилось не по себе.

В конце концов, я сделал вывод, что новая директриса мне не нравится. Жаль, что эту страницу так просто не пролистнёшь. Выворачивало меня с директрисы, вот что. Я прекрасно знал, что директриса не жаба. И она не будет метать икру прямо передо мной прямо здесь, в кабинете. Но вот такой вот я мнительный. С мнительностью ничего не поделать...

Минуты на часах тикали, а меня всё не отчитывали и не отчитывали. Я уж было подумал что плотно сжатая ниточка губ в исполнении директрисы означала что-то иное и оказался прав.

– Знаешь что? А давай дружить, – вдруг сказала она

– Как это? – испугался я.

Директриса пододвинулась ко мне ближе.

– Так это!

– Не надо дружить, – испугался я ещё больше.

Что обо мне подумают одноклассники!

Директриса отодвинулась, но продолжала пристально следить за реакцией на моей физиономии.

– Проходил семейное консультирование? – спросила она

– Там где девственность до брака сохранять рекомендуют? – уточнил я, – Проходили в прошлом году...вроде бы.

– Надо будет отменить это семейное консультирование к чёртовой матушке, – задумчиво сказала директриса.

Она плюнула на полированный стол и растёрла рукавом. Потом встала и поправила причёску.

– А ты не рак по гороскопу случайно?

– Нет, – сообщил я, улыбаясь до ушей. – По гороскопу я скарабей.

– А так бывает? – заинтересовалась директриса.

Вместо ответа я снял вспотевшую футболку с драконом и пошевелил клешнями.

Директриса несколько не удивилась.

– Прелестно, – сказала она, – я опять забыла, как тебя зовут.

– Вольфганг Амадей Фарадей, – буркнул я.

– Очень приятно. Моя фамилия Газелькина. Можешь звать меня Оля.

Я представил себе, как называю нового директора Олей и меня чуть не вырвало. Слава богу, приём подходил к концу.

– Ты аленький цветочек. Нет, ты моя золотая рыбка. Появишься завтра. В бассейн ходим, – напевала директриса себе под нос.

Было непонятно, обращается она ко мне, или просто мурлычет песенку.

– До свиданья, старая карга, – задумчиво пробормотал я, закрывая за собой дверь.

Зачем, интересно, ей приглашать меня в бассейн? Плаваю-то я довольно посредственно.

Можно я представлю вас с усиками?

Был бы я экстрасенсом из тех, что читает мысли и гнёт ложки по телевизору, – дал бы вам на ночь экстрасенсорную установку. Жаль, что я ложки я гнуть не могу. Но установку дать всё-же попробую. Вот, прямо не вылезая из кровати – возьму, да и дам. Запомните или запишите себе где-нибудь. Желательно на той половинке мозга, которая отвечает за ваши чувства и неконтролируемые эмоции.

Установка такая: никогда, ни при каких обстоятельствах, не приходите в мои сны. Особенно, когда вас туда не приглашали. А если и приглашали, этот вопрос должен рассматривается отдельно. «По пустякам во снах не беспокоить». Я напишу это у всех знакомых на лбу. Потом приступлю к охоте за непонятливыми.

Ещё днём я радовался, что нашел в себе силы нахамить директрисе. Чувствовал себя героем и выдавшим виды отморозком. И всё было хорошо, пока я не заснул. Во сне директриса нанесла коварный удар в мою спину.

Во сне был бассейн и в нём стоял я. Оля Газелькина пла-

вала вокруг меня хищными зигзагами.

Глядя на неё, я не выдержал и спросил:

– Можно я вас представлю со жвалами и усиками?

– Давай, мой сладкий.

После этих слов, Газелькина начала метать в меня икру будто гранаты.

Подскочив на кровати, я долго дышал ровно и глубоко. Несмотря на ровное дыхание, я нервничал. Это что же... влюблённость такая особенная, меня посетила?

Ощупав постель, я обнаружил, что температура простыни отличается от комнатной. Я поискал взглядом разбитую чашку, но не нашёл.

Значит, правду про эти дела говорят? Но почему именно эта старая карга строит мне мокрые козни? Есть же масса более привлекательных вариантов, включая мою пока несостоявшуюся любовь Понку. Я приглашал её в свои сны, а она не снилась. Я бился над этой проблемой месяцами.

Говорят, что правым полушарием можно представить всё на свете, в то время как левое полушарие только всё портит. Так вот; левое полушарие услужливо подсовывало вместо Понкиной велосипеда и перочинные ножички. Они были совершенно реальны – только руку протяни. Но из-за велосипедов и ножиков я не мог сосредоточиться конкретно на Понкиной.

Её нога, появляющаяся из тумана на велосипеде, вдруг уезжала от меня, перескакивая с одной педали на другую.

Догнать ногу я не мог. Поэтому приходилось терпеливо рисовать портрет Понкиной с начала.

Как-то, заснув с книжкой по школьной программе, я опознал Понку в одной из великосветских барышень. Не подумайте, что на этой картинке меня что-то не устроило. Мне нравилось всё, кроме причёски. Причёска у отвратительной барышни напоминала берёзовый пенёк, обвешанный липкими бруньками.

Я очень сложный подросток. Мне не надо брунек на Понкиной. Мне нужны на ней жвалы и усики!

Отворачиваясь лицом к стенке, я то и дело вызывал Понкину перед сном. Но теперь выплывали только эти обвислые бруньки. А уже потом выходила Понкина. Лысая как коленка. Бруньки снились отдельно от Понкиной головы, и это уже никуда не годилось.

Вчера я сделал перерыв. Вместо вызовов Понки, я крутил в голове смешную фамилию Газелькина. Без всякого умысла – просто так. Фамилия смешная. Ничего крамольного я себе даже не представлял...

А проснулся я в мокрой постели.

Кактус

На полуразбитых польских часах «Электроничка» было восемь утра. Я вытер кровать и набрал телефон Кактуса.

Кактус имел полное право не просыпаться в такую рань.

Глупо просыпаться в восемь утра в субботу. Но Кактус взял трубку.

– Кактус, спаси. У меня во сне преподавательский состав... Метут икру и так далее...

Я не стал ограничивать себя одной лишь директрисой.

От широты души я присовокупил к своим фантазиям географичку. А ещё воспитательницу дошкольного образования Карбасову, по кличке Карабас. Карабас обладала странной внешностью и шишкой на голове. Это делало её похожей на актёра из «Ералаша». Когда Карабаса умоляли произнести «Атас, пацаны, участковый идёт», она мило смущалась. В принципе, можно было считать её хорошенькой.

– Что значит метут? – Кактус заинтересовался, – Пристают? По пятам за тобой ходят? Или, наоборот, к себе приманивают?

Кактус же ненормальный. Такой же ненормальный как я. Правда малость поумней. Почему я ему звоню? Потому что именно Кактус когда-то давно объяснил мне, что такое любовь мужчины к женщине, наглядно продемонстрировав процесс на пластмассовых солдатиках. Спрашивается, чего я ожидаю от него сейчас? Такой же наглядности, чёрт побери!

– Приманивают, – сказал я, подумав.

– А физруки? – спросил Кактус. – Физруки, физручихи не снятся?

– Кактус, – зло прошипел я, – до физруков мне дела нет.

– Тут дело не в том, что дела нет, – весело откликнулся Кактус. – А в том, что это у тебя подростковое. Могут быть физруки. Хотелось бы помочь. Но я еду в Бернгардовку....

– Как это – «могут быть физруки»?

В трубке помолчали.

– Я сваливаю к деду на огород. Уже почти собрался.

– Собрался?

– А думаешь, почему я в восемь утра на ногах, зубы чищу? – крикнул Кактус и бросил трубку.

Я походил немного по комнате. Нужен ты больно мне, Кактус! Не вписывается в мои планы твоя Бернгардовка! Но если задуматься...

Денег, конечно, на дорогу не было. А если бы были? Где можно достать денег в восемь утра? У друзей. А где взять друзей, кроме Кактуса...

Хотя стойте.

Есть ещё Добробаба.

Антрекотная операция

Смеётесь, небось? Правильно... если бы такая фамилия принадлежала мне, я бы повесился! А у Добробабы с ней никаких проблем.

Удивительно, как при столь нелепой, идиотской, но при-

том звучной фамилии никому в голову не приходит дразнить Борьку какой-нибудь Злобнобабой. Или Добродедой. Или ещё какнибудь.

Часто его называют Бочини, в честь аргентинского футболиста. На первый взгляд ничего особенного в этом прозвище нет. Для кого-то Бочини – унылое измождённое лицо со складыша от жвачки «Финал 90». Для борькиных родителей – что-то вроде собачей клички. Но, вот я, скажем, на минуточку, тоже Боря. Почему никто не зовёт меня Бочини? Или Борис Беккер, например? Да что там! Меня и Борей-то никто не зовёт...

Назвать у нас человека по имени – большая честь. Всё равно, что подлизаться. В качестве примера приведём Кактуса. Школа боготворила его. Настолько, что была готова называть его человеческим именем. А это всё равно, что признать Кактуса гениальным на уровне какого-нибудь Моцарта или Бетховена.

Но как раз Кактус-то и был гениальным как Моцарт; именно у Кактуса в нужный момент находилось немного пороха от хлопушки: именно его ракета, выпущенная из рогатки, становилась многоступенчатой. Именно Кактус придумал дразнить стариков-доминошников ради энергетической разрядки (благодаря этой идее мы выжили после того, как в школах была введена шестидневка). А ещё Кактус сдал в милицию банду окрестных алконавтов, занимавшихся вторсырьём и превратил облюбованную ими кучу фанерных ящи-

ков в домик на дереве.

В благодарность за всё это Кактусу начали называть Печкой. Потом Пекалем. Казалось, девочки вот-вот повзрослеют и перейдут на какого-нибудь Петю, а там уже и до Петра Ивановича недалеко. Но стоило Кактусу сбрить первые ростки усов дедушкиной бритвой... после бритья, щетина на лице попёрла так, что только «Ура» не кричала. Если Кактус не брился пару дней, он был похож на боярина допетровской эпохи. А если он успевал побриться с утра, к уже вечеру армяне приветствовали его из всех продуктовых ларьков....

В один прекрасный день, кому-то из наших оригиналов посчастливилось увидеть небритого Пекаля и провести параллель с ошетилившимся...

Этот дурак не мог с ходу поймать мысль.

– Может с кактусом? – не выдержал гениальный Петька.

С той самой поры Петю Землероева называет Кактусом даже родная сестра, а вслед и собственная мама!

Добробаба и на общественное признание-то и не претендовал – он с ним родился. Признание досталось ему в наследство от дедушки. Дедушка был усыновлён партией первого ленинского призыва как Маугли и на членов партии второго призыва смотрел сверху вниз.

Выгода дружбы с Добробабой была неравноценной. Перекинувшись с ним парой слов, вы чувствовали, как статус ваш

взмывает чёрт знает куда. А Добробаба оставался Добробабой. Выше взмывать ему некуда.

Я-то с ним дружил без всякой причины. Началось это ещё в детском саду, в возрасте когда неважно, растёт ли под боком клешня и является ли дедушка партийным функционером.

Мы играли в индейцев и называли друг друга необходимыми индейскими прозвищами. Я был Верной Клешнёй и мог пояснить при надобности – вытащить клешню из-под рубашки и завязать поверх себя галстуком. А Борька, выбравший прозвище Острый Клык ни разу в жизни никого не кусал.

Лишь однажды, в доказательство своей остроклычности, он попробовал прокусить садовый шланг. В результате зубы его треснули у основания. Не знаю... может, Борькины родители желали ему карьеры телеведущего программы «Время», но скандал поднялся ужасный. Крайним, разумеется, был я. Дедушка ленинского призыва ударил меня в лицо кулаком и сказал: «За всё хорошее».

После стоматологии Добробаба выделял согласные звуки исключительно дёснами. Фиксы его окислялись, наполняя рот ядовитой реакцией. При любой попытке дотронуться до них языком было больно. И Борьке приходилось строить свою речь, экономя на согласных. Что-то вроде «Айяйяй» он ещё мог проговорить. А вот слово «монстр» с четырьмя согласными ...

Впрочем, я забегаю вперёд. Монстр с четырьмя согласными в его жизни ещё появится.

А пока... позвонили дедушке... дедушка сделал несколько волшебных пассов рукой и жизнь Добробабы потекла по иному руслу. Он вдруг попёр на красный диплом, стал светилом пионерской организации... По последним сведениям, собирался жениться на самой красивой районной тусовщице за несколько месяцев до собственного совершеннолетия – брак! Впрочем, с браком была небольшая проблема. Влюблённые отказывались ждать положенных восемнадцати лет. Они желали закрепить свои узы уже в шестнадцать. Что тут поделаешь?

Дедушкины пассы уже не работали; в медицине царила атмосфера уже не ленинского призыва, а чуть ли не декабристского или пушкинского. И родителям Добробабы пришлось решать этот вопрос на антрекотной основе.

«Антрекотной» прозвала эту операцию Борькина мать – именно она была заведующей мясным отделом «Кулинарии». Помощь отдела требовалась для того, чтобы собрать нужные документы – справку о половой зрелости, например. Тут врач упёрся. Он сказал, что от антрекотов не отказывается, но не даст справки Добробабе как минимум до шестнадцати. Против природы, дескать, не попрёшь. От раннего вступления в брак у Добробабы может развиваться некроз тканей... Эх, не ржать бы мне над ним, не подначивать бы постоянно на скороговорки с шипящими и не шутить над

некрозом тканей... может быть, мы и дружили бы сейчас по-настоящему!

Но удержаться от смеха было невозможно. Никто бы не смог. Особенно когда Борька в компании друзей с гитарой наперевес исполнял уважаемый среди бывших индейцев металл с героической подоплёкой.

«Но если смеять моя застынет в твоей глоткее!»

Усе будут знать, цтьо уцязвимо злооо!»

У него была замечательная коллекция кассет и прекрасный вкус к музыке. И на компромиссы с обществом Острый Клык не шёл никогда. Он слушал только британский металл. Изредка – как кофе без молока по утрам, для бодрости – металл тевтонский. Чтобы поугагать родителей в ход шла местная ленинградская дивизия в лице групп «Фронт», «Трезвость – норма смерти» и «Скорая Помощь». И, главное, никакой эстрады и хохмочек... не как в Москве! И никаких синтезаторов! За это Борьку и уважали.

Конечно, и я его уважал. К тому же, мы когда-то дружили. Возможно, он одолжит мне два рубля... и возможно расскажет, как поступать с физручихой. То есть, не с физручихой, а с директрисой... эх Кактус... дались тебе эти физруки!

Семьеведение

Напевая про смерть, застрявшую в глотке, я поднялся на второй этаж в лифте. Там я полюбовался на надпись «Борька – говно». Надпись была выполнена готическим шрифтом.

Несложно догадаться, что это дело рук бывших товарищей Борьки по играм в индейцы.

Добробаба не сразу отреагировал на звонок; промурыжил меня перед дверью минут пятнадцать. Открыв, оглядел меня с головы до ног. Недовольно выдал тапочки. Сам был не в тапочках, но в кроссовках. Поверх футболки с логотипом-молнией был накинут кроваво-отравленного цвета халат.

Невеста добробабина тоже была в полном порядке. Одетая в куртку и сапоги, она яростно крутила перед носом помаду. Дутая куртка была похожа на переморщенный баклажан. А шарф – ну просто яичный желток. Бусы сверкали на её внушительной груди: грудь тоже лихо сверкала. Наклонившись над пианино, она доводила верхнюю губу до цвета обложки от паспорта. Перед невестой стояло маленькое пластмассовое зеркало. В нём отражался маленький пластмассовый я.

– Собираетесь, что ли, куда? – спросил я.

Борька развалился на диване. Перед этим он снял футболку, остался в джинсах с сантиметровыми заклепками на ширинке. Невеста подвела верхнюю губу карандашом и захлопнула зеркальце. Не говоря ни слова, она села Добробабе на колени и принялась класть румяна одновременно на обе щеки.

– Жьём, – пожал плечами Добробаба.

– Чего?

– Когда Борьке шестнадцать стукнет, – сказала невеста.

Должен признать, что закончив с румянами, она стала прекрасна как рябиновое деревце.

– А когда стукнет-то?

– Февотня в вофем вефера. – сделал усилие Добробаба.

– У вас все дома? – поинтересовался я. – Я в смысле того, что может вам лучше будильник на это время поставить?

– Так мы и так завтра утром за документами побежим. Сразу же после будильника, – пожала плечами невеста.

Юмор не прокатил.

Я прошёлся по комнате, провёл рукой по полке с кассетами, хватанув пыли, так, что та не уместилась в горсть. Давно, ох давно Добробаба не прикасался к своему тевтонскому металлу.

– И давно уже вместе живёте?

Добробаба задумчиво почесал переносицу. Пассия растянула лицо в надменной улыбке:

– В каком месте?

Вид у неё был такой, будто я собирался разоблачить их союз. Или вторгнуться в постель с непристойными предложениями.

– Я к чему, – терпеливо повторил я. – Я к тому, как всё обставить? Чтобы с родителями не жить? У меня тоже скоро... не скажу, что некроз тканей, но всё равно...

Борькина пассия вздохнула. Лицо её стало добреньким.

– Ну что ты замолчал, Добробаба? Семейведение прохо-

дил?

Добробаба поморщился.

– Может, ты мне предлагаешь объяснить? На собственном примере?

Добробаба покачал головой. Достав из ящика стола трубку, он медленно её раскурил, распыхтел мелкими облачками. Откуда-то появился стакан холодной воды и газета. Получилась смесь политинформации с индейским советом «Навахо-нейшн»

– Фто фофешь уфлышать ты, Вефная Клефья? – спросил Добробаба, затягиваясь по-взрослому. Дым повалил из ушей. Окна в квартире быстро вспотели.

– Я больше не Верная Клешня тебе, Острый Клык. Меня зовут Боря, – сказал я, заметив краем глаза, что пассия, вытянувшись по направлению ко мне так и не втянулась к Добробабе обратно. Должно быть, ей не нравились игры в индейцев.

На Борькину трубку она смотрела презрительно. Сама вытащила сигареты в твёрдой, сглаженной по краям пачке и тоже закурила.

– И ты Боря? – спросила она

Я кивнул.

Пассия дернула плечами, скинула дутую куртку и осталась в драном кружевном лифчике. Я кивал головой без остановки, как игрушечная собачка.

– Так вот Боря, – сказала она, – Слушай внимательно...

Мой совет – с половыми вопросами обращаться к учителю биологии.

И рассмеялась мне в лицо. Я поймал запах ароматного, кислого дыма.

Тут пассия резким движением скинула с Добробабы халат и стала целовать Борьку, не вынимая изо рта сигареты.

– Биолофи не помофут, – проворчал Добробаба. – У эфофо фофона еще с фадика биоофифеская пфофлема.

Биологическая проблема? Я решил схватить Борькину невесту своими клешнями и подмять под себя, откусив голову, но пожалел портить рубашку.

Пока я стягивал с себя рубашку, раздался громкий удар; на оконном стекле вырисовалась паутина. По стеклу забил град. Паутина не выдержала и рассыпалась осколочным штормом; стёкла посыпались, и следующий камень попал в занавеску.

Мы высунулись из окошка по пояс. Под окном раздавался рёв нетрезвых, звонких басов. Между деревьями суенилось злое и бородатое существо. Рядом подпрыгивал кто-то мелкий, но ловкий.

– Вот они, сволочи! Голые! Втроём живут и не стесняются!

Борька отпрянул.

Чуть задержавшись, я получил следующим камнем под глаз и сполз по подоконнику.

– Я тебя найду Борис. Ох, я найду тебя, Добробаба! Ох, ты у меня слезу хлебнёшь. Ох, обещаю ... добробаба такая...

Как слон чихает

Обладатель баса разорялся всё громче. Он был не прочь кинуться в ближний бой. Одна помеха – в пискарёвских парадных уже были установлены домофоны. На них когда-то сдавали по пятьдесят рублей. Если бы жильцы добробабовского дома не успели бы сдать деньги вовремя, нам пришёл бы каюк. Но домофон разрывался отчаянным писком не зря; он удерживал дверь от непрошенных гостей отменно. Одновременно с писком было слышно, как соседи захлопывают форточки, давая возможность конфликту развиваться самим собой.

– Это что? – спросил я, потирая ладонью глаз.

– Это папа, – прошептала Борькина пассия. – Припёрся, нашёл меня... И брат мой с ним. Это он тебе глаз выбил.

Да уж. Оно и видно. Точнее не видно. Подбитый братом глаз не закрывался.

– Да фто же это такое. Перех фамой фвадьбой! – разорялся Добробаба.

Ему досталось поменьше, зато муки попранной гордости терзали его куда сильнее.

– Выйди и скажи им об этом, – цинично предложила Борькина пассия. – Или спрячься.

Добробаба схватился за голову.

– Где спрятаться? Он везде нас найдёт.

Тогда я сказал:

– У Кактуса в Бернгардовке! Знаешь Кактуса? Я туда сейчас еду.

– Бефда? Фалеко! Гофится, – прохрипел Борька и кинулся одеваться.

Индейцы в моей голове затанцевали вокруг костра и запели похоронную песню.

– Что бы такого одеть? – задумчиво спросила Добробабова баба.

Я оглядел её от лаковых туфель на каблуке до взбитой пряди на причёске. Поморщился. Вспомнил, как она недавно оглядывала мой внешний вид и решил никого не жалеть – сделал мат сразу тремя конями:

– Всё с себя снять! Надеть резиновые сапоги! Взять с вешалки ватник!

Борькина пассия презрительно фыркнула.

– Быстро, – заорал я. – Быстро как слон чихает. Знаешь, как слон чихает, Бобо?

Бочини не знал.

– Один говорит ящички, второй ящички, третий потащили. Ну-ка вместе. Ящички! Хрящички! Потащили!!!

– Яффики, – пискнул Борька.

Нам удалось выскочить из окна как раз, когда был выломан домофон у двери; та с шумом захлопнулась.

– Скажи Острый Клык, а искать тебя предки не будут? – на всякий случай уточнил я и помог Добробабе подняться с асфальта.

– Нет, – сказал Добробаба, запахивая халат – Ффе на дафе... Вефь день...

Я почувствовал, как клешня моя скалится. Ну, да, быть Берде. То есть беде... Когда речь заходит о мести, я становлюсь коварен как барракуда. Я становлюсь коварнее, чем любой комсомольский карьерист – и скоро все об этом узнают.

Никто не имеет право меня предавать. А ведь ты предал не только меня, Добробаба... Ты предал идеалы металла, променяв их на бабу в лаковых туфлях. За это и получай. От меня и от всех тех, кого ты всю жизнь обманывал.

Итак, вперёд. Ящики, хрящики, потащили.

Бряк распадается

Пискарёвка погрузилась в темноту. Голубые бусины фонарей бросали отражение на платформы залитые лужами. Мелькавшие за окном избушки озаряла тёмно-красная, брусничного цвета луна. Приличного народу в электричке не наблюдалось. Те, кто сидел здесь, либо ездили по грибы, либо проживали непосредственно в самой электричке.

Борькина пассия откровенно скучала, набросив поверх себя ватник. Она курила, никого не стесняясь, а пепел бросала в резиновый сапог. Его подставлял Добробаба, на тот случай, если сердитые взгляды пассажиров с детьми станут угрожающими. За пассажиров с детьми Добробаба принимал компанию малолетних беспризорных стрижей в сопровождении милиционера.

Перед тем, как пассия закурила, я открыл ей окно. Это оказалось непростым делом. С окошка сыпалась труха. Пришлось подталкивать язычок клешнёй, потому что больше ничего не было. Я делал вид, что моя клешня – консервный нож для тушенки. Никому из пассажиров и в голову не пришло заподозрить, что я не такой как они.

Денег за проезд мы не платили, хотя и видели, что на соседнем сидении засел контролёр. Он то и дело оборачивался в нашу сторону. Но смотрел как-то жалобно. Уж не консервный ли нож его напугал?

На следующий поворот головы кондуктора в нашу сторону, пассия выдула из резинки пузырь и капризно спросила.

– Чего вылупился?

Контролёр ничего не ответил.

– У нас бряк распадается, – сердито сказала пассия. А Добробаба поправился: – бфак!

Он всё нервничал, смотрел в сторону тамбура. Поднимал

часы, взмахивая рукой так, будто приглашал кого-то на выход подраться. Пассии же было совершенно всё равно – бряк или бфак распадается, куда мы едем, зачем едем и что будем делать, когда приедем. Она жевала резинку. А я отколупывал жёлтую краску с сидения, Лузгал как семечки. Наблюдал за пассией без особого интереса.

Контролёр бросил на Добробабу очередной неоднозначный взгляд и отвернулся. Рядом сидел малолетний цыган. Он сосал петушка на палочке и прижимался к контролеру как к маме.

– У нас брак распадается... не понял ты что ли? – прошипела пассия ещё раз.

Она затушила сигарету о запотевшее стекло и жирными буквами вывела на нём слово «Дашуха».

Так я узнал, как её зовут.

Кенка

«Двери закрываются. Мельничный ручей. Станции Кирпичный Завод, Радченко, Дунай, а Петрокрепость поезд проедет без остановок и...быр-быр-быр... Сады! – донёсся неторопливый голос водителя электрички.

– А нам не Бейдян...Бейгад... нам раньфе выфодить не нядо быо? – запаниковал Борька.

– Ах, я садовая голова, – заорал я. – Это не Бернгардовка! И не Мельничный ручей даже. Сады-ы-ы-ы! – специально так завывал! – Садовая голова, вот кто я... садовая голова...

Добробаба с досады сломал пополам сигарету. Я же устроился поудобнее и стал смотреть, как его пассия стучит ногой в мокрый пол. Теперь они оба нервничали. А у меня в голове заиграла детская пластинка. Та, где на конверте которой слон в гороховых трусах и фарцовый верблюд с рюкзаком. Они заблудились в лесу из треугольных ёлочек.

Цык-цык-цуцык – пелось там, или как то ещё.

От нечего делать, я принялся наблюдать, как вошедшие забулдофили играют в карты. Игра казалась опасной. Компания игроков выглядела как банда головорезов. Они ругались и били друг друга картами в нос. Играли угарно, били сильно, битые даже не морщились.

Я следил за тем, как классно кудрявый мужик в кепке ведёт игру; не сдаёт, а выжидает; подкрадывается, точно рыбак с ведром динамита.

Электричка, между тем, проходила по просеке. Колёса грозно стучали. Казалось, всё это дело сейчас развалится. Просветов за окном не было. Всматриваться в крошечный лес было бесполезно. Даже я заволновался.

А Добробаба уже все сигареты сломал. Потом как ударит по пластмассовой кепке:

– Фявай, фепка, фтоф ты, ууу...

Игра прекратилась.

Кепка поднял злые глаза на Добробабу и переспросил:

– Почему я «фепка»?

И все остальные тоже устали на Борьку.

С Борькиной дикцией вступать в единоборство с голово-резами – поступок совершенно ненормальный. Борька прекрасно это понимал, поэтому немедленно слился в сторону тамбура.

Кепка переключился на меня.

– Понимаете, – принялся выкручиваться я, – Не фепка, а кепка. На вас кепка, я имею в виду.... На мне что-то ещё. Можно даже гордиться... крутая ведь кепка... разве нет?

– Кепка? Я ... Кепка? – Дачник вбивал в каждое слово по вопросительному знаку. Оранжевое слово «Миша» на пульсе задвигалось.

Я давай пятиться к тамбуру.

–Показывай, – потребовал Кепка, схватив за руку, – Посмотрим, что у тебя есть и как мы ещё называть тебя будем.

Я тяжело вздохнул и на секунду вытащил то, что у меня было. Понимаете, когда долго держишь клешню взаперти, клешня бьётся, а всё вокруг неё чешется. Просится наружу, а нельзя. Но всё равно надо её вынимать. И проветривать, хотя бы периодически. И смазывать надо, хотя я этим пренебрегал....

Глаза у кепки тут же стали огромными. Такие же были у моего папаши, когда тот наложил в штаны и перестал строить из-себя крутого.

Борьку выбросили из открывшихся дверей на платформу.

А я не торопясь, с достоинством вышел. Подал руку Дашухе. Двери электрички закрылись... Кепка провожал меня ошарашенным взглядом.

Краем глаза я увидел контролёра. Он свернулся на сидении сгорающим мотыльком. Цыган тыкал ему в башку овечей ногой – по ихнему «овечей ногой», а по нашему ножом, сделанным из напильника.

Тут я задумался.

Может мне хулиганов ловить? Как раз в промежутке между учёбой и поступлением в технический ВУЗ, из которого меня наверняка выгонят.

А что? Физическим трудом я брезгую. Вряд ли где нибудь удастся подзаработать клешнёй. Руки из жопы – пожалуйста, клешня! вместо рук в таком деле, она была бы, прямо скажем, на вес золота.

– Ну? – тряс меня за руку Добробаба, – бует там электрифика ефё или нет? Фафпифание есть у фебя?

Мысли затормозились. Не мысли, а обветренная колбаса, с которой нужно срезать верх и жарить на сковородке... Расписания не было. Я порвал его на куски задолго до того, как сесть в поезд.

– Слушай, Острый Клык – нехорошо улыбнулся я. – а пошли пешком? Тут недалеко...вроде.

Добробаба схватился за голову.

Цык-цык-цуцык – запели звери с детской пластинки. Сна-

чала медленно, потом быстрее. Пластинка разгонялась.

Я терпеливо ждал, когда она закрутится с прежней скоростью.

«Ящички, хрящички, потащили!»: вдруг крикнул я голосом нашкодившего первоклассника и скрылся за ёлочкой.

Потащили...

Ну... как сказать, потащили.

Чихающий слон, наверное, бы пожалел, если с нами связался.

Мастер по спортивному ориентированию из меня никудышный. С детства люблю ходить в лес, но могу только оттуда орать «помогите». Это у нас, собственно говоря, семейное... по маминой линии (по папиной, как вы догадываетесь, всё немного сложнее).

Прикол по маминой линии заключался в том, что все её родственники, так или иначе, заблудились в лесу. Соответственно, все там и померли. Но не лучше ли сказать так – приняли смерть от леса?

Не в том, разумеется, смысле, что тихо сгнули в канаве с криками «аа, лес извини», а в том, что встали в самом глухом месте и провозгласили: «Неужели это лес привёл меня к гибели?». Или что-то в таком роде...

Дальний мой прапрапрашур служил обервальдмейстером ещё при Петре. Император заставлял его ходить на бекасов и вальдшнепов (с ударением на первом слове). В процес-

се травли бекасов и вальдшнепов, предок запутался в собственных силках, треснулся головой и навечно уснул в лесном можжевельнике. Проснувшись, он попытался вылезти, но можжевельник его уже не отпускал – отмстил, истерзав до смерти.

Замыкала эту линию история дедушки Виража, который перед началом соревнований по ориентированию, выпил для согревания жидкостный компас «Бусёл» – и всё равно умудрился обморозиться до полусмерти. Короче, остался без ног до щиколотки. До конца жизни передвигался при помощи роликовой доски «вираж». Его так и называли – Вираж. Не сразу поймёшь, в чём тут дело.

Дед Вираж дожил до девяноста лишь потому, что с тех пор в лесу больше не появлялся. И другим вперёд наказал.

Мама, так та теперь в лес никогда не ходила. Намеревалась окончательно порвать со страшной преестественностью. А я вот, хоть и не люблю эти истории про лес, но тянет меня почему-то туда со страшной силой...

Папа даже воспитательную работу по этому поводу со мной проводил, упирая на то, о чём в других случаях предпочитал бы помалкивать:

– Ты же морской гад у нас, Борька, морской! В лесу с клешней не выживешь!

Да, что клешня... не складной нож для походов. Ей даже банку тушёнки не открыть. В лесу с моей клешней делать нечего.

Но я всё равно очень люблю лес.

Хорошо здесь как-то, чёрт подери, и даже запахи какие-то особенные.

Идёшь себе, о кочки спотыкаешься. Красота! От комаров всё вокруг будто приходит в движение. Лес, можно сказать, встаёт и движется тебе навстречу. Братские могилы в деревне Верхние Никулясы шевелятся так, что отдыхающие на дачах поговаривают, дескать, там живёт чёрт, и из-за него не вернёшься на следующий год таким же, как прежде. Но что поделаешь. Это Дорога Жизни... не долина смерти. Живут тут повсюду. В опеределённой мере и про братские могилы так можно сказать. И про комаров, разумеется, тоже.

Зарница или задница?

В красоте ночных пейзажей Верхних Никуляс, Добобаба привлекательных сторон не видел. Если согнать комаров с его лица, можно было прочесть, что под ними написано. Написано там было «Скорей бы на электричку»...

На электричку не на электричку, а по шпалам было бы безопаснее, чем вот так – через лес. Точнее, а может быть, даже быстрее. Но зато сегодня хозяин леса я. И Добробаба будет спрашивать у меня, в каком болоте тонуть и под каким кустом ему сегодня покакать!

В болоте мы потонули лишь один раз, и то неглубоко... Я не сомневался в маршруте. К тому же, мы метили дорогу клочками от календаря садовода, который Добробаба подо-

брал на платформе. Довольно скоро мы покинули территорию садоводств. Вступили на территорию леса.

Кто-то неотступно за нами следил. Ходил, ломая кочки, прятался за деревья. Пару раз пометил баклажановую куртку Добробабиной пассии тремя рваными полосами... Думаю, она просто цепанула дерево неподходящим для лесных прогулок нарядом. Сама виновата. Я эту дуру предупреждал.

В лесу этот «кто-то» приблизился на расстояние вытянутой руки. Я чувствовал, как мне сверлят голову, с хрустом уминая в ней мысли послойно. Телепатия, может, какая? Будто слон протанцевал, разбросав по всей голове и, вдобавок спиной там об стенку почесался. Судя по лицам, такой же расклад был в голове у Борьки и у его глупой баклажановой бабы.

Вдруг я увидел, кто именно за нами следит. Это был средних размеров медведь. Он быстро помахал рукой и спрятался в дерево.

Цепочка крыс, трудившаяся над трухлявым пнём, добывая палочки, бросилась врассыпную. Некоторые даже на дерево забрались – смехота, да и только.

Я засмеялся.

Борька психанул.

– Зарница или задница? – закричала Дашуха.

Небо над её головой нахмурилось и покраснело.

– Задница? Или зарница?

Долго же я не понимал, что лес – наш друг и наше богатство... Нам это вбивали в школе, но до конца вбилось это только сейчас... Чёрт с ним, с этим петровским обервальд-мейстером. Даже комары – и те были на моей стороне.

– Да знаешь ли ты, Добробаба, – впервые я называл Борьку по фамилии. – Нет, не так ... знаешь что Добробаба, – загремел я на весь лес с таким эхом, что не снилось директору стадиона. Аба-аба-аба! Эффект мне понравился. Я бы орал ещё и ещё, но тут из меня попёрла клешня. Она скалилась на Добробабу. Медведь удивлённо высунулся из-за дерева и причмокнул. Заворожённый Борька тоже давай причмокивать. Тут я снял гипноз. Добробаба выпучил глаза:

– Уберррите его от меня. Уберррте... Он ведь монстррррр! Монстррррр, монстрррр, монстрррр!

Совладав, наконец, с дикцией, он бросился прочь по направлению к заброшенной деревне Верхние Никулясы.

Медведь сделал попытку показать мне «окей» тремя когтями. Попытка не удалась... когти в «окей» не сгибались. Тогда медведь рванул в сторону убежавшего Борьки ... Ага, ну, хоть не скучно Добробабе одному будет бегать. Да и, пожалуй, быстрее на станции окажется!

С этими мыслями, я как-то даже забыл, что мы остались наедине с Борькиной пассией.

– Я люблю тебя Раков, – басом сказала она и нежно поцеловала.

Жаль, нет зубной щётки...

После полуночи появившаяся химия начала ослабевала. Мы шли и ругались так, будто знали друг друга не одну тысячу лет.

Узнав, что у меня с собой нет зубной щётки, Дашуха пилила меня ужасно:

– Ну, вот Боря, Боря например. Вспомни Борю! Он всегда с зубной щёткой и фиксами. А теперь на себя посмотри... чучело. Где твоя щётка зубная? – она сердито сверкала глазами.

– А я разве с фиксами? И вообще, я живу по принципу «без зубной щётки» – отмахнулся я и взгляделся в линию горизонта.

Тут лес вдруг сменился чистым полем. Небо окрасилось кровавыми петардами.

«Дома всё равно убьют», – подумал я и решил устроить привал.

Завалившись под кустик, мы смотрели на полную, объевшуюся сыра луну... Где-то вдалеке шумел поезд. Возможно, на нём сейчас движется в сторону города Добробаба. С одной стороны, романтика. Но с другой, ведь, не так, чтобы прям расплакаться. Слишком много отвлекающих факторов. С кустов, например, свисала засахарившаяся блевотина. Ка-

жется, запах шёл от неё...

– Знаешь что Раков, – приставала Дашуха, – если мыться в ванной с яичным шампунем не будешь, на серьёзные отношения не рассчитывай.

Я ещё раз взглянул на небо и увидел, как стая ворон сложилось в слово «Надо, Раков!».

Тогда я встал и палкой откинул блевотину подальше. И заснул, уже не обращая внимание ни на комаров, ни на сварливый бубнёж бывшей Добробабиной невесты.

Пёс

Засыпать – вот уж чего в планах не было. Думал, буду бодрствовать до тех пор, пока не перекинусь парой слов с Кактусом – а ну как опять во сне Оля Газелькина? Кто знал, что путешествие меня так укатает?

Во сне подсознание услужливо преподнесло Змея Горыныча о трёх головах, жарившего на костре длинные сухие сосиски.

– Проходил семейное образование? – напевала голова школьной директорши, закусывая сосиской размером с меня.

– Ещё один Боря? или не ещё один Боря? – повторяла голова бывшей Добробабиной пассии.

– Для фего фебе ффё эфо? Фкажи, Кьешня? – фыркала Добробабова голова.

Разговаривать с Добробабой хотелось меньше всего. Что

спрашивается, этот шепелявый забыл в моём сне, наполненном прекрасными женщинами?

Проснулись засветло. Свет не понравился. Захотелось, чтобы всё закончилось по щелчку... но судя по тому, как далеко мы зашли в лес, рассчитывать на счастливый конец уже не приходилось.

Я попрыгал на одной ноге, стремясь вытрясти залившиеся в ухо росинки, и попал ногой в сгустки вчерашней блевотины. Сгустки были красиво вызолочены утренним солнцем. Мне захотелось сходить в туалет по большой нужде. Чтобы не тревожить Дашуху, я отошёл подальше и с ужасом обнаружил, что спали мы на болоте. Вокруг – ни листика. Ни одного дерева. Одна болотистая зыбь и тина. А вокруг лес, надо же...

Паниковать было некогда. Уже поджимало. Глядя на колющуюся вокруг морошку, я решительно снял с ноги носок. Дальше действовал по наитию.

Слышно было, как Дашуха проснулась и затрубила на весь лес:

– Борис, бу-бу-бу! Всё снова не так!

Супружеская жизнь уже не казалась мне такой привлекательной.

Стоит относиться к этому вопросу проще – думал я, натягивая штаны. По деловому – чтобы, значит, не только Дашуха, но и я мог выдвигать условия. Я бы запретил ей носить

бежевый цвет, например – бежевый ей не идёт. И дутое, допустим, тоже носить не надо... портит фигуру. И отпустить надо жвала. Или не стоит того? Или может отпустить всё-таки... чтонибудь ещё отпустить... всё!

А потом я увидел собаку. Нос пса шевелился. Я знал, почему у собаки шевелится нос и меня это не радовало. Собака остановилась как вкопанная. Её интересовал камень. Под ним лежал мой носок! Не хватало, чтобы пёс его вырыл! А если отбросить носок подальше? Наверное, принесёт обратно как палочку. Я принялся рыть канавку, надеясь, что пёс отвлечётся. Пёс рыкнул, лёг и удовлетворённо ракнул – Р-р-раков! Показалось? Или я на самом деле умею общаться с животными?

Быть бы этому псу не таким идиотом, то мы бы уже давно обо всём договорились.

Я застегивал ширинку, намереваясь сматываться. А пёс всё-таки вскочил и дорыл мой канал. Он, зараза, подлаивал, призывая хозяина, чтобы тот тоже мог со мной подружиться.

Я давай строить рожу поромантичнее... подставлять лицо лучам восходящего солнца; типа, я такой здесь сижу, наслаждаюсь восходом. Вылез, можно сказать из болота и наслаждаюсь, наслаждаюсь, наслаждаюсь...

Хозяин поспел к появлению носка из-под камушка.

Рожка обветрена, глаза ещё спят. Волосы топорщились и шуршали будто полиэтиленовые. Уши обтянуты еловыми

шишками. В руках была палка. Паутиныч? Или мало ли кто там ещё на болоте живёт... из устного народного творчества?

– На шоссе иди... вон пошёл... кыш! – прогнал меня Паутиныч, – Проваливай! Чего тут устроили. Одна лифчик в святом роднике стирает. Второй говно вокруг разбросал.

Вот так. Оказывается тут не только родник и болото. Тут и шоссе поблизости есть. Ну что же – поедем кататься!

Опять камчадал

Угрюмые, до конца не проснувшиеся, мы брели в сторону предполагаемого шоссе. Шоссе не было. Вокруг избушки заброшенные, замшелые и припорошённые; хорошо хоть медведей показывающих знаки, не наблюдалось. Совсем не по чайчи разорались чайки. Стая ворон не отставала, выделявая в воздухе лихие кренделя...

Утренний туман рассеялся. Мы опять взялись за руки. И опять всё пошло не так

– У тебя, что носки под сандалии? – Дашуха остановилась; в голосе её звучали плачущие нотки бензопилы.

Я тоже чуть не заплакал:

– Не тот я, прежний Боря, понимаешь? Мне можно, можно носить носки под сандалии! Ведь, понимаешь – не лето! Май-месяц ведь, да?

– Носки – это нижнее бельё, – звенел голос Дашухи. – Кому ты собрался его демонстрировать?

Чайки всё летали и летали над головой, примериваясь как

бы заклевать нас получше.

– Смотри, – сказал я, вынимая обгаженный носок из полиэтиленового пакета (Паутиныч выдал его, чтобы пёс не увялся по запаху). – Будешь выть, я его надену.

– На что оденешь? – Дашуха поморщилась.

– На голову тебе, например.

– И кому от этого хорошо станет?

– Тебе и станет, ясно?

Чайки вырвали носок из рук.

– Видела когда-нибудь, чтобы птицы себя так вели? – удивился я.

Дашуха посмотрела на меня так, как умела только она. Всю жизнь буду вспоминать её придиричивый взгляд из-под щипаной брови:

– Слышь, ну ты тугой что ли, Раков? Сандалии на босу ногу одевают!

Пришлось снимать второй носок. Дашуха торжествующе заулыбалась, зашагала вперед легко, будто шагала собственному счастью навстречу ...

– Бернгардовка, – прохрипел я. Я обжарился, мне было жарко. Говорил я не водителю, а бутылке из-под боржоми, торчащей из кармана его штанов. Очень хотелось пить. Минералка!

– Не в ту сторону, – водитель неопределенно махнул рукой, по крайней мере, в трёх направлениях. Я был весь в пыли. Интересно, получится остановить еще одну машину? Успею ли я ударить водителя, забрать минералку и убежать далеко-далеко?

Остановилась машина весьма дорогой марки, похожая на бронированный катер.

– Бернгардовка, – тихо произнесла Дашуха в опустившееся окно.

И вот мы уже сидим внутри катера...

– До Рахьи довезу, а дальше через Всеволожск, – веселился водитель, – Полтора часа!

– Не далекоовато? – буркнул я. – На электричке-то минут пятнадцать.

Вместо ответа водила ткнул рукой на карту, заслонившую ему пол-окна.

– Сам смеюсь с ваших расстояний. У нас дома не так!

– Вы откуда?

– С Камчатки, – радостно сообщил водитель, открывая свободной рукой термос, – там всё по-прямой.

– Старый камчадал! – догадался я.

Камчадал вдруг обиделся.

Следующий водитель, подвозивший от Рахьи до Бернгардовки, не понравился уже мне. С удовольствием бы пробил

ему колесо встопорщившейся от радости клешней. Клешня набирала силу как наливное яблочко.

– Раков, ты мой Раков, – капризно цедила Дашуха.

По глазам было видно, что наливная клешня её радует.

Дуняша

Так... Ну, допустим, вот она – Бернгардовка.

Вспомнил название: садоводство «Трублит-черешня». Определил направление по обглоданной фанерной доске. Стало быть, вот мы и пришли.

А дальше-то что? Я встал посреди этой черешни на газовый баллон и давай орать:

– Каактуус!

– Дуняшааа! – отозвался задиристый голос.

«Придушить твою Дуняшу», – подумалось мне.

– Каааактус!

– Дуняшааа!

Я набрал побольше воздуха в рот, чтобы в третий раз крикнуть – «Ка-а-а-ктус!».

– Вла-а-а-дик! – кто-то маленький орал совсем рядом.

Издалека истошно раздалось ему в ответ:

– Ве-е-е-ня!

Убить Веню вместе с Владиком!

– Кааактус! – без надежды на успех сотряс воздух я, решив, что всё это в последний раз, и больше я в Бернгардовку

не ежжу.

Кусты приоткрылись. Вылезла сопливая девчонка, лет десяти.

– Я Дуняша, – кокетливо сказала она. – Я тут родилась. Можно я за вами пойду?

– А куда надо идти?

– Да уж не знаю. На пруд купаться? А может ещё куданибудь?

Я хмыкнул. Дашуха закатила глаза.

Сопливая Дуняша, наоборот, сверлила меня глазами так, что мне стало не по себе. Суровый взгляд у неё был, между прочим, и по контрасту с текущими из носа соплями – недетский совсем.

– А где пруд то твой?

– Да вот, – сказала Дуняша.

И показала на расплескавшуюся рвотной тинной лужу, раздвинула ветки пошире.

Тут я зачем-то взял да и отправил её в воду пинком.

Прямо в холодную весеннюю воду.

Не знаю, как так получилось. Вдруг захотелось делать гадости всем подряд, направо и налево. Во мне это желание поднимается инстинктивно, я же объяснял. Сейчас-то конечно поздно объяснять... визг, поди, поднимется страшный... вся Бернгардовка прибежит оплакивать утонувшую.

Но Дуняша вынырнула и, как ни в чём не бывало, улеглась

подбородком на камень.

– Интересный ты, – оценила она, намотав на уши тину.

– Что же во мне интересного? – буркнул я.

Девочка была на редкость странная. Сопливая, вся в слизи, как новорожденный котёнок. Может, тина на её ушах и была верх совершенства. Но в остальном это был тихий деревенский ужас с веснушками. От горшка два вершка, в галошах, с грязными ушами, с ужом за пазухой. Ещё на ней был сарафан в чайную розу. А веснушек столько, что впору оттирать их бытовой химией. Только вот взгляд был суровый и... сухой. Он хрустел, как позавчерашняя булочка.

– Без носок, в сандалях на босу ногу, – весело сказала Дуняша, – И что-то всё равно в тебе есть. Только вот не пойму что.

Она наморщила нос.

Я показал ей клешню, а приготовленный кулак спрятал за пазуху.

– Видела? Вот что во мне есть.

– Клешню надел... ну, видела. Она трясётся, когда думаешь. И в штанах ты ей же чешешь. А вот что в тебе особенного – не понимаю.

Дуняша выскочила из воды, вытерла сопли.

– Можно с вами пойти? Ну, пожа-алуйста.

Закатившиеся Дашухины глаза были ответом. А я-то в чём виноват? В том, что бабы бросаются на меня как больные звери на доктора Айболита?

– Пошли, – сказал я и на всякий случай спросил – А Петь-
ку Землероева не знаешь случайно?

Дуняша сбавила голос до полушёпота.

– Педро?

– Какого Педро?

– Бородатого. Зачем тебе Бородатый Педро?

Я нахмурился. Может Кактус окончательно сбрендил в своей Бернгардовке? Должно быть, речь идёт о совершенно другом человеке? О каком? Я даже не захотел представлять о каком.

– Не знаешь никакого Землероева... я так и думал.

– Ну, может, не знала раньше... Но теперь точно знаю.

Дуняша молчала. Наверное, размышляла, стоит ли мне доверять такую страшную тайну. А потом решительно зашептала на ухо:

– Педро – самый крутой во всём садоводстве. Не будет он с нами водиться. Всегда один гуляет, понял? Вон он, между прочим, сидит – на качелях качается.

Она показала вдаль, вызвав чувство неуверенной ревности. Самый крутой!

Бородатый Педро

Педро, качающийся на качелях, несомненно, был крут. Ещё он был бородат. Подбородок его был уделан такой ку-

печеской бородой, что я не сразу узнал в нём Кактуса.

Только непонятно, почему Кактуса здесь зовут Педро. И почему он считается в садоводстве самым крутым. Я даже засомневался, стоит ли подходить к этому Педро с вопросами. Может это не Кактус? Но кто же тогда? Одет в растянутый шерстяной свитер, уже однажды мной виданный на физкультуре зимой. И всё, больше никаких характерных примет для опознания. Рядомбанка с червями и удочка. Ладно, допустим... рыбу Кактус, действительно, вроде, ловил. Всё равно, это не может быть Кактус. Это какой-то эрдельтерьер! Или бородатая обезьяна. Как такие метаморфозы вообще может произойти с лицом человеком, даже если ты не видел его с пятницы?

На всякий случай я уточнил:

– А зовут тебя как, мальчик?

– Зовут меня Петя Землероев, – не теряя достоинства, ответил бородатый Педро. Потом подмигнул так, что сразу стало понятно – Кактус.

– Землю роешь? – переспросила Дашуха. – Совсем большой?

– Простудился немного, – кашлянул Кактус. – Да, домой, вот, собираюсь. По телевизору мультлото! Идём в хату.

Дашуха пожала плечами и пошла вперёд, как будто заранее знала куда идти. Дуняша было затопала вслед, но Кактус

шуганул её со вкусом и знанием дела.

Мы подошли к «хате». Она оказалась чем-то вроде бытовки из блок-контейнера.

Крякнув, Кактус, отбросил в сторону шиферный лист, подпиравший дверь, чтобы не открывалось наружу. Внутри было тесно... ну просто критически тесно. Как в контейнере. Впрочем, играло радио. И, несмотря на полдень, горел зеленоватый болотный свет – было уютно. Имелся даже полусожжённый торшер. Его использовали как доску для записок. Рядом с клочками посевного календаря можно было увидеть призыв разбудить Кактуса в половину десятого. Записки не отбрасывали тени на горевший торшер. Выглядело это загадочно и неприятно.

«Что-то не так» – тревожно думал я, соображая куда пристесть..

Кресло из сложенного пополам матраса уже было занято. Дашуха отгёрла меня, опередив на секунду.

Сейчас, она перебирала пачку журналов «Здоровье» и делала вид, что всё вокруг трень-трава. Мол, это я таскаю её за собой, не давая шанса на спокойное существование. Но почему она увязалась за мной вообще? Непонятно... На электричку она не спешила. Добробаба её больше не интересовал. Странно всё это, да?

– Физруки снятся? – завел свою шарманку Кактус, подстелив на пол жилет из мохнатой шерсти.

– Нет.

Рассказывать о делах в присутствии Дашухи мне не хотелось.

– Вызывали к директору?

– Да...

Тут грянули могучие маятниковые часы. Они занимали треть комнаты. От неожиданности я подпрыгнул.

Глупо держать старинные часы в отсыревшей времянке и поэтому хозяева превратили их в продуктовый склад – спички, соль и крупы... несмотря на это, часы, словно в насмешку, работали как положено. Тикали и отбивали время по четверть часа, по полчаса и, наконец, по часу; били несложной и нахальной революционной мелодией.

С последним ударом революционных часов, Кактус поёжился.

– Дед скоро придёт. Но ничего... Вы, главное, его не пугайтесь.

Журнал «Здоровье» не шелохнулся – Дашухе было до фени. Я про Кактусового деда кое-что знал, но пока не был знаком. Слава его гремела со времён открытых школьных собраний, где каждый мог высказаться по вопросам нагрузки на образование. В те времена дед отчаянно желал преподавать в нашей школе природоведение; Кактус уверял что он добился бы своего, если бы не дышал на завуча Танищеву.

После собрания, завучиха сказала, что от природоведения деда Кактуса её бросает то в жар, то в холод. Было интересно узнать – как. Жаль, пообщаться мы не успели. Ученикам кандидата в преподаватели продемонстрировать не спешили.

За секунду до того, как открылась дверь, меня вдруг разобрало до чёртиков, какой он – Кактусов дед? Нормальный он или ненормальный?

Пенкина кровь

Кактусов дед выглядел совершенным сычом. Кажется, он и был сычом... только патлатым и бородатым. Не приведи господь сказать какого размера была у этого сыча борода. Волосы же были редкими, длинными и неаккуратными. На шляпу деду нагадила птичка – когда то давно, не сейчас, может быть с месяц назад. С тех пор дерьмо растеклось и затвердело. Или, если угодно безупречно формулировать, заферментировалось. Короче, дед был весь в засохшем дерьме. Но выглядел молодцом. Разве что только сутулился – вопросительным знаком.

– Гуано одна ложка, прополис и мумиё, – бормотал дед, пытаясь отыскать в часах наощупь какую-то банку. – Гуано одна ложка...

Про прополис и мумиё дед повторил раз пятнадцать.

– Он ещё что-нибудь говорить умеет? – не выдержал я.

Кактус прошептал;

– Пока приманку не сделает, так и будет бубнить.

– Молчать, – шикнул дед. Потом продолжил: – Гуано – одна ложка, прополис и мумиё, гуано – одна ложка, прополис и мумиё...

Рассыпав вокруг всё что можно, и отыскав, в конце концов, что хотел, дед закивал головой как попугай. В жестяную баночку посыпалась какая-то дрянь. Дед рассматривал её на просвет, в торшер, да ещё в лупу...

Из глубин журнала «Здоровье» кашлянула Дашуха.

Дед определил, откуда идёт звук и гаркнул на «Здоровье»:

– Молчать, пенкина кровь. Знаю! Ты тоже хочешь мумиё!

Но я не дам. Не тебе это! Внуку моему оно предназначено...на завтрашнюю рыбалку.

Дашуха покрутила пальцем у виска и отложила журнал.

Выбив последнюю сигарету из пачки, она взбрыкнулась на улицу курить. Мы пошлёпали за ней, хотя мы с Кактусом и некурящие.

– Да у тебя дед прям какой-то сычуга или садовый гном, Землероев – затянулась сигареткой Дашуха. – Я таких только в телеспектакле про хоббита видела.

– Пенкина кровь, – буркнул в окно дед. – Ишь, нашла во мне садового гнома. Садовый я не садовый, а пока не пойму, что ты за зверь, разговора у нас с тобой не будет.

– Он на природе с ума сходит, – шепнул Кактус. – Что хо-

чет, то и вытворяет. Он-то нормальный... Это Бернгардовка на него действует так!

Я тоже был не прочь повыворять что хотел. Но Бернгардовка на меня так не действовала.

– Не пойму, – крутила носом Дашуха, – акцент у деда такой? Или просто зубов во рту не хватает?

Да, Кактусов дед говорил с немецким мультипликационным акцентом. Некоторые слова он произносил неправильно, будто специально дразнился:

– А ты, Кактус, как глупым зверем был, так глупым зверем и остался. Шурью за телевизором, дуриная борода. Что ты торчишь без цибареты? За телевизором шурью, Бонифаций...Новости посмотреть хочу!

Кактус кивнул бородой. Через секунду, как по заказу, на подоконнике появились «Вести».

Наблюдая за новостями, дед аппетитно попивал из блюдечка чаёк. Чаёк был такой степени крепости, что вокруг деда клубился дым. Комары валились с ног и пукали от несварения крови. Пук! Пук!

Залюбовавшись на пуканье комаров, я не сразу переключился на телевизор. Перевёл взгляд от комаров к телевизору, гляжу – что такое? Добробабу по ящику кажут! А потом и меня. Пропал без вести, мол, говорят; телевидение соболезнает. И ведь, главное, приметы Борькины расписали красиво, словно работники «Вестей» умудрились в него на короткое время влюбиться. А о моих особых приметах предпочли

умолчать. О Дашухе и вовсе ни слова не было сказано.

– Хрен кто найдёт вас без особых примет, – радостно сообщил Кактусов дед. – Ни в какую школу вы не пойдёте.

Он вытряс остатки чай в блюдце вместе с заваркой.

От одного вида этого чая, я пустил носом длинную жидкую струю и закашлялся.

– Лебеда, – подмигнул Кактус.

Так я и подумал.

– А теперь спать, – сказал дед.

Он погасил верхний свет, оставив над головой светящийся венчик из пластмассовых тюльпанов.

Гостей прибавилось

Спать? Но я ведь не собирался здесь спать.

Неужели так поздно? А ведь светло – хотя до белых ночей, вроде бы далеко.

...Прислушался – электричек давно не слышно.

Сколько же времени прошло?

Кактус потрогал меня по плечу – желаю ли я спать на топчане? Может в корзине с луком и помидорами? Может, головой под стол на матрас?

Спать не хотелось...

Дед как сидел перед телевизором, так и заснул. Если лягу на матрасике, мне придётся изгибаться как вопросительный

знак. Пускай. Главное, не утыкаться носом в тёплые, вонючие ноги деда. В конце концов, я решил спать на топчане, поудобнее ужавшись в комочек. На всякий случай бросил взгляд на Дашуху. Та наотрез отказалась.

– Испорчу себе цвет лица без свежего воздуха, – сказала она. Вышла в соседний холодный отсек и задымила дедовым беломором:

– В холоде-то полезно. А то как космонавты в барокамере....

Журнал «Здоровье», открытый на статье «Гимнастика в стиле брейк» так и остался на кресле. Там какие-то женщины выделялись в позах кибернетических роботов. Я внимательно ознакомился с гимнастикой и передал Кактусу. Кактус посмотрел и тут же отбросил, сказав, что спать после такого у него не получится.

Где то противно ухала сова...

Спать не получалось, как и было предсказано Кактусом. А потом в окне появилось чьё-то лицо. Это лицо билось в стекло как птица.

От неожиданности я уткнулся лицом в топчан и заорал:

– Боже мой!

Дед беспокойно заворочался... Дуняша стучала по стеклу изо всех сил обеими кулаками:

– Землероевы? Вы завтра в город, да?

– Нет! Прямо сейчас едем, – шутил дед, не приходя в сознание.

– Я у вас тогда заночую. Можно?

– Нельзя, – выдохнули хором все.

Дед обвёл рукой комнату и объяснил:

– Не видишь, щучий хвост – гостей прибавилось? Без тебя, дылды лысой, тесно.

– Прибавилось, ну... а чег это я вашей Белоснежки не вижу? Слышать слышу. Видать – не видно.

Дуняша полезла в форточку, высунувшись в комнату по самый зад.

Пришлось подавать ей руку. Это сделал галантный Кактус.

Мне показалось, или Дуняша сильно выросла с нашей встречи? С её появлением стало ясно, что каморка с минуты на минуту развалится.

– Белоснежка-то! Важная ведь такая была...

«Белоснежка» ударила кулаком в картонную стенку. Стена оказась фальшивой, треснула. Из трещины заструился папиросный дым. С полок посыпались книги по рыболовству. Дед, выматерившись, встал и тщательно залепил стену кусками лейкопластыря. Затем водрузил все книги на место.

– Небось, думаешь с Крабовым спать завалиться? Прямо засобиралась. Но сдюжишь ли? – грозно спросил дед.

– Думаю, конечно. Только, дедушка, не с Крабовым, а с Раковым,. Раков его фамилия, – зевнула Дуняша.

И откуда, спрашивается такая осведомлённость? С Крабовым! Впрочем, могли здесь и по-другому прозвать. Как добробабовскую Дашуху, например – Белоснежкой! Незаметно я опять вернулся к тому, чтобы называть Белоснежку, то есть Дашуху добробабовской. И хорошо. Вернётся домой, наладится у них с Добробабой. У меня с женщинами, тоже, между прочим, наладится. Разве что, только эту – маленькую, наглуую и сопливую – я близко к себе не подпущу.

– Не буду с ней спать, – крикнул я, – она сопливая!

– Эта сопливая ещё будет щи тебе по утрам подавать, – заорал Кактусов дед.

Времянка могла не выдержать – такие страсти поднялись, что впору за топором тянуться, который, к слову, висел тут же, над топчаном и опасно поблескивал.

Я поспешно согласился на то, что Дуняша когда нибудь будет подавать мне щи и впустил её на топчан.

Баяшки-бая

Если от чего и суждено мне было в это день умереть так это от кружки воды выпитой на ночь.

На дверь дед повесил огромный грибообразный замок. Кактус расставлял ночные горшки. Один горшок был огромный как ведро, второй гулкий как колокол... Дед сказал, что ходит по малому часто и посулил всем весёлую ночь. После таких слов, я не стал даже смотреть на горшки. Чтобы не

расслабляться.

Может быть, Дашуха и права насчет того, чтобы лечь спать в неотопливаемом тупичке между картонной стенкой (изображающей вход в спальню) и железным каркасом контейнера. Интересно, как ей сидится? Сидит себе, небось, там... гимнастику в стиле брейк делает. А как в туалет ходить будет?

Короче мне не спалось.

– Баюшки баю, – сказал я, обращая на себя внимание

– Чего тебе, вурдалак? – рявкнул дед, дымивший во сне беломориной, – А ну спать!

Я поёжился:

– Холодно. И беломориной вашей пахнет.

– Не просто пахнет! – донёсся голос Дашки из-за картонной стенки – Как от самого свинского свинарника несёт...

– Много ты знаешь, как в свинарнике-то свинском несёт!

– Так ведь и холодно, правда, дед, – вставил Кактус, – заморозки обещали ночные...

– Ничего... напердим, – рассудил Кактусов дед и незамедлительно напердел, не выпуская изо рта папиросу.

Через минуту я действительно согрелся. Проснулся... может быть и от запаха тоже, но, уж скорее, от звука дождя по железу. Звук шёл от раскачивающегося в полусне Кактуса.

Как прикажете спать в таких условиях городскому человеку? – думал я.

Писать в ведро? Непривычен, простите. Я привык мыть

руки после каждой гигиенической процедуры. В туалет ходить без мытья рук не могу. А клешни? Клешни протереть перед сном неплохо бы было.

Дуняша куда-то пропала. Я растянулся на топчане. Без удовольствия. Кое-как заснул, но не жаловался. А когда проснулся, на дворе было хмурое туманное утро.

Эмиль с Ленинберга

Дед стоял на коленях перед часами-холодильником. Спросонья я испугался, что молится. Но дед скорее кого-то оплакивал:

– Как так? Мою компотину выпить?

В руках он держал пустую бутылку с этикеткой «мёд-спотыкач»

– Кто вчера мою компотину уговорил, я спрашиваю?

– Я уговорила. – Дашуха стоя в проёме дверей, уперев руки в косяк, делала гимнастику. – С Дуняшкой-то на крылечке. А? Мне уже можно. А вам? Жалко компотину?

Дед заскрежетал зубами и выволок откуда-то заспанную Дуняшу. Дуняша поставила пальцами крестики и принялась вдохновенно врать; дескать какая компотина?

Дед гневно выпроводил её в магазин, наказав без новой компотины не возвращаться. Он прокричал вслед, что под компотиной подразумевается мёд-спотыкач крепостью тридцать ИЛИ ЛЮБАЯ ДРУГАЯ НЕКРЕПКАЯ. Потом взялся за

меня. Раз Дуняша выпила компотину на пару с Дашухой, то к девочкам доверия больше нет.

В общем, в сопровождающие назначили...

На улице было сырым сыро. В резиновых сапогах жил паук. Я поленился выгонять паука, старался наступать на ногу осторожнее. Чувствовал, как паук с большим достоинством шевелился между большим и указательным пальцем. Дедовы сапоги были мне велики. А ещё они были дырявыми. Так что луж я избегал – боялся перепугать паука наводнением. Дождь давно перестал молотить, лишь мерзко накрапывал. Было тоскливо.

По дороге ещё эта Дуняша прицепилась с вопросами.

– Ты почему такой злой на всех, осьминожка? Как тот Эмиль с Ленинберга... гадости всем делаешь.

– С какого ещё, нафиг, Ленинберга? – тут я вспомнил фильм, где запирают людей в туалете и бьют миской по голове, – С Лённеберги, может?

– Да, – согласилась Дуняша. – Такой гадёныш... а как прижмут в сарае, так сразу – не виноватый я! случайно совпало! И, главное – потом смотришь – действительно не виноват. Всё по случайности!

Да ведь я не по случайности! Я хочу плести сеть из интриг, подчинять людей одним взглядом! Так, чтобы все страдали, но не от меня, а от сложившихся обстоятельств. Подразумевалось, что этими обстоятельствами я управляю как дирижер. Ещё я мечтал причинять разрушения...не сокращать-

ся, что кого-то обидел зря, а потом календарь закроет этот лист! Просто так, из вредности всех обижать, и не говорить, что случайно совпало. А что? Такой я злодей! Не нравится, не дружите!

Размахивать руками и бормотать под нос я перестал только в магазине.

– Бутылку чего дед говорил? Компотины? Как не будет компотины? А когда будет?

– Самогон в цену компотины у меня всегда найдется, – хмыкнул продавец в белоснежном костюме. – Или сметаны. Хорошая сметана, блинчков наделаете нахрен...

– Какя ещё сметана? Самогон тащи. И пачку «Жувеля»... нахрен, – потребовала Дуняша как в ресторане....

Пачку «Жувеля» пришлось взять в клешню; рук не хватало. Так и донёс её в клешне. Дед ждал, тревожно присев на вязку садового шланга. При виде меня он вскинул руки и отбросил всё, что ему мешало пить. Хлебнув самогон, он вытер сырые усы, посмотрел на клешню, в которой торчал «Жувель» и сказал:

– Когыть это хорошо-о-о. Будешь мне комара своим когытем из речки вытаскивать.

– Какого ещё комара.

Дед зачавкал:

– Который в речке сидит. Когыть-то выдержит?

Когыть

– Когыть-то?

Дед внимательно следил за моей реакцией

– Ну... – почесал в голове я, – может, выдержит, а может, и нет.

– А плавать умеешь?

– Нет!

– Иптыть... Морской когыть есть, а плавать он не умеет!

– Дедушка, это не когыть морской, а клешня. А плавать я не буду. Не умею. Как не упрасивайте, – я старался быть вежливым, понимал, что приходится иметь дело с конченным психом.

– С этим, что ли поплыть? – рассуждал дед, вертя в руках шланг. – С ним-то любой поплывёт. А может быть ты у меня так... без шланга заплываешь?

– Да с чего? Если сроду не плавал?

– А с того, – отрезал дед и, пожевав папиросу, продолжил: – Ты когда через лес пёр, что там видел?

– Медведя видел, Жуков всяких и жужелиц.

– Мбуки-мвуки видел? – влез в разговор Кактус.

– Чего?

– Негр один тут ходил, – пояснил дед. – Я думал поначалу – французский, а он из самой Африки. Компотины выпьет, облюётся и мбуки-мвуки везде ищет. Хитрый такой. Мохнатый зверюга ростом, пожалуй, с Кактуса...

Кто из них мохнатый зверюга?

– Нет, – твёрдо сказал я. – Мбуки-мвуки не видел.

– Должен был видеть. Зверюга он, косолапый. Животное.

А Когыть твой – суть животный магнетизм.

Он уже тряс меня за плечо:

– Думаешь, просто так бабы на тебя вдруг полезли, пацн?

Одна глаз не сводит, вторая посреди ночи в постель прёт.

Животный магнетизм это всё...

Дуняша кокетливо потупилась. А Дашуха горестно закивала:

– Не говори, дед. Как животное себя веду. Сама не знаю, что творится с организмом. Бывало такое, что тянет к кому-то так, что среди ночи аж на такси прёшь. А этот ... он даже страшно сказать, какой...

– Скажи какой, – потребовал я.

– Романтичный... с клешнёй ... вот прям повесть о первой любви, а не мальчик, – Дуняша даже всплакнула.

Дед вытер Дуняше слёзы, погладил Дашуху по голове.

– Животный магнетизм это всё. Ничего, домой приедешь, к врачу сходишь, успокоительных попьёшь, и всё как рукой снимет. Как звать эту повесть о первой любви позабудешь!

– Ну, а я? – обиженно спросил я, уже настроившийся на повесть о первой любви.

– А ты всю жизнь таким останешься, – развёл дед руками, – И ты, брат, лучше бы Кактуса держался, чем этих.... У него схожая чехарда, но, понимаешь, сезонная. Тоже животный, мать его за ногу, магнетизм. Звереет он ближе к лет-

ним каникулам. С волками жить собирался. А посмотришь на него – чистый эрдельтерьер...

– Ерунда, – засмутился Кактус. – Что с того, что эрдельтерьер? Мне это в жизни никак не мешает.

Погружение в Луппу

Шланг, выданный дедушкой, был похож... да на обычный шланг для полива огорода он был похож! Собственно, говоря, он и был шлангом для полива огорода. Такой Добробаба когда-то перекусил. Я надеялся, что эти события между собой не связаны.

А ведь в сараюхе у деда был настоящий склад... склад всего на свете! Имелся там и лёгкий резиновый костюм. Как у команды Кусто. Но дед, посмотрев резину на солнце, определил в костюме дыру и спрятал в коробку с надписью «инвентарь». А шланг раскатал в длину, замерил и вручил мне в руки, назвав прибором... С этим прибором я должен был погрузиться на дно реки Луппы – без всяких дополнительных приспособлений!

Когда дед завёл разговор о моём погружении, я представлял себе нечто более серьёзное. Более водолазное. Более безопасное! Хоть бы фонарь впридачу дали... Или маску, чтобы хоть что-то на глубине разглядеть!

Короче, стою на полусгнивших мостках и пытаюсь неуклюже сделать растяжечку. Ветер мешал расслышать, как Дашуха с Дуняшей эту растяжечку комментируют.

– Кому-то из вас в шланг кислороду давать придётся... пока Когыть ходит. Чур, не мне, – слышался голос деда.

– Чур, не мне, – быстро повторил Кактус.

Покрасневшие от счастья девчонки зашептались.

– Мы по очереди дышать туда будем, Карл Симеоныч! – наконец, выдохнула Дуняша.

Дед посмотрел на неё недовольно. Но шланг, неаккуратно смотанный в четыре восьмёрки, был подан немедленно. Объясняя нюансы моего погружения, дед постарался меня ободрить. Ничего ободряющего я не услышал. И ничего интересного; никаких затонувших на дне ковбойских тевтонцев или ещё чегонибудь такого, ради чего понадобилось лезть в холодную воду в непогожий майский день.

Пропустив мимо ушей страшное предсказание – шланга на всю глубину не хватит! – я попросил лишь об одном; чтобы Дашуха и Дуняша поскорей зажевали свои сигареты мятой с лаврушкой.

– Лавр это... это самое... в наших широтах не растёт, – осадил меня дед.

Я отмахнулся

– Чем хотите зажёвывайте. Но чтоб шланг без запаха был. Я некурящий!

Посоветовались, решили, что подавать кислород в шланг следует Дуняше. Дыхание у неё приятнее. Имевшийся у неё

«Жувель» был ментоловым. Дашуха же стреляла у дедушки беломор...

Тут из-за дедовской спины Кактус продемонстрировал как быстро ходят часы. Потом изобразил слёзы. Тянуть с погружением больше нельзя. Воскресные мультфильмы про бурундуков пропускать не хотелось Кактусу!

В каком-то ужасном отчаянии я схватил шланг обеими руками, поглядел внутрь, но увидел лишь беспросветно-бездонную ночь с запахом отсыревшей резины.

– Значит так, – дал последнее напутствие Карл Симеонович. – Пескарей и прочей мелочи в Луппе не ищи. Там только щуки. Наиглавнейшая из них – Комар. Зовут его комаром, между прочим, не случайно – нос у него как у комара... ну, в общем, чистое жало. А зачем ему жало – хрен знает зачем. Сам проверишь.

Почему, ну почему этим должен заниматься именно я?

– Когыть у тебя, – продолжал дед, – Никого не боится комар. А когытя может спужается.

– А вдруг не спужается? – поинтересовался я.

– А не спужается, – прогремел дед, – снова на кактусы ловить будем. Услышал аль нет, Бородатый Педро?

Бородатый Педро понурился. Видать не особо хорошо шли дела в тот раз, когда рыбу ловили на кактусы...

Девочки, растопырив руки, давай подкрадываться ко мне, чтобы столкнуть, но я, не дожидаясь помощи, прыгнул с мостков сам... с кучей брызг, гиканьем, но всё ещё без осо-

бого представления, что я буду делать на дне Луппы. Той самой Луппы, от которой в погожий денек несёт бражным дерьмом, а вода пачкает кожу не хуже промышленного краскопульта.

Комар здесь больше не живёт

Поначалу плыть было легко. Мешок с мумиё, гуано и прополисом озарял путь. Эта дрянь распространялась в воде, превращаясь в особенное, едва тёплое течение. В таком сточном унитазе, как Луппа было несколько течений. Их можно было определить на глаз. Я определялся по разноцветным ручейкам, струившимся из дырявого полиэтиленового пакета.

Дно хорошо проглядывалось... Мешала трубка, ставшая вдруг вонючей и булькающей. Видать, там наверху что-то не складывалось. Вынырнул!

Вижу – Дашуха и Дуняша, передавают шланг друг другу по очереди. В промежутках они успевали курить. Шланг держали как сигарету; между средним и указательным пальцем.

– Искусственное дыхание потом тоже по очереди? – пробулкал я с середины речки.

– Не обижайся, Раков, – закричали девочки хором, – Мы перекурим и всё. На «три-четыре вниз» тебе скомандуем!

Признаться, я порядочно замёрз в этой речке – не лето ведь, середина мая... Дедушка что-то кричал, показывал две скрещенные руки. Наконец, Дашуха отчаянно махнула мне «три-четыре, вниз» и я нырнул обратно. В воде было куда

теплее, чем на воздухе. Где наша не пропадала! Перед нырком я увидел, как Дашуха дует в шланг из последних сил, надувшись как бычий пузырь и выпятив глаза в копейчку – сразу видать, старается.

А потом мои лёгкие снова наполнились дымом: видимо, кто-то из девчонок не выдержал и закурил. Сердиться на них бессмысленно.

Я выплюнул ставший ненужным шланг и зашагал по дну речки Луппы.

Скоро перед глазами начали мельтешить раки. Ни один из раков не высказал удивления. Ни клешне, торчащей из человеческой подмышки, ни появлению человека на дне реки в целом. Раки роились, колупали дно клешнями. Они делали то, что полагается ракам, последним жителям вонючей реки Луппы, до которой давно никому никакого дела нет, кроме них – добровольных помощников. Говорят, раки в грязной воде не живут. Видимо этих заслали сюда специально. Раки очищали дно от дерьма и были на редкость трудолюбивы. Один, самый маленький и вертлявый рачок даже пожал мне клешню и сказал «Здравствуйте», но остальные раки сурово его зашикали.

– Мумиё! Отдай нам мумиё! – потребовал самый здоровый рак; видать рачий начальник.

Я вытряс дедову смесь из пакета.

Раки, страшно довольные разбежались по сторонам – давай ловить вкусное мумиё, всплывающее вверх, забавно при

этом подпрыгивая.

Я посмотрел, как здорово они прыгают, умилился, зашагал назад... и только сейчас вспомнил про Комара этого распроклятого.

Тьфу! Ради Комара пришлось возвращаться...

– Комар где? – прокричал я в самый центр рачьей кучи. – Где Комар, скажите мне, раки?

Раки делали вид, что не слышат. Наконец, один из них зашевелил забралом и вспомнил:

– А, Комар! Комар здесь больше не живёт. Экология!

Был... да всплыл.

Всё ясно!

Я помахал им пустым мешком и начал медленно подниматься. Получилось даже слишком медленно! Всё из-за пустого полиэтиленового мешка! Он наполнился водой, страшно мешал, тянул вниз, но я преодолел тяжесть и всплыл наверх... довольно уверенно. Кактус говорит, что откачивали меня часа четыре...

Был да всплыл.

Главное – Кактус же и откачивал! И вытаскивал тоже он. И искусственное дыхание делал он тоже. Девчонки всё больше суетились, блажа и плача, словно на похоронах: Ра-ааааков! А дедушка сокрушённо сматывал шланг и подсчитывал, сколько копеек нужно добавить на очередную компоти-

ну.

С каждым потоком кактусового искусственного дыхания, я булькал, как прочищаемая содой раковина. Когда был извергнут последний литр, никто уже не обращал на меня никакого внимания. Я пошёл к времянке. Злился я почему-то больше всех на Дуняшу.. Могла и она искусственное дыхание сделать. Вместо Кактуса. Хотя Кактус сказал, что от Дуняши был толк. Увидев, как весело я всплываю, раздуваясь от проглоченной воды, именно она – ласточкой! – прыгнула вниз и передала меня Кактусу. Как волна океанского прибоя. Дашуха только диву давалась. А дедушка растроенно сказал, что хоть у меня и клешня, но, в сущности своей, я еще пацн и лапоть. Такой лапоть не должен соваться куда попало. А тем более в воду.

Надо сказать, что после неудачного погружения на дно, дед ко мне охладел, перестал замечать и доверху залился компотиной. Запасал её в себе, должно быть, на утро... ненормальный.

Дедушка с припердью

Кактус, конечно, просит ненормальным его дедушку не называть. Причуды эти, дескать, объясняются благородным происхождением. А благородному происхождению свойственна некоторая эксцентричная припердь... и ведь не только Карл Симеоныч такой, а все, буквально все вокруг него такими становятся: с припердью!

В былые времена Карл Симеонович Лёйдхольд наводил на людей страх – нет, даже можно сказать, ужас; барагозил отчаянно и свирепо; достаточно знать, что на войну он ушёл в венецианском плаще для мести! Вместо винтовки взял с собой отравленный стилет! На носу – маска для романтических свиданий! со смертью тоже! Странно было бы, если такая война не закончилась лагерем; там из Лёйдхольда выбили швейцарский акцент, зато в качестве компенсации дали впитать основы тюремной фени.

После лагеря дед пошёл работать пекарем и давай отмачивать на хлебозаводе корки.

После войны, он уже был с той самой припердью о которой говорил Кактус; запекал патроны, оставшиеся с войны; пихал в кулебяки двусмысленные надписи, напоминающие китайские предсказания (например, «а извините!»), вытянутое инспектором здравоохранения из шарлотки)... Сажать его в лагерь было бессмысленно. Времена шпионов ушли. По статье «хулиганство» закрыть Симеоныча руки не поднимались... даже у самых отъявленных негодяев не получалось.

«Хочу деда закрыть – руки поднять не могу», – плакал, бывало, пискаревский участковый, разбирая кляузы с пометкой «Лёйдхольд». – «Швейцария, там лужок с коровками... туда бы его законопатить лет на пятнадцать...»

Так и вышло. На лужок с коровками дед и попал. Но не в Швейцарию, а в Бернгардовку. Там ему всё нравилось. За-

дрипаный посёлок он считал собственным поместьем, с соседями общался редко, воспринимая их, в некотором роде, как плоды собственного воображения. Совершенно случайно он оказался последним, кстати говоря, из швейцарцев в этой Бернгардовке. Когда-то она была швейцарской настолько, что вместо дня рождения Ленина там справляли швейцарский национальный день – день Бернгарда! До появления деда здесь швейцарского был один только этот день... да ещё мыза, тому Бернгарду принадлежащая. Да ещё сыр советский «близкий швейцарскому» – но тем не менее, почти Швейцария же! Мыза Бернгарда! Мы за Бернарда! И теперь ещё и дед Лейдхольд к этому Бернгарду впридачу – местная достопримечательность.

Привезли его сюда под конвоем. Дескать, вот тебе, гад... лужок с коровками... Услышав слово «лужок с коровками» дед набросился на председателя со спины, скрутил и стал сбивать с головы яблоки как Вильгельм Телль, не объясняя причину. Лейдхольда потом председатель обходил далеко стороной. А яблоки оставили в душе Карла Симеоновича шизофренический след: он мечтал разбить Бернгардовский ботанический сад и обязательно чтобы фруктовые деревья переплетались с декоративными (несмотря на решение преподавать в школе природоведение, в законах природы Карл Симеонович был не силён).

Спустя пару лет, дед загорелся идеей первого Бернгардовского зоопарка. Начал он с простого террариума. Экспоната-

ми были ужи всевозможных расцветок. Обыкновенный уж, гадюковый, уж «не знаю», тигровые... всякие крапчатые и просто поганые на вид экспонаты.

Только ужи считать себя террариумом отказывались. Они расползались по своим делам всякий раз, когда дед забывал закрыть дверь на щеколду. В конце концов, они уползли окончательно. Пришлось срочно перепрофилировать террариум на зоопарк, делая акцент на уникальности альбиносной бернгардовской белки, поселившейся у деда в сахарнице.

Белка тоже не выдержала, сбежала. Сахарница разбилась. Дед подмёл с пола осколки и занялся разведением редких ежей. Опять мимо! Кому придёт в голову платить три рубля, чтобы посмотреть снулого ёжика в северном зоопарке! Тогда дедушка обозлился и решил не выбираться на люди без надобности. Сердце его очерствело. Кактус теперь каждый выходной приезжал к нему вскапывать огород. Это всех устраивало. Родители даже перестали выдавать Кактусу карманные деньги. Они знали, что дед платит щедро. Вообще-то, дед Кактуса очень любил и называл его Бонифацием. А друзья Кактуса виделись ему садовыми эльфами из швейцарских народных преданий. Он обожал давать им всевозможные поручения. По этим преданиям, чем более странным было поручение, тем больше шансов было на то, что волшебные существа его выполнят. И дети старались пахали, как могли. Потому что деньги платил дед немаленькие....

А теперь... видать, теперь, к поручениям припахали ме-

ня. Не то, чтобы мне это нравилось... но хотя бы радовало, что я считаюсь Кактусовым другом. О клешне Кактус ни разу не обмолвился, в то время как девочки только о ней и говорят. Все... а особенно эта Дуняша! Познакомился ты, Раков с дурой. Сидит и носом шмыгает, а соплей у неё – как в беляше на Московском вокзале; надкусываешь и зеленая луковая жижа по подбородку течёт!

К крулям

– Что, Федул, губы надул? – Дуняша появилась в дверях.

Я заметил, что она сменила идиотский чайно-розовый сарафан на летнюю самоделку из ушитого трикотажа – сама себе, что ли, шьёт?

– «Компотину» будешь? Я одну от Семеныча сберегла....

– По-моему, у тебя ранний алкоголизм.

– А у тебя ранний идиотизм... по-моему, – сказала Дуняша, беспечно выливая компотину в раковину. – Ты что заскучал? Вот, зверей пойдём смотреть... завтра. Дед тебе крулей показать велел!

– Завтра? Нет, пошли сейчас, – я встал. – Вот, прямо сейчас двинем.

– Сейчас? Дед рассердится...

– Понимаю, что рассердится, вот и говорю, пойдём сейчас.

– Крули ведь спят ночью, глупый...

– А мы к крулям не пойдём. Мы в лес пойдём. Не могу больше ночевать в этом контейнере.

– И я не могу, – Дуняша вскочила: – Пошли в лес. Будем как старые большевики жить друг с другом... в палатке!

Мы решили позвать с собой Кактуса. Но Кактус был погружён в серьёзное дело – подстригал бороду, скептически поглядывая в осколок зеркала. Ножницы были значительно крупней канцелярских. Не то портняжные, не то для нужд какихнибудь скорняков...

Мы глядели на страшные ножницы с уважением. Чем же Кактус собирается себя брить? Огромное, страшное грязно-замасленное тесало с надписью «Ленинград» лежало на подоконнике. Вот что должно вонзиться в бороду Кактуса! В качестве дополнительного инструмента Кактус принёс трёхзубую треугольную тяпку – предназначалась она скорее для стрижки овец, а может быть и для умервщления. «Пышак»! – было написано на коробке от тяпки. И ещё на загадочном языке – с «ыками», по среднеазиатски. От обёрнутой войлоком рукоятки тянулся электрический провод – не провод, а многослойный шланг, который заканчивался токопреобразователем. Тяпка была вся в рваной бороде. Чтобы избавиться от неё, требовался, наверное, какой-то другой агрегат... пострашней «Ленинграда»! Но Кактус взял «Ленинград». Ясно... «Ленинград» конечно страшный, но с ним, как с земляком, дело иметь привычнее.

– Бородатый Педро! – не удержался от восхищённого возгласа я.

– Не будет больше Педро бородатого... Это всё ваша Даша, – хмуро сказал Кактус, – хочу, говорит на тебя без бороды посмотреть. На романтическое свидание приглашает. Идти, нет?

– Ого!

Я воспользовался просьбой раскопать грязное бельё; там я нашёл для Кактуса шерстяной галстук. И нам с Дуняшей что-то тёплое... в лесу понадобится, в самом деле. Нашёл две тельняшки, рыбацкие классические. Была там и какая-то странная, на двенадцать полос, утеплённая. Ладно! В лесу ведь живём. Нашёлся и котелок походный – с крышкой. И спальник – «куколка». Живём! А с палаткой вообще хорошо получилось... Но по моему опыту – когда хорошо, значит, скоро будет значительно хуже.

Всяк зверь приходи ко мне чай пить

Да! Начать с того, что мы поставили палатку на говно. Когда-то у деда Лейдхольда была очень хорошая брезентовая палатка на несколько мест. Теперь её можно было считать безнадёжно испорченной. Подпорчен был и спальный мешок, типа «куколка» – тот самый, в котором нам предстояло спать. Другого мешка у нас не было.

Дуняша крутила головой, пытаясь опознать причину появления запаха. Глазами было невозможно опознать, в чём дело. Если на ощупь, то, запросто – вот, посредине палатки рыхлое пятно с запахом зоопарка! Нащупав в темноте Ду-

няшу, я взял ее руку в свою и тыкнул в пятно... Ответом был визг. Такой, что где-то вдалеке в ответ взвыли волки. От леггинсов, оказывается, тоже... скажем так, пахло не совсем хорошо. Посидели в тепле!

– Переодевайся, – сказал я и брезгливо отвернулся в сторону

– А чего волки-то выли?

– Переодевайся, я тебе говорю.

Дуняша начала рассеянно раздеваться

– А волки то выли... с чего?

– Откуда я знаю, – заорал я, – Первый раз в лесу сплю. Ну, второй... если ту ночь на болоте считать. Но тогда не страшно было. А сейчас страшно...

– Да ты чего, и вправду зверей боишься? – быстро переодеваясь в тельняшку, спросила Дуняша. Зубы её стучали:– Клешня у него! А он боится...

– Ну, боюсь...

– Боишься, так скажи – Всяк зверь...

– ...всяк зверь, – буркнул я, не оборачиваясь.

– А теперь свое имя...

Я назвал своё имя и выполз из палатки. Тут Дуняша быстро произнесла:

– ...и всяка собака

Слепая, а теперь немая.

Не лай, не кусай меня, не замечай.

А приходи ко мне кислый чай пить!

На словах «чай пить» по лесу пронёсся ураган.

Десятки разнообразных тварей выскочили из самых глухих углов. Будто сработала взрывная волна. Звери набросились на меня; было их больше, чем в любом зоопарке – точно говорю! Ужей одних приползло штук сто... Да какое приползло! Они просто свалились на голову шипящей и гремящей лапшёвой массой!

Никому из зверей в голову не приходило дружить, скажем, с Дуняшей. Все лезли ко мне. Знаете, как собаки хотят дружить? Выглядело это именно так. Только звери проделывали всё это одновременно. Как скрепки собираются на магнит... Неужели все они хотели со мной кислый чай пить?

Я даже не подозревал, сколько животных живёт в лесу. Большинство мне были известны из учебника биологии. Может и мбуки-мвуки... мбуки-мвуки там наверняка тоже был, я его чувствовал.

В какой-то момент палатка накрыла Дуняшу. Я решил её спасти.

Забирался туда я еще нормально – а, как выбрался, звери уже свисали со всех мест, ворчали и грызли тельняшку. Пришлось расшвыривать их по сторонам клешнёй. С некоторыми

ми, особенно мелкими, это получилось легко – с другими же шум борьбы стоял на всю Бернгардовку!

Но я справился. Остались лишь самые отъявленные головорезы; непонятно как попавший в лес речной бобёр, лиса с лицом горжетки, пара ежей атакующих с разных сторон и грустно улыбающаяся собака. На десерт, в рукаве барахталась белка. Её пришлось хуже всего. Белка сохраняла молодцевато-отчаянный вид и не желала со мной расставаться. Животный магнетизм, чёрт его побери! Теперь я понимал, что это такое.

Уже под самый конец, Дуняша вдруг выдохнула, повисла на мне, прямо прямо поверх остальных зверей, целуя, мимоходом, в щёку. Кажется, на неё мой магнетизм действовал не хуже, чем на бобра! Всё! Рухнуть, что ли, мне теперь, под её тяжестью?.. Рухнул! Между деревьев вдруг высветился наполовину выбритый Кактус с фонариком. Дед стоял рядом, занеся руку над головой. Когда он увидел меня, то замедлил движение до кошачьего, направил фонарь и... расхохотался.

– Ты парень прям этот... Франциск Ассизский!

Что оставалось делать? Я кивнул.

– Учти, бобра на себе держать нельзя. Он заразный.

Любовь это чёрная магия

Несмотря на отчаянное сопротивление, сняли с меня заразного бобра, Остальных зверей тоже отколупали и разве-

сили по деревьям – пусть постепенно приходят в себя. Особенно крупных пнули ногой: подальше, подальше от дач, в сторону леса! Некоторых дед решил оставить для зоопарка, справедливо полагая, что уж за лето удастся их приручить Уж! Уж за лето! Дед повторил это несколько раз, смакуя на языке дурацкую шутку. Было видно, что он в хорошем настроении. Но увидев палатку, нахмурился. В кармане палатки обнаружались Дуняшины причиндалы – трусы, леггинсы и купальник.

– А ну выкинуть срам. Бесстыжие глаза твои, Дунька. Я выкинул срам сам. Как рыцарь. Дуняша потупилась. Дед втянул носом воздух.

– Это же надо умудрится так поставить – на говно! Вы бы хоть палатку с нормальным дном взяли! – тут он покачал головой. – Вижу, что с нормальным была. Все равно не спасёт. Неистребимо...

...Белку пришлось везти с собой в город. Не отколупывалась. Так и сидела у меня на плече. Даже рыбацкую тельняшку снять не получилось.

– Простите нас за палатку, Карл Симеонович, – стесняясь, сказал я. – И за тельняшку тоже. Я вам другую из города пришлю.

Дед вытер слезу и... приобнял меня как родного! Затем он достал из-за пазухи бутерброд – здоровый, с ле-

бедой, с маслом! – и напутствовал меня в путь-дорогу почти без акцента:

– Бывай пацн. Злись вволю. Сатаней на здоровье. И главное, не забудь – любовь это черная магия. Всю жизнь меня помни. И не возвращайся сюда каким был...

Возвращаться сюда – минут пятнадцать на электричке. Хоть каждый вечер приезжай. Хотя на последних словах Дуняша нехорошо всхлипнула. Может она действительно решила, что прежним я сюда не возвращусь. Кто знает. Я, если честно, не особенно собирался возвращаться.

Кажется, мой животный магнетизм действовал на Дуняшу до сих пор. Она вдруг подпрыгнула и, задрав сарафан, втиснулась прямо в окно электрички. Было слышно, как она топает по пустому вагону с криками, – «Не волнуйтесь Кар Семёныч, я только за молоком и обратно». А потом вагон наполнился. Двери закрылись. Я понял, что бидон под молоко она не взяла; ну и глупые же эти деревенские девочки!

Домой

Если и были у девочек планы на нас с Кактусом, то вот вам шиш!

В электричке мы пересели в другой вагон, подальше. Мы выкинули дедовы бутерброды и совершенно забыли о девочках. Мы радовались тому, что самый настоящий животный магнетизм у меня, а не какая-то мелкая научная аномалия. Хулиганили на радостях: хлопали через окошко проходных по лысине, удерживали закрытой тамбурную дверь пе-

ред толпой народа...

Поднадоела нам бабская компания – огого! Хватит с нас этих этого – мальчик-девочка, девочка-мальчик...

– Сатанеешь, брат, сатанеешь, – радовался Кактус с каждым удачно проведённым опытом над пассажирами с детьми.

– Сатанею, – хихикал я. – Уже не могу быть прежним...

Дашуха удивлённо глядела на нас через окошко тамбура. Глаза её не были ни влюблёнными, ни даже заинтересованными – никакими. Словно и не было этого дурацкого путешествия....

А папаша уже поджидал меня на платформе. Клешня по привычке взмыла вверх, распугивая пассажиров с детьми. От ее вида все закричали. Один папа не испугался.

В руках он держал то, что поначалу не показалось мне таким уж опасным – огромные ножницы. Или щипцы. Такие щипцы используют, чтобы вынимать белье после кипячения.

– Ты чо робоккоп, такой резкий, иди сюда, – орал отец, размахивая щипцами.

Потом он поймал меня и заломил за спину руку... Потом взял клешню в щипцы и потащил к машине... не иначе как огромного рака на обеденный стол из кастрюли тащил!

– Мать довёл до истерики! В колбу посажу! – раздавалось из машины.

Толпа принялась расходиться, как будто ничего не про-

изошло. Дашуха на меня даже не посмотрела. Дуняша и вообще растворилась в толпе, как будто между нами не было никакого животного магнетизма.

Я беспомощно распластался лицом в боковое стекло.

Конец? Нет уж! Думаю, как в книге – конец лишь какой-нибудь первой части!

Часть вторая

Гражданка дальше ручья

Охотник за привидениями

Брынзь! – зазвенело стекло серванта.

Я аккуратно выгнул клешню восьмеркой. Зарядил в незаметном месте, завернул в полиэтилен, стараясь из-за непривычного расположения на теле не начесать прыщей или аллергии. Потом неожиданно выстрелил. Удар должен был именно шлёпнуть; так, как ягода шлёпает, вылетая из хорошей рогатки... со звуком хруста снега в мороз. Но ничего не шлёпнуло.

Тогда я со злости запустил клешнёй в сервант.

Дрыыы-нза!

Сказать, что всю жизнь со своей клешнёй мучаюсь, ничего не сказать. Зубы в походе клешней не почишь. Почесать клешнёй бок... даже спину... даже в штанах, так чтобы девчонки не видели... Никак!

– Приспособить для работы, – Кактус вчера предложил.

И как? Дрова пилить? В парикмахерской мастером подрабатывать?

– Для подвигов, – пожал плечами Кактус.

Я предложил ему побриться клешнёй, и он убежал.

Ну что, я бы не прочь – для подвигов. Но кто даст совершить подвиг ракообразному недотёпе? У нормальных людей – биатлон, дальнобой, а у меня как у обезьяны с гранатой – страшное, убийственное оружие... «смерть серванту»!

Ни в одной книге не говорилось о том, чтобы мужик с клешнёй совершал подвиги. Ковбои в американском кино выхватывали свои кольты из кобуры и лихо зашвыривали их обратно. Это немного напоминало, как я сейчас укладываю клешню на груди восьмеркой. Но тут клешня... там ковбойский характер... шерифа-ракообразного ковбои наверное бы пристрелили!

Помните атом на картинке в школьном учебнике? Счастливый пионер попирает атом ногами, а тот вокруг него – шлангом! Это я. Только не говорите, что мой атом мирный. Я давно решил, что он злой.

...Про супергероев из комиксов все уши мне тут прожуж-

жали. Им с рождения даются приспособления вроде эскаватора или трактора. Их надевают на руку вместо перчатки. Но, главное, силой чудовищной они наделены... опять же, с рождения. Без суперсилы обычному человеку супергероем не стать.

Может быть. А может, всё и не так. Что там на самом деле у супергероев происходит, спрашивайте у Оськи Холмолайнена. В очередь встаньте за комиксами. Очередь на одного Капитана Карбованца растянулась года на два. Я было пытался пристроиться в эту очередь, но плюнул. Понял, что до окончания школы подержать в руках комикс мне точно не светит.

Обижаться на Оську и обвинять его в скупердяйстве нельзя. Купается себе в огромном количестве бесценных вещей, но даже и не думает жадничать... учителя говорят, что Оська соткан из противоречий. По матери Оська еврей, но в классном журнале записан как Оскар Туккович Холмолайнен. Папа у него финн, работает в консульстве, И комиксов у Холма до дырочки, их вся школа по очереди читает...

Держал в руках только один, «Охотников за привидениями»... считалось, что это не комикс вовсе, а недоразумение. Старшеклассники уломали Оскари Тукковича пустить охотников в свободный полёт. Оська же неправильно понял и пожертвовал комикс в школьный музей. Тут весь препода-

давательский состав ошалел (школьный музей от комикса отказался). Ладно там, три очкарика с карамульками, ладно монстр, вдруг вырастающий выше всех небоскрёбов. По сравнению с Капитаном Карбованцем это вообще детский сад! Но был там один кучерявый охотник...ох и напоминал же он районного хулигана по прозвищу Лысый Веталь!

Лысый Веталь был торчком, шпаной и хулиганьером; в шестом классе он сбежал от родителей, поселился в подвале и начал там гнать безотходную брагу – «поджелудочную» дрянь. После неё становишься как стекло с подтёками краски. От браги Веталь болезненно облысел в шестнадцать лет. Но, оказалось, многие помнили, каким он был кучерявым красавцем. При виде комикса приходили в восторг и шептались что Веталь теперь охотник за привидениями... он покажет всем где в лесу дрова!

По этой причине, комикс был спрятан Цыщей за пачкой классных журналов в учительской. Там я его и прочитал.

Ну и тоска, оказалось! Друг охотников по кличке Слимер был ещё ничего – этакая хитрая улыбчивая зелёная сопля ростом с третьеклассника. Я перерисовал его при помощи кальки в тетрадку. Жаль, что про Слимера в комиксе набралось всего-то на пару страниц. Летает, сигары покуривает и что-то там говорит. А что говорит – никто не разберёт. Комиксы-то у Холмолайнена на финском. На каком языке им ещё, спрашивается, быть, если мама у Оськи переводчик, а

папа – самый что ни на есть взапрадашный финн из консульства.

Белк имени Франциска Ассизского

Уборка у мамы сегодня мокрая. Швабра стучит в сервант. Такая есть только у нас; с магнитной набойкой, чтобы собирать рассыпанные по полу скрепки. Когда наша швабра стучит в сервант то, кажется, что машина наехала на битое стекло или сотня бутылок разбились одновременно.

Через минуту придётся доказывать маме, что я не свинья, а пыль на польском будильнике вовсе не свинство.

И давай поскорее подбирать стёкла.

Из ушанки выглянул белк имени Франциска Ассизского. Усы были на половине двенадцатого. Они дрожали синхронно с единственным стеклом, оставшимся на серванте. Так дрожит минутная стрелка на часах Московского вокзала, перед тем, как передвинуться немного вперед.

Знакомьтесь. Это мой белк. Живёт в ушанке. Тот, который в лесу приходил кислый чай пить. Он не то, чтобы прямо активный белк. Часто он спит. Но не ленится каждый день встречать меня с порога. Обычно он позволяет пройти по коридору и снять верхние шмотки. При этом ждёт, когда я повернусь спиной. А потом радостно всаживает в спину острые когти. Он просто не может оставаться спокойным при виде

меня. Играть надо постоянно, включая волю к победе на полную мощь. Он не верил, когда я выигрывал на расслабоне. И мне пришлось научиться хитрить. Я сдавался, белк негодовал, отвлекался и сразу же получал коварный удар клешнёй. Сбоку или сверху. Неважно. Главное неожиданно. Так белке не надоедало.

Вдруг он перестал ловить антеннами усиков сигналы воздушной тревоги, издал смеющийся звук и скрипнул жёлтыми зубками. С досадой я понял, что Капитана Карбованца из меня не получится. Надо мной даже белка смеётся. Как быть? Может, Поджелудочным Веталем стану из комикса стану про охотников за привидениями?

– Елки зеленые! Зелёные как

– Боря, не смей при мне матом!

Мамаша затыкала шваброй куда попало. Белк имени Франциска Ассизского прицелился, но не успел. Его схватили за хвостик и бросили на дощатый пол в родительской половине. Он подскользнулся на лужице мыльной воды и на пузо. А потом погрёб обратно ко мне, стараясь набрызгать побольше.

– Почему не в школе?

Я показал пригласительный билет. С портретом в траурной рамке.

– В Пионерском парке?

– Там написано...

Мать прочла до конца:

– Белку свою в этот парк отнеси! Чтобы духу её вонючего здесь больше не было.

Обычно я пропускаю такие разговоры мимо ушей, но....

– Устроил из родительской квартиры стойло, садюжник! Несчастное животное...

Белк, устав грести, вскочил по стойке смирно.

Я поманил белку к себе; несчастное животное сделало пару неуверенных шагов и упало, притворяясь мёртвым. Играть с Францисском Асиззским в дохлый номер было некогда. Польские часы загорелись словами без цифр «czternas'cie». Похороны Добробабы скоро начнутся.

Растерзан медведями

Из-за похорон этих нас отпустили из школы пораньше. Сказали, переодеться в траурное, настроиться и поразмыслить над кое-чем. Идти мне до дома минут пятнадцать, вот я и поразмыслил. Потом ещё раз поразмыслил. И, наконец, откинув балласт того, о чём думается в обычные дни, при-

нялся раскладывать в голове такой сложный пасьянс, что голова закрипела как ступа у ведьмы!

Выходила какая-то ерунда. Почему Добробабу не хоронит его распрекрасный лицей? Почему похороны проходят не по микрорайону? Почему на похороны собираются неблагополучные школы со всей Пискарёвки? Причём, главным образом, те, мимо которых Добробабе без хорошего тычкового кастета в былые времена не пройти?

Ну, во-первых – Добробаба не культ личности. Не Горбачёв, так сказать, чтобы делать из его гибели трагедию мирового масштаба. Во вторых – пускай он рано погиб. Пускай не успел прославиться толком. Допустим, пропал без вести в лесу – ну так и что же в этом такого? Надо собирать учеников со всех районных школ по этому поводу? Устраивать шествие в пионерском парке? Нет, ну, чего ради, на самом деле, скажите, а?

– Папу с мамой Борькину позвать, да и всё, – рассуждал я перед зеркалом с мокрой железной расчёской... – Бабушку с дедушкой, если они ещё у него есть! Меня позовите, раз уж я друг его детства, – жестикулировал я, перебегая улицу на красный свет боком... – Невесту Борькину, – вспомнил уже перед самым пионерским парком и, закашлявшись, завершил: – Дружков – кха-а—аных индейцев!

...Один я знал, что на самом деле произошло. Может что-то забыл... но напомнить-то было некому! Кактус вообще ничего не знал. А бывшая Добробабина невеста как в воду

канула. О ней никто в городе не вспоминал, будто не было её и в помине. Короче, совесть ела только меня одного....

Тем временем, в школе повесили Добробабин портрет в траурной рамке. Изобразили рамку в виде сердца пылающего. «Добробаба» было выведено красными буквами по зелёной кайме. Издалека это напоминало костёр. Или, скорее, пожар под запрещающей разводить костры табличкой. Некролог сопровождался описанием добробабиной многогранной общественной жизни. Так и было написано «многогранной». Что отмочалил такого многогранного Добробаба? Почему его жизнь ни с того, ни с сего стала общественной. Почему его урабатывают в землю как какого-то Брежнева? Подробностей не сообщали. В одном месте о пятнадцатилетнем Добробабе было сказано, что он «преданный муж». В другом – что «внимательный отец». Не хватало только написать “любящий дед”! Хорошо, хоть на деда наглости не хватило... В конце сообщалось о конце его прекрасной карьеры. Траурным, чёрно-алым шрифтом: – РАСТЕРЗАН МЕДВЕДЯМИ! И тут, я признаться, вздрогнул. Шрифт становился все меньше и меньше, сворачиваясь в ниточку; соболезнавший было много, иначе бы всё не поместились. Но я-то видел, что соболезнают Добробабе далеко не все. Кто-то, корявой рукой подписал под «растерзан медведями» – «Армия Трясогузки».

Солнечный круг

Труба орала, сирена вопила...похороны, должно быть, подходили к завершению, а я ещё только подбирался к пионерскому парку со стороны Бестужевской улицы. Себе я казался Капитаном Карбованцем. Но со стороны, наверное, выглядел законченным охотником за привидениями. Плевать. Нужно было успеть – иначе бы завуч Танищева меня съела живьём.

Не подумайте, что всё просто. Внутри парка был лабиринт. Самый настоящий. Все дороги вели к центральной части парка. Точка схода называлась «Солнечный круг, небо вокруг».

Картинка с солнечным кругом, кстати, была изображена на обложке расписания Ириновского направления Октябрьской железной дороги. Пригородные расписания мы носили с собой. Не всегда, чтобы ездить по пригородам... чаще, чтобы попасть в центр города.

Кому-то повезло родиться в центре. А мы, как ни крути, жили на Пискарёвке. Никому здесь не нравилось. Как ни крути, задворки первостатейные. И свалить с задворок в центр для нас было жизненно важной необходимостью; от жизни на задворках лопалась психика и трещал мозг.

Многих тянуло сбежать в город уже пяти-шести лет от роду. Убегали из дома, чтобы посмотреть, что за центр такой, где сами собой разводятся мосты, а улицы называются линиями. Мелкие бегали за жевательными резинками «Лето» в Пассаже... Ну, а старшие, я уж не знаю зачем. Чаще, наверное, за простым интересом.

Оставляешь записку «Я в городе», из маминого кошелька тянешь железнодорожное расписание; садишься в электричку, проезжаешь две или три станции, держа расписание вместо билета и выходишь в непривычный мир шпилей и башенок. Пересев на красный, вонючий, весь в креозотной грязи трамвай отправляешься в безмятежное путешествие по волшебной стране. Безмятежным оно казалось до тех пор, пока центровые не научились вычислять нас – пискарёвских! – по особым приметам. При поддержке курсантов Нахимовского училища они прописывали нам то, что у них в училище называлось «боцманскими каплями».

Картинка с дебильным солнышком отпечаталась в памяти любого, кто хотя бы раз выбирался из дома в центр. И спрашивается, как же я умудрился продолбить солнечный круг, заблудившись в парке с первыми весенними лужами?

Да вот... Я промочил ноги, устал и вдобавок потерял бинт, которым обмотал клешню перед выходом. Спустя полчаса я напоролся на школьников, выстроившихся по шеренгам. Не скажу, что сразу оказался, где надо, но просчитав – первая, вторая, десятая шеренга – вклинился, нашёл свой

класс и встал рядом с Понкиной.

Понкина смотрела на меня так, будто я появился перед ней голым. Никогда в жизни ей не понять, как можно опоздать на три, на пять и больше минут. Заходя в класс последней, она плакала как бегемот. Тем Понкина мне, кстати, и нравилась. Такой пупс! Нет ни одной нормальной человеческой эмоции!

Музыка, между тем, доиграла; без сопровождения ухал пустой барабан, оркестр сворачивался, шелестели куртки, застёгивались пиджаки; богатый старшеклассник расчехлял мотоцикл.

– Вот и всё, – дирижёр музыкальной школы вытер вспотевшие руки о полосатый пиджак. Пиджак тут же взмок и взъерошился; дирижёр стал похожим на бурундука или выдру.

– Как всё? Тутукнулись? – возмутилась сероголовая женщина в орденоносной жакетке: она стояла облокотившись на кузов машины с торчащими древками флагов. – А армия трясогузки?

– Что? И у вас написано «Армия Трясогузки»? – подскочила Цыца.

– У всех написано! А я, между прочим, Борин парторг. И если мне не объяснят что за армия, я вызову участкового.

– Раз уж и вам не понять, что за армия... – задумчиво сказала завуч Танищева.

– Армия, – раздался презрительный голос директора

французской школы «номер сто три», имени коммуниста Макса Жакоба, в просторечии «ЭмЖо», – костры пионеров-героев взвились над прахом вашего Добробабы! Армия Трясогузки – боевой отряд... неуловимые мстители. Не видите связь?

– Вижу. Вы, поди, трясогузка и есть. – спокойно сказала Борин парторг.

Она медленно потирала руки, к чему-то прислушиваясь.

– Я? Мне на вашего кулинарно-комсомольского выхрестка плевать...и насрать. А знаете откуда? С водонапорной башни лесотехнической академии! – француз захохотал, поставил точку, придавил туфлей жука... А орденосная сухим деревянным кулачком вдруг резко выстрелила французу под глаз. «Эмжо», не раздумывая ни секунды, начал душить её своим красивым шарфиком. Тут с небес грянул гром. Директор лица развернул «Эмжо» к себе лицом, и оторвал ему рукава от рубашки. А «Эмжо» вырвался, разбежался, и ударил директора головой в живот. Получилось у него так лихо, что ученики его школы разразились восторгами по-французски!

В ответочку забузил весь пионерский парк. Противным голосом где-то вопила Цыца... Притаившиеся в добропорядочных тихонях пискарёвские хулиганы наконец показали истинное лицо. Цыцины вопли перекрыл хриплый свист Лысого Веталя. За моей спиной взорвали пугач «на гвоздях».

Следом рвануло что-то новое, с дымом; в нос шибанул ядрёный запах спичечной серы.

А потом произошло вот что. Сквозь вонь и чад ко мне приблизилась Понка. Робко, но твердо она взяла меня за руку. Посмотрела в глаза, сглотнула и шепнула:

– Раков... А давай с тобой пойдём гулять на пересечение Пискарёвского и Непокорённых?

Гулять? Так, значит, работает животный магнетизм? Честно говоря, я ждал этого момента всю свою жизнь. Пару недель назад, я бы обязательно спятил от радости. Но сейчас – лишь бросил небрежно:

– Знаешь что Понкина? Давай мы тебя налысо подстрижём? М?

Парикмахерская, где стригут эльфов

На следующий день недавно выбеленный потолок заплакал белой извёсткой и кипятком; больше всего попало по Кактусу. Кактус принял с потолка этот коктейль, не успев отскокить – он спасал завуча Танищеву.

Спасаемый завуч отчаянно ругала Кактуса. Кричала, что тот сбежал с торжественной похоронной линейки неспроста. Лицо её тряслось. Воротник кружевной сорочки был порван.

Кактус молчал, закрывая подбородок ладонью. Краем глаза он наблюдал за тем, до чего мощная туча набухает на потолке – не туча, а сказка «Лоскутик и Облако». А когда завуч высказалась о том, чтобы остаться на второй год, Кактус разрыдался. И опять разразилась гроза; и снова потолок пролился дождём из извёстки – и опять на единственного из всего класса, Кактуса!

Не один я замечал, что с Кактусом творится неладное. Он то и дело бегал, не задерживаясь нигде дольше пятнадцати минут. Посреди урока внезапно вставал, бежал в медкабинет и возвращался бледный-пребледный. Медсестра смотрела ему вслед из дверного проёма, покачивая головой. С линейки он к своей медсестре и убежал... больше же некуда.

Порой он ошарашивал меня неожиданными вопросами и сохранял невозмутимый вид. От обладателя такого вида обязательно ожидаешь подставу – как от гадкого злого клоуна.

Вчера, например, Кактус озабоченно спросил у меня:

– Слушай, Клещ, а, скажи – мама твоя ноги бреет?

Я вспомнил утренний тазик с кровавыми ватками у маминной кровати.

– Бреет.

– А она когданибудь пробовала брить себя электрической бритвой?

Я пообещал уточнить. Но так и не уточнил. Не потому, чтобы забыл, а потому что не смог выкроить ни минуты сво-

бодного времени.

Вчера похороны Добробабы... А сегодня пришлось спешно перенастраиваться на образ печального сердцеда, до этого момента мне вовсе не свойственный. Я готовился к торжественному событию... ну да, я вызвался тащить портфель Понкиной до самого дома. И о кактусовом интересе к маминным ногам, совершенно забыл.

С утра Понка не снимала с головы дурацкую кепку. Точно такую я видел в электричке у злостных картёжников. Впрочем, картёжники тут не при чём. Есть магазин «Спорттоваров», где таких кепок пруд пруди; наверняка их покупают, особенно не выбирая.

Так вот, Понка появилась в школе в этой ужасной кепке. Разделась до школьной формы, оставила головной убор, шепнув что-то директору. Небрежно кивнула свирепым дежурным санитарам. В той же кепке Понкина гордо проследовала в класс. Там села за свою парту, как ни в чём не бывало – и ни на секунду, между прочим, не опоздав. Я потирал вспотевшие руки. А после уроков ждал Понкину за гардеробной решёткой: сквозь неё человека видно только до пояса.

Удостоверившись, что никто не подсматривает, Понка, опустила на колени, сдернула кепку с головы и сказала:

– Вот так, Боря ... Подстриглась вчера наголо...

Хоть и ожидал я такого поворота, но всё равно оторопел.

– Как тебе? – Понкина ждала комплиментов.

Как? Первый раз я наблюдал перед собой лысое существо

женского пола. Я даже представить не мог, что в Советском Союзе можно увидеть такое. Да и в Штатах, ага... может быть в кабаре или публичном доме. Не голова, а консервная банка!

И ведь не сказать, что Понкину это шибко украсило. Нос выглядел длиннее чем надо, глаза оказались вытарашенными. Но больше всего досталось бровям. Приглядевшись, я понял, что их попросту сбрили. Потом Понкина посчитала бритые брови ошибкой и довела себя до прежнего, чернобрового состояния жжёной пробкой. Может, это виделось ей красивым, но лично мне казалось, что даже со спортоварной кепкой было гораздо лучше, чем без неё. Теперь Понкина выглядела страшней всех членов Политбюро вместе взятых!

В глубокой задумчивости я принял из её рук портфель и побрёл следом по улице. А Понка забросила кепку на фонарный столб и вдруг стала такой счастливой, что вокруг неё закружились две бабочки. Прохожие оборачивались и улыбались. Возможно, они думали, что мы пара из тележурнала «Ералаш». Особенно эти бабочки – ну, просто готовая сценка.

У «Кулинарии» нас догнал запыхавшийся Кактус.

Он успел превратиться в Бородатого Педро. Говоря проще, стал чудовищно бородат и скрывал бородищу при помощи веера, наскоро сделанного из проверочной работы.

– Пойдите. У вас лысина Понкиной на солнце сверкнула.

И я подумал...

Понкина даже не обернулась. Я сжал кулаки. Хоть я к Понке и охладел, но был готов защищать её от незванного претендента. Пусть лысая, пусть страшная была Понкина... но не отдавать же её бородатому Педро!

– Кактус не мешай, – прошипел я. – Я ухаживаю...

Уж я-то помнил, кто в садоводстве самый крутой...

– Один вопрос! – умоляюще сложил руки Кактус.

– Кактус... я тебя вызову на дуэль!

На лице Понки читалось холодное безразличие. Как будто колодец на её лице вырыли – и он был полон холодной, студёной воды.

– Оля, скажи, тебя наголо где стригли?

– В парикмахерской одной, – безразлично бросила Понкина.

– Где парикмахерская, где стригут наголо? – не унимался Кактус.

Тут до меня дошло, зачем Кактус постоянно бегает до медсестры. Медсестра же бреет его три раза в день! Ну конечно.. Такому Бородатому Педро бриться, все равно что бегать в туалет, наевшись на ночь арбуза.

– Не хотят меня брить в парикмахерских, – подтвердил Бородатый Педро, – Прихожу с бородой – говорят, мол, быть такого не может. Оптическая иллюзия. Иди отсюда мальчик, говорят. Передавай привет старику Хоттабычу...

– Хорошо тебя понимаю, – сказала Понкина и кивнула лысой головой. – Я ведь тоже через три парикмахерских прошла. Не хотели меня наголо стричь ни в какую.

Прошла через три парикмахерских! Я страшно возбудился; ведь это из-за меня, конечно. Ну, не столько из-за меня, сколько из-за моего животного магнетизма...

– Оля, а ну скажи, где бреют! А то с забора спрыгну.

Понкина не выдержала. Она аккуратно вытащила из моей руки свою ладошку. Больше её ладонь в мою руку не возвращалась.

– Парикмахерская называется «Эльф», – шепнула она Кактусу на ухо.

Кактус обрадованно возопил:

– Эльф! Эльф! Где?

– В Ручьях... рядом со мной.

– Записуха... – шарил по карманам Кактус.

Я небрежно переспросил:

– Что там в Ручьях? Эльфов стригут?

Никто не засмеялся.

– Надо бы эпиляцию, – забормотал Кактус, не найдя записухи и выводя слово «Эльф» на тыльной стороне ладони карандашом, – срочно эпиляцию. Женскую, женскую!

У него получалось так, словно он кому то подлаивал: – «Эпп-пиляцию! Эппп-пиляцию! Женскую женскую...».

– Так чтобы чик и всё. И не растёт.– Кактус, наконец, перестал лаять. – Как греческие женщины ноги бреют. Раз и на всю жизнь. Я слышал...А иначе на ногах будет два памирских яка.

– Как гре-е-еческие – протянула Понкина, а потом вдруг говорит: – Мне твоя борода нравится, Землероев. Действительно на пионерского яка похожа. Не хочу, чтобы ты её сбривал.

Кактус схватил зубами Понкин портфель и принялся перетягивать на себя. А Понка – в свою сторону.

– Но к чему, – шипел Кактус Понке, – к чему шесть раз в день двадцать пять копеек тратить?

– Двадцать пять копеек это не страшно, – успокаивала Понкина, – хочешь, я сама тебе эти копейки буду давать? Только не состригай ничего!

Я почувствовал себя лишним. Бородатый Педро! Они с Понкой вели себя как старые друзья, перетягивая портфель каждый в свою сторону. В конце концов, ручка лопнула. Портфель оказался в луже. Никто не обратил на это внимания. Я выбросил туда же Понкин обувной мешок и, не обращившись, пошёл к автобусной остановке.

Условное сумерничание

Гулял допоздна, часов до одиннадцати. Растрачивал, как любила говорить Цыца, время впустую... это она сказала

однажды, что если бы я время впустую не тратил, стал бы светилом естествознания. Как Ломоносов! Но раз уж Ломоносова из меня не вышло, временем своим я буду распоряжаться как захочу. Хорошо, между прочим, когда временем распоряжаешься... Ломоносов, небось, многое потерял, если сидел сиднем.

Ладно. Решили, я просто по городу решил прогуляться? Думаете, не нагуляюсь никак? Помните? что я говорил про пригород? Те, кто на Пискаревке с рождения, давным-давно нагулялись на всю оставшуюся жизнь и проводили вечера дома перед телевизором. Только самые тутукнутые упёрлись, став краеведами. Они шлялись по опасным окрестностям и тонули по шею в больших лужах без названия. В обычных лужах тоже тонули. Тут ведь у нас весной лужи сплошь многокилометровые. Исследовать всё то, что дальше Ручья... тонуть в болотном дристе... писать мелом названия рок-групп везде, где дотянешься... Это заканчивалось детской комнатой милиции. Кого задерживали за поиски земли Санникова в говнотечке, кого за сбор доказательств, что на станции с названием «Хорошо» ничего хорошего не бывает... А я приключений на свою голову не ищу. Мне тонуть в болотце не хочется. Предпочитаю носиться по проспекту вдоль проезжей части и перебегать боком на красный свет. А потом убегать, чтоб не догнали... в детскую комнату милиции тоже могут забрать.

Устал, в общем, набегался... Ковыряюсь в замочной сква-

жине, ловлю себя на мысли; не хочу чтобы сегодня в окошко светила луна. Хочу спать... А луна, между прочим, светила в окошко – будьте нате. Такая круглая, как скатанный в шар жёлтый сыр или подкисшая дыня. С выражением лица моего папы после работы... Странный, одним словом, фонарь. Но, зато, совершенно естественный.

В детстве ужасно хотелось, чтобы под моими окнами был такой фонарь. Я бы тогда не включал свет и сумерничал (от красивого слова «сумерничать» ползли по спине мурашки). Но луны на моей половине комнаты не было. Окна переграждал сервант и приходилось наслаждаться сумерничанием условным. Карманный фонарик – не луна с неба, но и его у меня не было. Хотелось... но за давностью лет перехотелось. «Жопку освещать под одеялом будете?» – поинтересовался отец как-то после особенно настойчивых просьб – и надобность в карманном фонарике сразу отпала.

Сегодня свет был не фонариковый, как обычно, а фонарный. Фиг при таком заснёшь. Луна придавала комнате неземной вид. Диван казался предметом из другого измерения. Тени он не отбрасывал. Отец лежал на инопланетянском диване поперёк. Он был захвачен полосой лунного света, как опрокинутая восковая фигура. Под рукой лежали деревянные щипцы для кипячения белья. Приходя со смены, он с ними не расставался. Оборачивал изолентой чёрной, чтобы из рук не выскользывали, смазывал какую-то гайку и

ложился спать в обнимку. Взрослый, а боится! Бе-бе-бе... Может, думает, что он охотник за привидениями?

Я обогнул диван и протиснулся за сервант. Отец спал крепко. С недавней поры он вкалывал сутки и приходил домой через трое – уставший. Хоть кол у него на голове теши. Всё равно не проснётся.

Под ноги подвернулся ящик с барахлом; оттуда как все порассыпалось да поразлетелось... Свалилась бледно-зелёная резиновая лапта. Тут отец перестал храпеть. Но на своей половине комнаты я был в безопасности; я знал, что могучий папаша сквозь сервант ко мне не протиснется.

Распад на молекулы

Матери тоже не видать – значит, ночует у соседки-подруги. Подругу мать называла «Ксюха не разлей вода». А та её, соответственно – «Ирка не разлей вода». Честно говоря, не сразу у меня получалось привыкнуть к такому состоянию родителей после одиннадцати (сперва мама стала дружить со своей «не разлей водой», потом отец начал корячиться в ночную). Днём оба дома торчат, а вот ночью... На фоне их постоянного отсутствия и я взял привычку пропадать – не всегда, чтоб в какую-нибудь Бернгардовку, но по субботам, бывало, приходил домой под утро. Распоряжался временем не как Ломоносов...

Скоро наша квартира стала выглядеть забытой и неухоженной – с рисунками рассеянными на рваных обоях, полуразбитым-полуфанерным окном и гигантским кактусом «сагуаро», пожелтевшим от соседства с батареей. Распад семьи на молекулы. Так называл это состояние Кактус.

...Распад на молекулы начался полтора года назад. Я не появился дома, провёл Новый год с беспризорником в заброшенном здании горэнерго. Мы сидели на обледеневших пластмассовых ящиках. У нас были самопальные петарды из пороха для хлопух и бутылка пахучей зеленой импортной жжёнки. Он был нахальный слепой беспризорник с собакой поводырём. Собака скакала вокруг на волшебной, растягивающейся от нажатия кнопки цепочки. Домой не хотелось. Празднование затягивалось.

Жжёнку открыть так и не получилось. Наклюкались мы, воспользовавшись подающими прохожих. Чего нам только не совали! И домашний мёд крепостью градусов в пятьдесят и морковную брагу и поджелудочную от Лысого Веталя... На окне эта жжёнка, поди, так и стоит до сих пор – мы не смогли до неё добраться, усеяв всё вокруг рвотой со сверкающими в звёздной ночи осколками. А потом я потерял ключи. Домофоны тогда ещё были в новинку. Справившись с домофоном подбором цифр, я решил, что наш лифт включается силой воображения. Понятно, что никакого лифта я не дождался, Прислонился головой к раскалённой батарее, безмятежно заснул. Высунул из расстёгнутого воротника клешню,

чтобы проветривалась....

Утром отец напорол меня ремнём при соседях, в волшебном лифте. Мама потребовала надеть свалившиеся штаны, заткнуться и немедленно дать заявление о разводе. А отец продолжал орать. На крик вышла та самая «не разлей вода» – Ксюха. Она отвела маму к себе и накормила остатками фантастического салата из тростников, которые командированный муж высылал ей с Кубы. С этого дня мама взяла за привычку подниматься к Ксюхе после одиннадцати вечера. Лишь бы не спать рядом с отцом. У «не разлей воды» она ела салат и ложилась счастливая. А в семь утра стучалась обратно домой – чтобы выпинать меня в школу. Работала мама швейей на дому. Могла позволить себе гибкий график...

Потом «не разлей вода» разучилась спать в одиночестве. Присутствие матери в её квартире стало совершенно необходимым. Посыпаясь среди ночи, она звала по батарее парового отпления Ирку «Не разлей вода». И Ирка «не разлей вода» сразу же откликалась. Конечно, ей было удобнее на Ксюхином диване для посиделок, чем на пушистом поролоновом коврикe, некогда служившим утеплителем для гаража. Делить кровать с отцом мама с тех пор отказывалась

Времена, когда мама делала это из вредности, давно прошли. Отец сообразил, что разливаться эта вода не собирается и назло устроился работать в ночную смену. А я оказался предоставленным сам себе. Такой вот распад на молекулы наблюдался в нашей квартире.

В том ручье я живу...

Лежу, натянув ватное одеяло до ушей. Одни уши только торчат. Вспоминаю, как обычно, всякую ерунду. А как только вспомнилось про «не разлей вода» никакой мочи не стало. Переступил через разбросанные штаны и футболки, прошёлся по комнате. Отец не пошевелился. Свет я решил не включать. Только в ванной пустил оба крана одновременно...

Усевшись на унитаз, я снова задумался. Если Добробабу растерзали медведи, кого же мы хоронили? Медведи оставили для опознания части тела, да? Небось, натянув лицо на трухлявый пень, подписали: «Борис Добробаба, преданный муж, внимательный отец, любящий дед»? А как ещё? Кто-то должен был рассказать составителям некролога, что с ним случилось в лесу, не упоминая при этом ни меня, ни Дашуху.

«Армия Трясогузки» не было не ни добавлено позже, ни подписано поперх, а выведено одновременно с прочими надписями. Тем же почерком. Парторг Добробабы не мог об этом не знать – она заверяла некролог своей подписью.

«Матушка возьмёт ведро-о-о-о. Молча принесет воды», – донеслось с кухни.

Радио веселилось на всю катушку. Захотелось по ведро ещё раз – уже чисто психологически. Но, поднатужившись, я понял, что больше не могу. Тогда я пошёл на кухню и замастырил себе бутерброд – огромный, в половину батона.

Мысли, мысли... Что со мной? Как будто маялся чем-то? Или просто не спалось.

Отзвучали «Подмосковные вечера». Завелось бзиканье, отсчитывающее последние секунды до полуночи. С последним, самым длинным писком часов кто-то постучал в окно нашего этажа. Пригляделся – Дуняша. Я хотел открыть ей окно, но Дуняша приложила палец ко рту. Свенулась змеёй и тут же, с резиновым неприятным свистом – в форточку!

Думаете я не перепугался? Перепугался! Больно мне надо, чтобы такая Дуняша ко мне приближалась. Особенно я был против того, чтобы вошла в полосу света выделяемого луной.

– Стой, – сказал я строго. – Стой и не выходи на свет.

– А то чего? – гадючно усмехнулась Дуняша.

И одежда у неё была вся как кожа гадючья.

– А то Франциска мне напугаешь, – нашёлся я.

Франциск кормился с полочки рассыпанной гречкой.

– Она не Франциск, а Франциска. – строго сказала Дуняша, – Ты что, не видишь?

Белка подтвердила коротким кивком и принялась выпрашивать «Дохлый номер». Я отодвинул белку в сторону. Для

начала следовало выяснить что тут делает Дуняша – а уж как у неё получается подниматься на третий этаж ... что-ж, ладно – пока позабудем...

...Проскользнув мимо отца, Дуняша нахально улеглась в моей кровати и утонула лицом в подушке. Потом вынырнула. Сделала стойку свечкой, выкинула ноги вверх и сказала отчётливо – разве что только не по буквам произнесла:

– Видела я твою Пэ-э-он-нн-кину. Лысая будто жаба.

Я хотел было похвастаться, почему Понкина лысая, но удивился и спросил:

– Почему жаба?

– Нипочему. Жаба она и есть. – Дуняша потянулась за моим бутербродом, – Проводил бы её сегодня до дома – ко мне в гости бы пришёл.

Её глаза заблестели.

– Это как? – тут мне стало не по себе.

– Не понимаешь? – удивилась она, оставив в сторону мой бутерброд – Где жабий дом? Гражданка дальше Ручья? А я в том ручье и живу!

Гражданка дальше ручья

Ручьём тут называют район разделяющий Гражданку на две половины. Разумеется, райончик ещё тот. Настоящая оторвановка! А названия самих ручьёв – вообще улёт. Есть

Лесной ручей. Есть Горелый. Есть, вроде, даже Избушечный. А на Гражданке дальше Ручья никаких ручьёв уже нет... Зато электричество до полуночи. Воды неделями не бывает. Школьниц наголо стригут без разрешения от родителей. В общем, живёт Дуняша в Ручье, так и пусть себе живёт. Я рад за неё. В Ручье – значит ещё не совсем на Гражданке.

В конце концов, я завалился спать. А Дуняша сама уползла... Нельзя, конечно рассуждать о девочках как о тараканах, но в данном случае это напрашивалось.

В школу проспал... Почему мама не разбудила? Казалось, её и вовсе здесь не было. Если была – это можно было легко определить по наличию в воздухе аромата тошнотворного одеколона «Признание».

Обычно в таких случаях я ударяю себя кулаком. Это чтобы лучше соображалось. Всадил себе под левое ухо, но быстрее соображать не стал. Мысли в порядок не пришли. О том, чтобы явиться в школу не могло быть и речи. Что там вообще со временем?

Сщурившись, я попытался определить его по «Электроничке». Ничего не понятно. «Электроничка» зверски отсвечивала. Занавесок на окна у нас в семье отродясь не висело; полуденный свет устилал кухню и делал цифирки «Электронички» невидимыми.

Больше всего на свете я ненавижу природное, солнечное освещение. Это вам скоро понадобится знать. Живя как мокрица за сервантом, я подхватил привычку вылезать только

на электрический свет. Или на лунный. Ещё я ненавижу любые проявления теней на стене. Не люблю солнечные лучи и всё тут. Они высвечивают миллионы скоплений кружащихся в воздухе пыльных комочков. Не люблю, потому что наша однушка казалась от этого ещё более неуютной и неухоженной... Не люблю...

Пыль кружилась, оседала на всем чём можно. Я написал на чайнике слово «Боря». Бутерброд на столе был покрыт таким слоем пылицы, что я с отвращением его выкинул.

Надо было срочно куда-то свалить, пока отец не проснулся.

Холмолайнены

К Холмолайнену в гости – вот так. Но только внаглую, без приглашений. Там всегда толпа народа, не протолкнуться. По минутам всё у Холма расписано, без приглашения нельзя. После школы одноклассники собираются... кто компьютер живодёрить, кто журнал «Сиоссики» читать. Некоторые ещё играть в жёлтых солдатиков, у которых обе ноги сгибаются в радиусе пятой точки. Только во что можно с ними играть – в инвалидов на горшке? Нет, не в солдатиках счастье Холмолайнена, конечно...

Чаще всего к Холмолайнену приходят хорошенько поживодерить. Так называется процесс прохождения автогонялок на семейном компьютере Холмолайненов. Хотя официально

это было строго запрещено. Считалось, что папа Оськин не просто дома так кнопки жмёт, а работает. И, конечно, бывает недоволен, когда ай би эм пересекается искрой и выключается как спущенный шарик. Из-за автогонялок искра и била. Или, говоря по-научному – из-за переключения рабочего режима в безопасный. Но дома дяди Тукки Холмолайнена часто нет. В его отсутствие мама пускает за компьютер, за игры. Она-то и называет это занятие приятным русским словом «живодёрить папкину эвмку».

Подшивка «Сиоссиков» у них высилась аж до потолка. Журналы старые, изрезанные, израненные. Страницы журнала представляли собой решето из обрывков непонятного финского текста и фоток. Когда-то, внутри журнала крепили на скрепку большие, складывающиеся в восемь раз плакаты. И были там много финских рок-групп со смешными названиями – «Победа» или «Лайка с Космонавтами». Девченки сходили с ума по кожаным прикидам и длинным волосам. Любой бы состояние сделал на одних вырезках. Но это же Оська. Если надо – вырезал, торжественно вручал и забывал. Слишком легко ему всё доставалось... Зачем ему жадничать? Что ему покупать? И, главное, где? В канцелярском отделе универмага на Металлистов? Чего в этом универмаге ему не хватало; карандашей, крючков для мормышки, счётных палочек? Нет, Оська не мог мыслить в недефицитных категориях.

...Он как раз выпроваживал безумного очкарика с поли-

этиленовым пакетом в руке. А счастливый очкарик беспрестанно хихикал. Пакет руках у очкарика был дефицитный сам по себе. Там, вероятно, лежало что-то не менее дефицитное.

– Пока, Кобец! – задушевно пел очкарик.

Оська не вслушивался. Он пытался захлопнуть дверь, так, чтобы я не попал внутрь.

– А почему тебя старшие Кобой вдруг называть стали? – спросил я, ловко придерживая дверь ботинком, – а Холмсом уже не называют, ведь так?

– Коба... – пожал узкими плечками Оська, – сразу не объяснишь, – он посмотрел на часы... настоящий отличник-стаканчик... – Ты ко мне, да?

– Сразу не объяснишь, – сказал я, включая сомнительное обаяние.

– Нет, и не думай, Клещ, я не вредничаю. Просто сегодня договорились с мамой... очкастого пускаем и всё. Вчера как навалились со своим живодерством. Я по математике тромбон схватил. И по литературе парашу...

– А что из живодёров никто списать не дал?

Оська вздохнул.

– По математике мне и не надо. Дома всё равно узнают что списано. Проверят... Получать по математике тромбон нельзя никак – папа этого не оценит. Он за точные науки. А

литература ему – что китайская, что русская. Он всё равно не переведёт. Так что по поводу пары я не переживаю. А вот тромбон ...

– Оська, ты йогурт пить будешь? – донёлся томный женский голос из комнаты.

Тётя Роза Холмолайнен возлежала на диване прямо в сапогах. Через дверь была видна её нога и одна такая нога тянула как минимум на четыре обыкновенных. Или на одну полноценную маму. Таких размеров была тётя Роза Холмолайнен. Водном сапоге можно было утонуть, а ведь нога в нём даже не то, чтобы целиком помещалась.

В общем, Оська отвлёкся...

– Так почему Коба-то? – шепнул я, уже закрыв дверь и переобуваясь в тапочки.

– Мать называет Иосифом...

Волна не дошла

Вокруг столько всего интересного! Жаль что сразу всего не схватить. У меня были планы на настольный хоккей... хотя бы подержаться, а ещё сыграть соло на игрушечном синтезаторе, а ещё... Нет, ну зачем отвлекаться на что-то ещё, когда прямо рядом с тобой столбом стоит настоящий расчесочный синтезатор с вжик-вжиком и барабановыми наворотами – взять да руку протянуть.

Спустя мучительно долгое время, скучающий Холмолайнен вдруг спросил:

– А тебя почему Клещём называют?

Больше мне ничего в голову не пришло – я взял да и показал почему.

К моему удивлению, Холмолайнен просто на задницу сел:

– Здорово! Высший класс. Будто транзисторная? Ишь! А как же так получается?

– Да какая тут транзисторная? Настоящая!

Я совершил захват клешнёй ещё раз помедленнее.

Тускло-зеленый узкий графин для цветов разбился на куски; вода медленно стекла в пол. Той же клешнёй я оторвал от салфетки кусок и вытер. Цирк уродов, апабабаам! В заключение я собрал осколки в мусорное ведро. Опять же клешнёй. И всё на глазах у обалдевшего Оськи.

– А почему об этом не знает никто? – спросил Оська, приходя в себя от шока.

– Ну, как сказать. У меня в классе все знают, – грустно сказал я, – но никого не впечатляет. Тебя что, впечатляет?

– Меня впечатляет, – сказал Холм и почесал лоб. – Нет, правда... А управляешь ты ею как, Клещ?

– Какое там управляешь? Говорю же тебе, никаких транзисторов!

– Значит мысленный посыл! – обрадовался Оська.

Я рассердился:

– Просто беру и делаю...

– Трудно поверить, – покачал головой Оська.

Я хотел показать ещё раз, но Холмолайнен успел вовремя подставить ладонь.

– Хочешь йогурт? – предложил он, – все равно я их не пью ...

– А комиксы у тебя есть? Про такое? – спросил я, небрежно ведя клешню к синтезатору-расчёске.

– Про такое уже нет...

– А про таких же монстров, как я? – спросил я и с надеждой прибавил: – Может, про супергероев?

– Ты прости Клещ, – извинился Оська – Но ничего такого сейчас нет. Я бы и просто так дал, раз такое дело – клешня! Никогда не думал, что такое бывает. Вот только сейчас нет ничего – никаких комиксов не осталось. Все в очереди.

– И видео нет?

Холмолайнен кивнул:

– Не я выбираю, родители. Папа говорит, что волна супергероев до русских ещё не дошла. Рано нам. А на финском языке мама смотреть отказывается.

– Проехали, – ответил я, собирая клешню в восьмёрку.

Не дошла волна, значит.

– Да вот сам смотри, – Оська вскочил со стула, полез на

шкаф, оттуда принялся расшвыривать направо-налево всякие вещи. – Ничего нет! – Начали падать журналы ... рухнул ещё один настольный хоккей. Это что же, два хоккея у него? Пыль поднялась, как на стройплощадке лопнул мешок со строительным мелом. Я поднимал комиксы один за другим... но ни одним не вдохновлялся.

– Индиана Джонс – это про фашистов, – пояснял Оська. – Кровавый спорт – про иностранную олимпиаду. Про нинзю уже ничего нет. Вместо нинзи – Дисней. Однокласснички всё растырили. Может у Сюхи... А может и не у Сюхи ...

Ни тебе монстра, ни тебе Лысого Ветая... С наспех протертых от пыли страниц на меня встревоженно глядели хмурые сычи в широкополых шляпах – но не комиксы, а детективные истории в картинках. Были там и ковбойцы. Но даже самые лучшие из них были нарисованы так, что можно было перепутать с завучем Танищевой. Чего уж говорить о свинорылых собачках и уточках. Дисней... Всё это и даром не надо. Второй сорт, «Рара Авис». Вроде те же джинсы – да не те.

–Я тоже... тоже только про реальные дела люблю, – вопил откуда-то сверху Оська. – Чтобы всё по-настоящему было. Не по-былинному. Думал – ну их, эти сказки про супергероев. А теперь и про супергероев буду читать, если уж такое по жизни случается! Как у тебя! Новую коллекцию собираю!

Я собирался уходить.

– Иосик, выброси папины шины с балкона на улицу. Потом делай что хочешь. Ты обещал, – тётя Роза стояла в про-

ёме, голос её был строг.

– Нет, я не обещал тебе выбросить шины, – сказал озадаченно Оська.

– Иосиф! – голос доброй тётки Розы стал строгим, – Я про уроки тебе даже не говорю. Просто подразумеваю. А шины ты выкинешь сейчас. Или меня вместе с ними.

– Мама! Они меня перевешивают...

Мне стало жалко тощего, болезненного Оську. Захотелось сделать для него хоть что-то приятное.

– Где шины? – небрежно спросил я.

За какую-то пару минут я покидал все шины вниз, пользуясь клешнёй как подъёмным краном. Без клешни я бы не справился. Тут Оська был прав; можно было запросто улететь через балкон. Шины были такими огромными, что даже страшно представить автомобиль, на который их собирались надеть.

Тут я спохватился. Появление тётки Розы прогнозировало катастрофу. Родители тем и отличаются от детей, что не слишком-то верят в супергероев. Ещё можно было дать понять тётке Розе, что клешня была, к примеру, игрушечной. Этому бы и Оська поверил. У него по всей квартире такое валяется... автоматические безделушки зарубежного производства, пружинные, механические, саморемонтирующиеся, реагирующие на свет, короче всевозможные выродки и отморозки типа меня... где то и клешня, похожая на мою, была – транзисторная! – где-то почти целиковый робот валялся. В

углу вообще стоял небольшой автомат для подцепа мягких зверей лапой-манипулятором!

Но одно ясно – в супергероях я был разочарован. И делать мне у Оськи совсем нечего. Всё бы отдал, лишь б поскорее удрать. Особенно от тёти Розы, которая раскрыла глаза широко-широко и приготовилась тыкнуть в меня разделочной вилкой. Закричать им, что ли, «саечка за испуг», напоследок? Спрыгнуть с балкона на шины? Шины, вроде, должны меня выдержать...

– Пойдёшь с нами обедать! – приказала тётя Роза Холмолайнен: – Иди руки мой.

Туалет семьи Холмолайненов был пещерой Алладина... теперь я знал, что такое настоящий дефицит! Никак не получалось отвести взгляд от трех лягушат, обучающих правилам вытирания попы – вверх вниз и кружочек. И просто невозможно не подёргать висевшего рядом игрушечного монаха за торчащий из-под спущенных штанов причиндал! Пабааам! – сказал монах и навалил из задницы туалетной бумаги. «Не смешно», – решил я и приготовился бежать...

Но тётя Роза Холмолайнен встречала меня из туалета, расставив ноги на ширину плеч. За спиной хохотал несмешной монах. В одной руке у тёти Розы плескался горячий борщ в миске. В другой остывал осклизлый холодный студень. Ни под то, ни под другое я попасть не хотел. А особенно не хотелось попасть под тётю Розу...

– Оставайся, Клещ, – махнул рукой Оскари, – кинцо по-

смотрим на видео. Знаешь, какое кинцо смотреть будем? Коматозники! Смехота, да и только.

Вот даёт Оська, да? Хоть видеоизбушку открывай. Можно ведь и вовсе не работать – крути себе кино про коматозников, с соседней деньги только успевай собирать.

Коматозники

Сели смотреть кинцо про коматозников. Получили по тарелке борща со сметаной и яблоком. Я никак не мог уразуметь смысл этого кинца. Уронил ложку в воняющий кислым яблоком борщ, да так и не отвёл глаз от экрана. Это Оська к видео привычный. А для меня здесь происходили совершенно невероятные вещи... с перевоплощением в мертвецов и другими сюрпризами. Актёры вели себя так, будто с детства планировали попасть после школы в могилу. Когда они умирали, они все равно вели себя странно. Только, теперь уже по новому – по-мертвецки. В общем, жуть...

В самый жуткий момент фильма я ощутил у себя на спине вспотевший фугас с противными мясными сардельками. Это было даже ужаснее ... рука тёти Розы, липкая и неприятная. Блин, тётя Роза! Неужели и здесь сработал животный магнетизм? Холм давно перестал жевать борщ и сидел с открытой варежкой; кино про коматозников проняло и его. Я скинул руку тёти Розы и постарался сделать вид, что заинтересовался фильмом. Но тётя Роза Холмолайнен неумолимо напирала

ла. Всей своей тушей! Вот, она зацепила мою ногу своей.... В этот момент я понял что умираю.

Спас меня поворот ключа в дверях. Рука соскользнула. Тётя Роза подпрыгнула, но забыла что сидит у меня на коленях. Я-то ничего не забыл. В тётё Розе Холмолайнен было килограммов сто пятьдесят. Как будто мешок с песком на колени приземлился...

– Митя кулу, – на пороге появился сверкающий великолепный финский папа Тука Холмолайнен. На голове его был накинут красивый клеенчатый котелок. Выражение лица – как у кота задумавшего навалить в неподобающем месте. Наденьте коту позолоченные круглые очки – и портрет папы Холмолайнена будет законченным!

Финский папа из консульства... он был вписан в коридор на правах глянцевого интерьерера. Он был одним целым со всеми музыкальными плакатами и вырезками из «бурды». Внешне он напоминал Джона Леннона, только не настоящего Джона Леннона, а того, что с календаря за восемьдесят шестой год. Календарный Леннон на деревянной бретельке, который висит в каждом доме! У нас, например, уже четыре года висел. И провисел бы года, скажем, до двадцать четвёртого. Это ведь он сказал «Мы лишь предложим дать миру шанс» ... В отличие от прочего мира никаких шансов мне финский Джон Леннон не предлагал. Кажется, он вообще был не в настроении. Он снял очки, посмотрел на приобнявшую меня тётю Розу странным взглядом, рывкнул:

– Ала лапуттаа тьялтя!

И метнул свою шляпу тётё Розе ... настоящий супергерой!

Оська врубил «Коматозников» на полную громкость. Все вокруг стали какими-то деловыми и сердитыми. Я помахал им клешнёй.

Спускаюсь по лестнице, слышу вслед:

– Боря!

Поднимаю голову – тётя Роза утирает крокодилью слезу.

– Боря!

Пришлось подняться на несколько ступенек вверх.

Теперь нас разделяла решётка с перилами...

Что-то было у тёти Розы в руке: радужного цвета коробка, а на ней яркая надпись. Чтобы разглядеть надпись я прищурился. Не разобрать... Света от лучившейся тёти Розы в темноте парадной было недостаточно.

– Бомбалина! – с гордостью сообщила тётя Роза и отошла на два шага назад. – Апельсиновая бомбалина. Лови...

Я поймал бомбалину одной рукой.

– Прощай, – сказала тётя Роза. – Но напоследок...

Она быстро протянула руку и через решётку пригладила мне вспотевшие вихры – как вытащенному из воды котикку.

Полюстрово

Бомбалину я отправил в помойку. Домой пришёл злой. Ключ не поворачивается. Дверь еле держится... По обе стороны серванта был бардак, которого, пожалуй, не видывал мир со времён вторжения хана Мамай.

– Белка!

Белк имени Франциска Асизского был обнаружен на полке за книгами.

Он был не в настроении, забился в угол и ворчал; играть ему уже не хотелось. Опасный «кто-то» разгромил квартиру, разломал на части сервант и выпотрошил до основания содержимое старой немецкой стенки.

– Отдай зверя в школу... Кому хочешь... Или убей... Или на Кондратьевский рынок снеси, – прошипела мать, приподнявшись с кровати. Бегающие паутинки морщин под её глазами переплелись, размазались вместе с пудрой. Под левым глазом желтел пятак. На висках белели две десятикопеечные. Отец мылся. Щипцы для белья у ванной комнаты брошены мимоходом – крепление совсем разболталось... Ругались, небось, из-за белки моей.

Ладно, на Кондратьевский не на Кондратьевский, а велика ли разница, когда оба родителя дома?

Кондратьевский рынок это вам уже не Пискаревка. Отсю-

да можно куда хочешь пешком. Есть даже «сотка», автобус – огромная, получасовая почти, остановка до самого центра города.

Дома в Полюстрово непохожи на грязно-белые кирпичи пискаревских многоэтажек. Кирпичи жёлтые, вытертые, с еле заметным оттенком грязи, как плохо выбитый от пыли ковёр – и мне почему-то нравилось. На первом этаже были приторочены ящики для цветов; самая настоящая архитектура. Доставляло удовольствие считать их по очереди – ящик, ящик, ящик.... Тут же доживал свои последние дни старый универмаг. Стоял себе трёхэтажным чемоданом на углу, приземистый как безногий слон, ухмылялся тёмными окнами. Ничего интересного внутри не было. Снился он почему-то исключительно в мрачных тонах, вперемешку с кошмарами.

В кармане приходил в себя белк имени Франциска Асизского. Хотя Дуняша сказала, что это белка была, а не «белк». Ладно. Называть белку Франциской я пока не привык. И продавать я её не собирался. Посмотреть бы на того, кто захотел бы дать за зверька меньше ста тридцати рублей!

– Не бойсь, Белк имени Франциска Асизского, мы просто ходим... гуляем, – бормотал я, хотя зверь не мог меня слышать.

И вот показалась рыжая надпись «Кондратьевский».

Вот мужик с игрушечными мышами... Пустые миски

несут, поутру наполненные мотылём – значит, можно разворачиваться и брести обратно: рынок скоро закроется. Я всё боялся, что белка примется делать в рукав. Такие дела она оптыпывала очень ловко. Импровизировала как виртуоз-балалаечник.

В общем, слонялся я по полупустому птичьему ряду, пока не услышал:

– Стоять!

Голос был знакомым. Не обращать внимания и всё... до тех пор, пока не хлопнут по плечу или не наградят «боцманской каплей». Признаться, я уже начал привыкать к тому, что все вокруг безумно рады моему появлению, будь то Понка, или тётя Роза Холмолайнен. Так что в этот раз я решил не оборачиваться.

А голос опять:

– Стоять, Когыть, стоять! Стой, когда тебе говорят! Кхе! Пацн...

Из небольшой кучки любителей хищных птиц, линчующих ящерицу, выделился Карл Симеонович Лёйдхольд. Запахло Бернгардовкой, ужами и чаем из лебеды.

Приезжай ещё, пацн, в Бернгардовку

– Как дела, пацн?

Дед по-прежнему произносил всё на первый слог. Звучало это намного чеканней немецкого; пацн.

– Меня зовут Боря, – кисло сказал я.

– Помню. Не Боря, Крабов тебя зовут. Как поживаешь? На яркий свет без надобности не выскакиваешь? – дед спрашивал так, как спрашивает зубной врач о поведении новой пломбы. Интонации зубного врача мне не нравились.

– Не выскакиваю я никуда....

– На лунный, тогда, ползёшь? Бабы, небось, диву даются?

Он помолчал.

– Ну, ползают вокруг бабы?

Не хотелось рассказывать деду про неудачу с Понкиной.

– Дуняша! помните? Та, что с Гражданки дальше Ручья....

Дед насыпал горсть белых таблеток (этот запах был знаком, но откуда он? Всё из той же Бернгардовки?) и отправил в беззубый рот.

– Плёха та самая, значит?

– Что?

– Плёха... Хреново, говорю, когда такая гражданка вокруг тебя скачет... В каком ручье теперь живёт-обитает она?

– Не знаю... дальше Ручья.

– Тут не в ручье дело! Она в формалиновой банке должна жить! – заорал Кактусов дед неожиданно, – как всё ее племя

– понял?

Нас прикрывал плоский пожарный щит с треугольными вёдрами («чтобы не спёрли»). Люди оглядывались. Я, пусть и с белкой в руке; но ещё мог сойти за молодого хулигана, с такими не связываются. Седой же, стройный, затянутый в сюртук Карл Симеонович на молодого хулигана совсем не тянул. Во взглядах прохожих читалось одно – помочь деду добраться до вытрезвителя.

– Закатай гражданочку в банку. – командовал дед. – Давай, Кострома. Тебе это, в сущности, нужно. Не мне, уж точно... не ей. А тебе!

Дед закурил, закашлялся и сбавил голос. Опять заговорил про любовь-чёрную магию и про то, что никто не возвращается к нему в Бернгардовку прежним. Называл меня Костромой... короче, производил впечатление буйнопомешанного.

Я уже очень хотел домой. Белка в рукаве собиралась катать.

– Ты только не ссы, – хлопнул по плечу дед, – главное, всё хорошо у тебя? А других, может, уже давно плохо!

Он обвёл рукой людей.

– Друзей новых завёл себе наш мальщюган. Подругу-дур... Бабы за ним ползают... – он объяснял уже при всеобщем внимании: – Врагов наживает... но всех победит.

Как бы он не кликушествовал, как не кудахтал – всё же он доводил до моего сведения какую-то важную информацию.

– Приезжай ещё пацн в Бернгардовку. Траву покосишь –

денег тебе дам. Сколько нужно дать денег?

Я уже вёл его под руку к выходу. Решил довести до трамвая, чтобы без дружинников обошлось: насчёт денег-то.

– Денег не нужно? Без денег будешь побеждать? Но как побеждать без денег?

– Да уж какнибудь... – бормочу.

– Нет! Тебе Когытя кормить надо. Он ждёт, не дождётся. Побед на личном фронте или общественном твоих ждёт. Покуитаешься ещё со всеми. Прежним сюда не вернёшься!

— Вы уже про это говорили не раз, – перебил я, – а я вас сейчас как на трамвай посажу...

Дед притих и обрисовал ситуацию намного спокойнее.

Этот животный магнетизм был... ну, скажем, чем-то вроде общественной нагрузки – чем больше на себя берешь, тем больше на тебя взваливают. По его прорицанию выходило, что к совершеннолетию у Бори (Крабова) появится куча любовей всех возрастов («и полов», – добавил вредный дед шепотом). Море из задраенных люков чистой любви, рассерженных любовниц и злобных отвергнутых мужей, желающих моей смерти... короче, будет что-то такое, что в страшном сне не приснится.

Хорошо представляя себе армию отвергнутых Дуняш, под предводительством тёти Розы Холмолайнен, я замотал головой:

– Не не не...

Без проблем; имелся у деда и и запасной вариант. Хорошо учиться, слушать мамку с папкой, заниматься спортом.... А потом в армию отправиться. И там давить, давить, давить всех вокруг заработанным авторитетом.

Так что, в конце концов либо я всех победю, либо...

Одержу победу.

– Ещё что-нибудь? – хмуро спросил я.

– Выбирай... – дед хохотнул. Он вырвал из моей вспотевшей ладони свою чёрствую лапку и начал взбираться на ступеньку шестого трамвая. – Выбирай, пацн!

«Только не бабы», – подсказала клешня (непонятно с чего вдруг добившаяся права первого голоса). «И не армия», – угрожающе пришло откуда-то из-под пяток. «Если вдруг психану, то никакая армия со мной не справится», – добавил спрятавшиеся до поры до времени Капитан Коготь Карбова-нец.

– Армия Трясогузки, – вспомнил я.

– Решил? – высунулся из трамвая дед.

– Ничего не решил. Это я так.

Часть третья

Козья ножка

Картошечка

О белке мать теперь спрашивала постоянно. Коробка «клетка» стояла в углу, сложенная в несколько раз и примятая – на выброс. Карман куртки, в отличие от неё подавал некоторые признаки жизни; был надорван, мелко дрожал, а подающая признаки жизни белка скоро должна был вывалиться.

В конце концов, я спрятал Франциску в обувной коробке с надписью «Мокасины ЦЕБО». Коробка немедленно стала влажной и тёплой...

В какой-то из выходных я сидел и бился головой о воздух, пытаясь попасть в ритм песни, которую придумал бесноватый Кинг Даймонд.

– Картошку почистишь хоть? В миску натрешь... – мать выглянула ящеркой, лицом вверх. На висках у неё снова белели десятикопеечные.

Картошечку-то? Можно.

Срезая скрипевшие под пальцами картофельные лоскуты, я вспоминал о Бернгардовке; и то ли дед навеял, то ли Дуняша, то ли Кинг Даймонд... вспомнил про Эмиля того поганого. Из Ленинберга? Или откуда там, чёрт подери? Идиотское название вертелось на языке. Потом смотрю – новёхонькая тёрка лежит. В отличие от старой ушатанной тёрки, эта была острая как томагавк.

Задумавшись, я натёр в миску свои пальцы. Хорошо так натёр. Боли, правда, совсем не чувствовалось. Но подушечки покраснели и заболели; картошка едва успевшая потемнеть, окрасилась вишнёвыми сгустками. Не особенно задумываясь о том, что я делаю, я ушёл споласкивать руки в ванну.

Пока я мыл руки, папа обрадовался кровяночке. Он крикнул матери принести на запивку святой воды. Была у нас такая бутылка со святой водой из Песочного. С её помощью папаша бросал пить; он привык запивать святой водой всё, что съедал, жевал или так или иначе успевал надкусить...

Короче, он подцепил пальцем тёртой картошечки и запил её святой водичкой....

– У тебя кровь, – испуганно крикнула мама. – Течёт по подбородку...

Дальше можно было не вслушиваться. И так понятно, что я схлопотал. Папашу выворачивало и выплёскивало в раковину. Он ворвался в ванную. Внимание, опасный момент, удар по воротам – гооол! Отец вышиб дверь – уже вторую за месяц— и наотмашь съездил мне по физиономии.

Внутри меня саднило и клокотало, но клешню я не выпускал. Потому что чувствоал – кормлю своего Когытя такими проделками!

Белка чувствовала неладное. Она металась в коробке от мокасин. Коробка ходила ходуном. Краем глаза я увидел, как

мама поймала её в падении и затолкала куда-то подальше, накрыв салфетницей.

Вытащить... задохнётся, – испугался я, но не мог ничего сделать.

В наказание меня заперли в ванной стирать бельё.

А ванную нашу, я, кстати, терпеть не мог. Там грибок на стене, пошлость на кафеле, гвозди забитые в пробку... И вот теперь ещё и наполненная бельём ванна!

Я упал в бельё лицом вниз и пролежал так минут пятьдесят. Потом стало холодно. Я напустил горячей воды – чтобы чуть-чуть бы и кипяток; в этом кипятке я продержался еще минут десять.

Планета Тили-Бом

Подходил к концу учебный год. Кактус таскал портфель Понкиной. Алгебраичка Цыца отказывалась видеть во мне Ломоносова. Коржики и сахарные десятикопеечные язычки в буфете заменили на кашу... Эти мелочи меня не смущали. Бурлившую пенками кашу можно было перетерпеть, зная, что скоро учёба закончится. Удивляло другое – жизнь в школе не менялась все девять лет. Даже страшилку такую придумали: дескать, роли в школьном спектакле заранее распределены и отрепетированы! Учебный процесс – спектакль с

заранее придуманным сценарием! и хрен реализуешься; ни в скоротечности, ни в подступах к высшей математике, к которой у меня, как ни крути, был талант.

Сценарий был составлен с таким расчётом, что Раков никогда не проявит себя перед классом, а Понкина ни разу не опоздает. На первом медосмотре каждому из нас прицепили табличку с цифрами; «шестой» или «восемнадцатый». Первое место было закреплено за каким-нибудь Добробабой или Головастенко, последнее, вероятно, за мной. Головастик, кстати, первым не хотел стать никогда; как-то предрёк с умным видом, что после школы будет качаться на люстре, посматривая на своё фото на красном дипломе как в зеркало; девочки завизжали, всем стало не по себе.

Когыть же невзирая на правила, шептал – если хочешь чего-то добиться, вперёд. Ломай стереотипы, берись за всё. Суй морду в огонь вместо хвалёного Головастикова. Рано или поздно система дасит трещину и алгебраичка Цыца снова скажет, что ты Ломоносов.

Прячась в учительской на медосмотрах, я когда-то примерил на себя все общественные нагрузки – от скуки. Теперь оставалось лишь вставить в коленкоровую кассу для счетных палочек бумажку с фамилией Раков... Головастенко хохотнул, опорожнил специальный политинформационный портфель и ускакал в буфет, есть молочную кашу... я поплевал на руки и взялся за дело. Ох и скандал же поднялся, когда я разложил перед завучем Танищевой кучу вырезок из газеты

«Футбол-Хоккей» и порекомендовал спросить за ближневосточный конфликт у комментатора Фариды Сейфуль-Мулюкова! «Головастенко! Где Головастенко?» – кричала отчаянно вслед Танищева. А я уже убежал контролировать процесс сбора макулатуры.

Уж и не помню, сгорела ли та макулатура или пункт взорвался... В школу после этого я не пошёл, убедив маму, что занят дополнительной нагрузкой на физкультуру. Сидел, слушал по радио квачей, сорудил дома турник и натренировался подтягиваться пятнадцать раз в клешневом захвате. Белка Францисск выучилась со скуки впадать волшебную спячку; с того злосчастного дня она так и лежала в коробке от мокасин, накрытая для верности салфетницей.

Когда отсутствие Ракова заметили, я передал через Цыцу что перехожу на удалённое обучение.

– Сорвался, ворвался, – гудел встревоженный улей учителей.

Цыца высказалась, что, дескать, ещё можно всё изменить, если поговорить с родителями... Мать пришла с собрания злая. Весь вечер она добивалась ответа на вопрос, какая дрянь мной овладела – но мы оба знали, что это за дрянь. Я вёл себя плохо будто по злему наитию. Будто кто-то мной и вправду мной руководил. И по ночам я видел этого «кого-то». Вроде баба какая-то, но почему-то с пенистой, кудрявой бородой как у Посейдона.

Несколько раз я пытался рассмотреть эту бабу. Получалось в точности как с Понкиной; борода улетала, а баба хохотала ядовито-заливистым смехом... потом разваливалась на куски. Лица под бородой было не рассмотреть. На ней была кофточка Газелькиной и лосины Дуняши.

После собрания, учителя один за другим отказались принимать меня на уроках неподготовленным. Они заняли оборону; я усмехнулся и пошёл с неожиданной стороны с абордажными крючьями. Беру и выстригаю себе нечто вроде ирокеза в виде кокошника. И одновременно начинаю штудировать учебники с утроенной силой! Учёба далась легко... Я стал уроки на две недели вперёд, а по алгебре даже больше (позаимствовал у Цыцы брошюрку с ответами). Теперь я знал всё от начала до конца, а вызывать к доске меня перестали (ещё бы, с таким коко...). Одна Цыца, наоборот – вызывала и вызывала меня, смотря с восхищением. Казалось, она была влюблена в меня, клянусь, без всякого животного магнетизма. «Ломоносов!», – то и дело кричала она.

В ответ на такие крики я взял за правило специально ошибаться. Потом шипел с камчатки правильный ответ, и Цыца за голову хваталась в недоумении....

Снова Понкина смотрела на меня недоумевающе. А Кактус при каждой подсказке мотал головой, пряча от меня глаза. На кого щеках нервно шевелились нитевидные червяки, пробиваясь сквозь асфальт кожи – словно опилки железные под магнитом или, допустим, раки в ведре без воды...

Дальше неинтересно. Как только я вернул себе звание Ломоносова, учить уроки мне надоело.

Что оставалось? Олимпиада? Частное предпринимательство? Торговать носками без калькулятора для бывшего чемпиона алгебраических олимпиад сложности не представляет. Цыца уже давно предсказывала мне карьеру кооператора. Но когыть решил, что надо все делать наоборот. Пускай моим новым увлечением станет стенгазета.

Этого уж от меня точно никто не ожидал!

Рано или поздно наследственность должна была заговорить, папа мой был писателем! Когда-то он написал сатирический мюзикл под названием «Планета Тили-бом». «Планету» гоняли по телевидению по выходным, а папа не получил ни копейки. Всё оттого, что изначально повёл себя неправильно. Подробностей как именно он себя вёл, не сохранилось. А вот как надо было правильно – об этом родители очень любили поговорить. Я пару раз взял да и подслушал под дверь. Поэтому я точно представлял себе, что в таких случаях делают.

Я мысленно захожу в ваш кабинет...

Ворвался в радиорубку, открыл дверь с ноги, крикнул «Здрасти!». Тьма была такая, что хоть глаза выкалывай – без

разницы. Через секунду зажглись три зажигалки: высветилась неровная причёска завуча по воспитательной работе.

Я вынул клешню и ещё раз прокричал:

– Желаю здравствовать!

– Мысленно вхожу в ваш кабинет! – заорал кто-то из глубины радиорубки – Мысленно, прикинь! Он знал, о чём пишет...

Загорелся свет. Завуч по воспиталке закрывал телом шахматный столик с помятыми трёхрублёвочками. Папочка «Дело» в его руках – документы собраны не в стопочку, как у других завучей в школе, а болтаются собачьими ушками...

Как уже говорилось, я знал что делаю.

Я выхватил из портфеля коньяк, шлёпнул бутылкой по столу, добился того, чтобы на меня взглянули по-взрослому. Сработало. Завуч уставился на меня как на еду, иначе и не скажешь; особенно голодно он глядел на коньяк... наконец улыбнулся. Вслед за завучем улыбнулась новая училка литературы – загадочная фигура в туристских ботинках, с огромным рюкзаком для покорения Килиманджаро.

Кто привёл эту даму средних лет в нашу школу – никому не известно. Она никому не представилась. В учительской её обзывали туманно «наш будущий литературовед». Потом выяснилось, что зовут её Фрида Юрьевна. На заменах Фрида читала нам нараспев Буало с Нарсежаком и, кажется, про мальчика с зелёными пальцами, то и дело путая сантимы и сантиметры. В математике и истории она сколь-

зила и путалась, как попавший в паутину клоун-канатоход! В литературе – ладно, поверим... Что же касается Фридной внешности... Возможно вам знаком бард Кукин – зелёновато-красного вида, с гитарой, располагающий к себе мужик, альпинист, тёртый калач и тому подобное. Литературовед была сделана из того же сорта альпинизма что и он. Располагала к себе куда меньше, хотя по степени тертости лица-калача могла посоперничать. И выглядело это так, будто они оба Кукины и сошлись вместе – допустим, два близнеца. В итоге чувствовалась неувязка. Литературовед всё-таки, как ни крути, была женщиной. Туристские ботинки ей совершенно не шли. Да и рюкзак тоже. Она глядела на меня так, как собиралась спеть песню «Мой маленький гном» (фьють-фьють). Но я не хотел быть маленьким гномом. Я пришёл по делу.

– Стенгазета, – начал сражение я, – правда ли, что начиная с седьмого класса в редакторы берут любого, кто дерзнёт? Так? Или, может, того кто ёрзнет?

– Ну, ты остряк... Колючку сможешь за неделю сделать? – спросил завуч по воспиталке.

– Ну!

– И про смешное?

– Ну! И про смешное.

– Сообрази мне что-нибудь про смешное... прямо сейчас.

– Боря ни с кем не поделился баклажадной икрой – вспомнил я (уголок юмора в газетах изучал регулярно).

– Это известное... А ещё?

– А ещё – «тортик покушал» (стихотворение Германа Лукомникова – прим автора), – тут я мрачно сымпровизировал.

– И чего? – приготовился смеяться завуч.

– Ничего. Просто тортик покушал... и всё.

Через минуту завуч шмякнул себя по голове так, что на лысине образовалась вмятина.

– Годится, – заорал он и подмигнул литературоведу. Фрида корпела над доской напоминавшей шахматную, только с крупными буквами поперёк доски: «Мангаля», – Тортик покушал – слышала? – говорит!

– Тортик говорит?

– Нет, не тортик! Он говорит. Тортик – покушал. А он говорит.

Литературовед удивлённо подняла глаза.

– Я же тебе говорил, Фридища! Талант везде можно найти. В любой школе! Тут все буквально вокруг хулиганы. А коль хулиган, так сразу Есенин. Правильно?

– Амальрик... – непонятно сказала литературовед. И сразу же сделала решительное движение рукой, выбрасывающей кубики.

Кубики простучали по доске, простучав «Ман-га-ля» как чечётка.

Обо мне начали забывать.

– Рисовать я не умею, – сообщил я на всякий случай.

Завуч хмыкнул и нанес по доске мощный удар кубиком в ладони. Хлоп – сказала доска. Так кидать тоже иногда разрешалось.

– Неважно! – грохнул он, – приходи когда хош. Бери фломастеры. Главное, рисуй «Колючку». Как видишь, так и рисуй, твою мать. Хоть всю неделю рисуй! Хоть обрисуйся... Но только так, чтобы в конце концов получилось – огого! Так чтобы – тортик покушал! Понимаешь?

По-приятельски кивнув, я насыпал себе полные карманы дефицитных двенадцатирублёвых, твою мать, фломастеров; огого! Подумав, я добавил к ним редкую конторскую точилку за полтора рубля – всегда интересовался, как это чудо работает.

Литературовед хотела что-то сказать вслед, но я не услышал – или она ничего не сказала. Зато было слышно, как повесенному завенел, запел её рюкзак, а она кряхтя нагнулась под столиком. «Тортик покушал» – раздался оттуда скептический хмык. Завуч одним движением вспенил коньяк. Кто-то, оставшийся неизвестным в глубине забурился, принялся открякиваться, шаркая ножкой. Усмехнувшись, я решительно направился по направлению к выходу.

– Клещ! – кто-то с отчаянием прокричал мне вслед. – Рыцарь, забрало и плащ ...Цыца!!

Тараканище от образования

Слух мой работал весьма избирательно. В то время как

кричали; «Цыца без твоего интеграла плачет!», мне слышалось скорее про рыцаря, забрало и плащ.

Из-за карманов полных фломастеров, я шёл по коридору побоченься. Удивительную точилку прижимал к ребрам клешнёй. Фломастеры высыпались и покатались как дрова на лесоповале. И тут на меня вдруг снизошло вдохновение! Нарисовать «Колючку»? Подумалось – а не начать ли прямо здесь, в туалете? Фломастеров куча... бумагой можно разжиться в Цыцыном кабинете. Ну?

Через десять минут я уже раскладывал фломастеры прямо на унитазе. Радуга не сошла. Шесть сиреневых, два зелёных фломастера. Три фиолетовых и один, зачем-то белый; точнее сизый. Ещё там был горчично-коричневый, но куда-то успел укатиться. Хорошие, должно быть, фломастеры; такие вручают за первое место в олимпиадах. Наверное, их можно обменять на что-нибудь более стоящее у девчонок; они любят вести конспекты в три цвета с подчёркиваниями. Но сейчас мне хотелось рисовать... в общем, я нарисовал Колючку прямо на унитазе.

Получилось что-то вроде комикса про Капитана Карбованца. Колючкой был супергерой, как две капли воды похожий на Кактуса. Он был уделан с ног до головы такой бородой, как будто провёл годы на необитаемом острове. На первой полосе комикса он её сбрасывал, на второй садился на уродливый самолет, на третьей безошибочно прокладывал курс и, наконец, на бреющем полёте (в прямом смысле, по-

тому что брился он в самолёте тоже, чтобы не отвлекаться) вваливался в нашу школу. Там он жал руку директору Газелькиной и... превращался в Великого Колючку! А потом...

Тут, дочитав до места, где Великий Колючка давит авторитетом Лысого Ветая, ставшего для наглядности плоским, зав по воспиталке заржал.

– Найн. – сказал он, утирая со лба слёзы, – бракуем.

– Говорил же, что рисовать не умею, – обиделся я.

– Ну и что? – грозно спросил завуч.

Он приблизил моё лицо на расстояние вдоха. Мелко противно задышал, направил в лицо неосязаемую струйку чего-то горячего. Я тут же свял от неприятного запаха. А зав уже что-то приказывал грозным голосом. Мой Колючка и рядом не стоял перед таким вопиющим авторитаризмом.

– Слушай, ты – тараканище от образования! – орал он, шевеля усами. – У тебя неделя на стенгазету. Настоящую! Я проследить не могу. Но я в тебя верю.

И ушёл почти сразу. А я смог уйти лишь тогда, когда оправился от запаха кислых щей, наполнивших помещение. Тортик покушал!

Это ещё не все. В коридоре я получил удар такой силы, что шея загудела как линия электропередач; это Кактус прижал меня к стенке и врезал. Потом он сунул мне в рот мои скомканные комиксные наброски – я в угаре их по туалету раскидал... Щёки Кактуса шевелились под напором пружей изо всех мест растительности; под носом выростала щетина,

на глазах брови; школьный пиджак был перекроен женской рукой на манер бурки с шевронами и оторочен акварельным, играющим на электрическом свете мехом. Но главное – усы, элегантные усы! Элегантнее усов не было ни у кого в школе – даже у директора Леванчурадзе.

– Раков... ты мне больше не друг!

Я поспешил кивнуть; да, уж лучше так, чем разбираться, да в принципе мне и дела нет никакого.

Понкина тут же рядом стояла – лысая как коленка. Интересно, как это они вдвоём по улицам умудряются ходить? В милицию ведь заберут с такой внешностью.

Кажется, теперь это были мои враги...

Клец Пискарёвский

Выбрался я через окно туалета на улицу – красота, кругом никого нет. Ни завучей тебе, ни Кактусов. Красота-красотища. Тёплое рябиновое солнышко светит. Бочка рядом со школой стоит – многолитровая с квасом.

Квасу что ли выпить, – подумал я, нашаривая в кармане четыре копейки.

Выпил квасу. Захотел ещё квасу – пожалуйста! Везёт вам сегодня Боря Раков! Ещё две копейки за подкладкой лежат, а вот ещё две – на телефонный звонок отложены.

От весеннего апрельского кваса внутри как-то потеплело и разуспокоилось.

До этого, признаться, там всё кричало и требовало – «К руководителю хора лучше иди! К руководителю хора! Не надо тебе никакой стенгазеты делать».

Дурень я был, что не послушался...

«Колючка», отняла у меня четыре прекрасных весенних дня. Газета начиналась со статьи о полной и безотлагательной реформе образования. Подписана она была непритязательно и со вкусом – Клещ Пискарёвский. Ниже шли претензии в адрес преподавательского состава.

К тому моменту я уже освоил мрачноватый юмор – недобро пошучивал на манер побывавшего в аду Лиона Измаилова. Фантазия побывавшего в аду юмориста тянула меня на дно и одновременно уводила в сторону от реальности как сбившаяся с заданного курса подлодка. Всё получилось ну совершенно на той самой волне, что заставила меня недавно накрошить в папину миску своих пальцев вместо картошки!

Вляпав пару некрологов прямо посередине газеты; я решил сделать аудиоприложение – такое, чтобы пластинкой торчало; журнал Кругозор! Подходящей пластинки, я, разумеется, не нашёл. Зато придумал кое-что новенькое: радиопостановку! И вот, раблезианская новелла «Ветер делают трусы» прочитанная по школьной радиоточке Фридой Юрьевной от ли-

да второпях выдуманного юнната Востокова ознаменовала праздник по случаю первого выпуска нашей школьной «Колючки».

На дворе стояла весна. Девочки сторонились распоясавшихся старшеклассников. Учителя, за исключением опасных пьющих, давились в очереди за весенним квасом. Можно было видеть, как они сидят с этим квасом на заднем дворе – скажем, свирепый физрук с одуванистой биологичкой – и вспоминают своё такое разное детство под разными углами и ракурсами...

Красота-красотища, как уже говорилось. Тёплое летнее солнышко. Многолитровая бочка с квасом...

И вот, на фоне этих милых апрельских мелочей зав по воспитательной части вдруг проводит три раунда «бешеных колдунчиков», гоняясь за мной по лестницам школы как метеор. Представьте: я уверенно иду впереди на полкорпусаю. Знаю, как сократить через второй этаж. Внезапно отсвет от золотого зуба зава показался мне слишком ярким. Я остановился замороженный. И помахал перед его лицом Когытем. Глаза зава сошлись на переносице и больше не разъезжались. «Тортик покушал!.. Тортик покушал!!»

Больше зава по литературной части в школе не видели. Вожатые, которым он задолжал в «мангалья», выковыряли бы его из-под земли, но видимо, дальнейшая судьба его зависела не только от вожатых.

А обезвредил меня учитель немецкого. Ловил на карманный фонарик. Электрический свет обнажил мои глупые рефлексy и я попёр на отбрасываемый фонарём свет с радостью влюблённого бультерьера. Выскочив как из под земли, учитель немецкого преградил мне путь. Пытаясь прыгнуть в окно третьего этажа я ударился головой о гнутую ручку. И, в конце концов, очухался связанным в столь хорошо знакомом мне кабинете директора.

Обнаружив свой, в спешке перевёрнутый вниз лицом портрет на столе у директора Газелькиной, я расчувствовался – назвал очкастую гидру цветком душистых прерий. Оля не поняла... расплылась улыбнулась, а потом школьные историки Гоша и Гога объяснили что я невменяемый и издеваюсь; грянул скандал!

Цыца рыдала уже ни от кого не скрываясь; громко, надсадно, с прочихиваниями. Мне пригрозили парашей по всем предметам, а директор Газелькина прошипела: «Посмертно!». Мушкетёры сломали надо мной шпагу, готтентоты и семинолы переселились на запад, а лошадь с обезглавленным трупом ещё долго бродила впотьмах пока, наконец, не присоединилась к размахивающему косою черному потустороннему здоровяку из пустыни.

Это был первый подобный случай за всю историю. Исключение из школы в мае посмертно! Неплохой повод для новостей. Ждите меня на первой полосе «Ленинских Искр», «Искорки» или, на худой конец, на экране, в «Телекурьере»...

Однако, момент был упущен. «Телекурьеру» было не до меня. Время сошло с ума, распаялось, разъехалось и в единое целое уже не собиралось. Впечатление такое, что сходил с ума не только я, но и вся государственная система. Солнце уже не светило, как раньше. Листья с деревьев падали не на асфальт, а за шиворот. Газетная бумага становилась всё менее вонючей и всё более натуральной. В газетах писали, что каждый школьник имеет право на творческий рост, а учителя – кретины в пятом поколении. По телевизору писатель с речевой машинкой в горле поздравлял всех трудящихся голосом робота. Затевалась какая-то буча, а может даже военный переворот. На фоне происходившего, я перестал удивляться мелким, происходившим со мной передрагам.

Финал 90

Как то, услышав вопль «Бочини!» я подошёл к школьному окну, распихал компанию удобно устроившихся на подоконнике пятиклассников, и заворожено встал рядом.

«Бочини!» – опять раздался этот взволнованный крик.

Это младшие школьники менялись вкладышами от «Финал 90». Тасовали старые, истрёпанные, надломленные от постоянной игры, будто из заднего места вытащенные, бумажки. С каждого на меня действительно смотрел медведь с лицом Рикардо Бочини. Изображение менялось как на переливающимся календарике. Футболист превращался в мед-

ведя. То ли под воздействием лучей солнечных, то ли чужих взглядов. А может, так всё и было задумано...

– Дай, – дёрнулся я.

– Чего? – пятиклассник отёр рукой вкладыш. – Необменный Бочини!

Я и так не мог бы дать ему что-то взамен.

– У меня двойной, – донеслось с другого конца рекреации, – Уйди, Пепс.

Появился Оскари Туккович Холмолайнен с полным портмоне вкладышей

Он вроде как отдавал мне вкладыш с Бочини.

А я отнекивался. Если возьму, стая малолетних пираний набросится на меня и растерзает на лоскуты. Коллекционеры вкладышей уже угрожающе шуршали своими сокровищами, словно какие-нибудь термиты или жужелицы. Необменный Бочини!

– Это Ракоко из девятого, дураки – разъяснял Холмолайнен коллекционерам, – Ракоко, покажите пожалуйста кокошник!

Я показал.

– Ракоко! – пробежался по коллекционерам шепот...

Один Пепс не спешил отдавать мне почтения. Поговаривали что, точно такой же мелкий пепс задушил другого пепса за вкладыш верёвкой... совсем как председатель клуба самоубийств... второго нашли полуутопленным в раковине по мотивам сюжета утаенной им вкладышной серии про супера-

гента. Типи-тип – кажется так агента того зовут. Или Биг Бабало. Или нет, кажется, Робин. Я не разбираюсь.

Одним словом, я убрал поскорей вкладыш в карман. На самом деле, никакого Пепса я не боялся. Больше боялся переливающегося медведя в которого превращается знаменитый футболист.

– Спрячь получше и уходи, – тихо сказал Холмолайнен.

– Недолго эти вкладыши держаться будут – мрачно напроочил вслед Пепс, – пробки дольше держались. А тут – как на натянутом канате стоишь. Год-то добавочный. Никогда не знаешь, что нового появиться.

«Год-то, да, добавочный», – мысленно подтвердил я, – «сейчас и вправду как на канате...».

На лестнице, вспомнил, развернул вкладыш – чёрт! Бочини как Бочини. Футболист. В медведя не превращается.

Видать, действительно один такой вкладыш был. Необменный.

Блек Райдер

Папаша мой на фоне последних событий совсем с катушек съехал. На месте двери с петель сорванной, запрещающий знак поставил. Колючую проволоку как гирлянду поперёк протянул.

– Граница! Стоять!

Что за новости? Мне нужно было на кухню.

– Не приближаться, – зашипел встревоженной змейй. –

Картошку чистить умеешь? Стоять!

Воздухом нос втянул, приняхался.

– Какал? Руки покажи.

Я продемонстрировал руки – вуаля! Не какал!

– Все... руки! – заорал отец. И на бельевые щипцы показал.

Я продемонстрировал все.

– Посуду вымой, – голос отца был как у генерала.

Может, отец решил окончательно превратить наше жильё в казарму строгого режима? В ответ я съехидничал:

– Горячей воды нет. В котельную сбегать? Зажигалкой нагреть, да?

– Фон-барон... В моё время посуду мыли песком... и шавелевой сволочью.

– Щёлочью, – поправила мать. – А впрочем, да. И воду мы, кстати, не нагревали.

– Да нет, нагревали! – вдруг засомневался отец, вытирая со лба пот.

Как всё-таки хорошо, что они уходят по ночам.

– Интересно, – задумчиво протянул я, – а, что, до появления батарей – бельё как сушили? Небось, над плитой развешивали?

– Д...д.. дурак? – отец аж заикаться начал от негодования.

– А что? Времена то меняются...

Времена-то охрененно менялись. Уже не было возможности забить уши Кинг Даймондом на всю оставшуюся жизнь... как раньше. Появились дорогие многокассетные магнитофоны и все незаметно зациклились на тех, на которых обычную музыку не поставишь. Теперь можно было слушать одну кассету все жизнь. Хромовую. Только потому, что она была хромовая и всё тут.

Слушать-то всё равно было нечего...

Люди принялись петь по-русски, как при царе Горохе. Музыка на непонятном языке пока еще слушали, но, как можно догадаться, выбирали совершенно утырочную. В моду входили тремпы, айсы, хольгер-чукаи и прочая дребедень. Коротко стриженные, они стояли с холмолайненовскими синтезаторами наперевес и танцевали вприсядку. Ритмы напоминали школьную дискотеку. Голоса будто позаимствовали у отпевшихся войнов-афганцев. Слушать такое уродство коробило.

Попалась мне, правда, кассета, которую я и под настроение, бывало, включал; уроки под неё, например, делал. Страшная такая... Прямо с обложки можно было начинать смаковать неприятные ощущения – она выглядела, будто её разрисовали дебилы. Будто я или кто-то другой перепутал её с тетрадкой – мелками, ручками и всем, что было под рукой разрисовал. И музыка под стать была; скрипела луначарски-

ми дровами туристическая гитара, разваливалась на ходу корявая авиамодель из ДЛТ, запущенная на дальность с балкона – «Блек Райдер» называлась эта кассета, чёрный всадник.

Песню оттуда помню хорошенькую – про то, как надо сдирать кожу и танцевать вокруг костей. Дальше я не понимал. Но, честно говоря, мне нравилось, что там всё на непонятном... не иностранном даже, а вообще... Как будто рассыпавшийся деревенский сарай запел вместе с живущими там пауками и ржавыми тлячками.

Включая на магнитофоне Блек Райдера, я ощущал во рту кислинку от ржавой тлячки. Дослушав до того, как учат танцевать меж костей, я задумчиво разворачивал так и не превратившегося в медведя Бочини...

Что там мне наплёл Кактусов дед? Попробовать что ли пойти в армию после школы? Медосмотр я вряд ли пройду – в полиэтиленовый мешок завернут и выбросят рядом с военкоматом.

Проверять уж точно не хочется...

Потанцевать на костях – да. А что посерьёзнее? На что я мог в принципе претендовать? На школьную олимпиаду? На спортивную? Не давить, как учил меня дед Лёйдхольд, а всего лишь понажимать слегка. Использовать связи, как рекомендуют? Или, может, наоборот – не использовать?

В качестве спортивного применения клешни, приходило

в голову единственное – воровать на международных турнирах из под носа противника шахматные фигуры.

Такой бокс...

Да ладно, шучу!

Пророчили мне когда-то спорт – вольную борьбу! – но не сказать, чтобы я был в том деле знаменитый мастер.

В тот день, когда впервые подмышкой зашкварило и я уложил отца на лопатки, тот, сдуру привел меня в районную секцию. Чего там только не было! И дзюдо и самбо. Даже танцевально-акробатический боевой рок-н-ролл был! А отец хотел бокса...

Боксёрский тренер упёрся и говорит – этому бокса не надо. А отец ему, мол, надо и всё. Тренер посмотрел так презрительно и ни с того ни с сего заехал мне в глаз, развернувшись, словно шарнирный. От неожиданности я отлетел в сторону. Папа успокоил боксёра – мол, всё в порядке, ребёнок, дескать такой у меня – тормоз и тупизень. «А вот не хотите ли попробовать его разозлить?» – шепнул он тренеру, чтобы я не услышал. Боксёр тут как заорёт. Запрыгнул на меня и на глаза растопыренными, толстыми, похожими на сосиски пальцами нажал. До сих пор болит, если в то же место надавливать.

Такой бокс, решил я. Футболка порвалась и упала на бетонный пол клочьями.

Тут боксёр глаза выпятил – будто привидение увидел – но смотрел с интересом. Без особого толка ударив перчаткой в клешню, он попытался выдрать её, как выдергивают провод телевизора из розетки. А потом получил жирный хук. Я даже не понял, как это вышло.

Боксёром я так и не стал. Дальше турника меня без футболки всё равно не пустили. Но заглянувший ненадолго в боксёрскую, вольный тренер Гарри Николаевич оставил визитную карточку, шепнув, что если я хочу заниматься настоящей борьбой, а не служить грушей у мордovorотов, то лучше его спецкурса мне не найти. Заниматься придется с ним дома, индивидуально...но это временно.

...Теперь всё наоборот – приходи себе, записывайся, занимайся открыто. Секция греко-римской борьбы «В партере» перешла на легальное положение. Визитные карточки по всей Пискаревке разбросали. Располагалась секция неподалёку от ЛМЗ, а на брандмауэре огнём горел портрет Гарри Николаевича в римской тоге...

Понятно, что без подготовки меня не пустили бы и на турник. А без верхней одежды не дали бы появиться в раздевалке. Даже если я дойду до душевой, то там случится та же история, что и в военкомате. Оттого, кстати, я и в школе по всяким баскетболам не прохожу. Начинать же спортивную карьеру вратарём-моталой или другим бобиком на футбольном поле не хочется Не Бочини. Но и у нас, слава богу, не Аргентина.

Секция

Секция греко-римской борьбы имени Гарри Николаича была организатором пискарёвской районной спартакиады имени Бориса Добробабы, по-новому говоря – добровольным спонсором этих загадочных соревнований. Приглашения висели на каждом столбе вплоть до человеческого позвоночного... Лично наблюдал, как на углу Замшина с Мечникова, пересекал дорогу человек с объявлением на спине. Объявление не шевелилось. Оно было прибито.

– Дожили, – решил я, – в СССР появился человек-бутерброд. Скоро рикши по улицам побегут... Рано или поздно придётся смириться с плантаторами на садовых участках. Или ещё что-нибудь интересное произойдёт.

...За дверью кто-то страшно орал: – «Добробаба-фестиваль» это вам не фестиваль авторской песни! Что? В одно место его, как грушу не затолкаешь!»

Потом что-то упало со звоном. Видимо грохнулся телефон. Я заглянул и застал Гарри Николаевича в некоторой растерянности.

– Ты? Здорово, Боря! – обрадовался мне Гарри Николаевич. – Решил, наконец, грести на волю? С нуля?

Да, на волю. С нуля. Я ведь не был мастером вольной борьбы. Всё как-то больше по фофанам! Но сейчас я понял, что ни с какого нуля я начинать не собираюсь. Хрена! Не для

того я сюда пришел чтобы получать фофаны.

– На добровольные юношеские игры памяти Бориса Добробабы записаться хочу, – тилибомкнул я, как тогда, знакомясь с завом по воспиталке: – Куда здесь берут? В плаванье или на шахматы?

Гарри Николаевич медленно потянулся за кофе. Взгляд у Гарри Николаевича был как у настоящего вольного борца. И я принял бой.

– Хорошо, – он посмотрел еще раз, в попытке поймать врасплох, но я и не думал снимать защиту – Забудь про плавание. Сам–то чего хочешь?

– Хочу побеждать, – пафосом можно было набивать карманы. Николаич страшно засуетился. Можно было подумать, что он всю жизнь ждал дурака, который пришёл побеждать.

– И что, на отборочные сразу пойдёшь? Те-те-те... Не сдрейфишь?

– Не понял.

– Не струсил бы на отборочных-то без подготовки?

– Что значит отборочные? – спрашиваю.

Николаич вздохнул.

– Это от слова отбирать. Отбираю я. Прямо здесь. Победитель выступает на турнире этого... как его... Добробабы.

– А форму дадут?

Николаич кивнул.

– А всесоюзный-то будет чемпионат? А международный?

Ещё один кивок.

– А ещё какой?

Кивает, но не отвечает.

– Слушайте, а вольная борьба – потому что куда захочешь бить можно?

Николаич продолжал кивать. Делал он это по инерции, как китайский болванчик.

Тут я спросил:

– А клешню можно?

Тут Гарри Николаевич нагнулся ко мне и подмигнул.

– Клешню не надо, – сказал он. – Все помнят. – Он снизил голос до шепота. – Ты смотри, закавыка какая. Нельзя с клешней по вольной борьбе идти. Разговоров поднимется. Да и толку от твоей клешни на три копейки. Ты их уверенностью должен взять и волей к победе перечеркнуть всё, что было до твоего прихода. Ты готов, Раков?

– Да!

– Ты уж подумай...

– Дома подумаю!

– Неделю на размышление даю, – тренер сплюнул в вазочку для цветов.

Неделю? А я уже было думал сегодня зайти попозже...

Козья ножка

Какая-то знакомая фигура – тощая и вся в чёрном. Знакомая, да незнакомая. Закуривает с третьей попытки. Где я

её мог видеть? Вроде бы не из школы девчонка. Но ведь и не взрослая же. А закуривала она, будто впервые пробовала курить – надувая щёки. Выделялась, как в фильме про искателей приключений. Я узнал Дуняшу. Ей же нельзя курить...

Я подошел, вынул изо рта и раздавил её сигарету. Жест этот можно было назвать странным. Но Дуняша меня узнала. Она осклабилась так, что рот разъехался, будто располованный на две части опасной бритвой.

– Здорово, осьминога!

Я даже не улыбнулся.

– Дуняsik, он к тебе пристаёт? – рядом стоял усатый тип; наверняка, её кавалер.

– Нет, – лениво откликнулась Дуняsik. – Это мой кореш.

Странное чувство, – думал я. Кореш... Чёрствое слово. Вроде как молоко, но черствеет. Видели когданибудь чёрствое молоко? Только собираешься выбросить пакет по причине того что молоко скисло – открываешь холодильник, глядишь – а оно уже чёрствое.

Неестественная молочная чёрствость Дунясику шла. Простоватость её превратилась в нахальство. Город не очень хорошо на неё влиял, тут дед Лёйдхольд прав. Но зато, можно сказать, она стала совершенно другим человеком. Обратно в сопливаю Дуняшу уже не затолкнёшь. Называли её теперь не солидно, по деревенски – Дуняша, а противным, городским, козляющимся Дуняsikом. Манерная и противная, худосочная как тень. Передвигалась по стеночке и стояла так

же, подпирая стену спиной. Черты лица потемнели, стали угловатыми, волосы заострились; опасно топорщились – она зачёсывала их назад и красила в чёрное. Так, как ни с того ни с сего седеют волосы у стариков по причине, кстати, мне вовсе неведомой.

Дунястик вытряхнула из пачки новую сигарету. Поглядела грозно; попробуй тронь. Без посторонней помощи она закурила только на пятый раз. С огнём она не в ладах, спички в её руках сразу же тухли. Некурящий её кавалер тоже не особенно в этом разбирался

Выросла из головастика, а в лягушку не превратилась, – думаю. Вымахала, а не заматерела. На глиста похожа стала. Или нет. Хуже. Циркуль «Козья ножка»! Вот во что она превратилась.

– Что у тебя на спине? – спросил я, имея в виду манеру стоять к стенке впритирку. – Чешется?

Она зачесалась рукой, протянув её через плечо аж до пояса. Куски объявления со спины сняла. Не мог ли я её давеча видеть в качестве бутерброда на Замшиной?

Потом осклабилась улыбкой своей разрезанной, отправила в рот объявление и зажевала.

Она жевала бумагу на моих глазах медленно, широко открывая рот, вязко пощелкивая зубами, будто отклеивая прилипшие к ним ириски.

– Моё, – говорит.

– А это старьё в усах? Тоже твоё?

Кавалер Дуняшин стоял без движения, будто фарфоровый

– Это тоже моё. Я его околдовала. Скажи спасибо, что не тебя... Р-р-раков.

«Спасибо», – подумал я про себя

И поспешил откланяться.

Спорт для сопливых

Неделя на размышление подходила к концу. Провёл я её бессмысленно; играл с белком имени Франциска Ассизского в «дохлый номер», заставлял танцевать под Блек Райдера и читал вслух Хаггарда и Луи Буссенара. Не просто так; я прикрывал книжкой белку. Родители пошли на компромисс – держать дома животное мне разрешили, а заниматься с ней нет. Вот такие они садисты. При появлении мамы, я прикрывал белку книжкой. Чаще учебником. Но иногда и последними новинками из пункта приёма макулатур. По правде, мне было всё равно, чем закрывать. Хотя приключенческий бред белке нравился больше учебников.

Наступал день отборочных. Школу по этому поводу пропустить разрешалось. Гарри Николаевич специально просил за меня. И если я действительно собираюсь припереться на соревнования, нужно придумывать, как одним махом всех победить. И срочно.

Нельзя сказать, что у меня не было никакого опыта. Уличная драка – такая же борьба, только куда более вольная. Опыт таких драк был у всех пискарёвских...

Я отложил в сторону Буссенара

Ну, хорошо. Бокс боксом, а если бить сразу с соплей? Уж не знаю, бьют ли с соплей на этих отборочных....

Но попробовать стоило.

В секцию я пришёл раньше всех.

– В душ-ш-ш-ш-ш, душ-ш-ш-ш-ш-ш-ш, – зашипели на меня, набрасываясь с видом заправской гадюки. Я отмахнулся. Это всего лишь уборщицы.

От их унылого вида мне захотелось помыться. Правда, в душ не хотелось. Душ – для вшивых. Об этом предупреждал Гарри Николаевич не раз.

– Не пойду в вшивый душ, – заорал я на уборщицу исключительно ради спортивного настроения. Ради злости. Злился я больше не на неё, а на Дуняшу, которая во всём чёрном и с тлеющей сигаретой во рту надолго поселилась у меня в голове. И – удивительные дела – моментально начинал заводиться. Злился так, что победил бы на всех отборочных. Жаль, что в спортзал пока нельзя. Так и сидел. Злость накапливалась в когyte, как в аккумуляторе.

Мимо просиклетел вшивый недомерок. Волосы топорщившись в виде спичек из надломленного коробка. Он спешил в душ. Тоже, видать борец какой-нибудь вольный.

– Бросай фигуры. Не твоё... – вопил ему вслед Николаич, руководивший, по всей видимости, не только вольной борь-

бой, но и шахматами. – Следующего ведите. В зал с матами. Да не с твоими же, ё моё.

Да, шахматная секция находилась там же, где и спортзал. Одним маты, вторым шахи. Одни в углу, вторые за столиком.

– Мосюка! Да! Мосюк – это вы? Я ждью-ю-ю вас!

Пронёсся шёпот

– Пит! Пит же должен... Пита-то куда увели?

– В детскую комнату милиции, – успокоил чей-то подчёркнуто спокойный голос, – операция «Головорез». Успокойтесь.

Я поводил головой вместе со всеми, но никакой операции «Головорез» не увидел.

Успокаиваться никто не собирался. По всей раздевалке понесли весть о Пите. Несли её шахам и матам.

– Питбуль, того! В детской комнате с ментами. Кого вести вместо великого Пита, дядь Гарь?

– Приведите Ракова!

– Интересная работа у вас, Гарри Николаевич, – сказал вкрадчиво голос – головорезов спорту учить...

– А то, – буркнул Николаич – Такими темпами я не доживу и до сорока. Но ребята, тем не менее, интересные... Вот, не хотите ли? Экземпляр. Толку много, а техники ноль. Фамилия Раков.

– Зачем такой без техники! Не в подворотне же по десять копеек сшибать?

– Хочу нашу вольную борьбу сделать вольной борьбой настоящей, – тихо сказал Николаич.

– Это, извините, как?

– Реслинг видели?

– Кетч?

– Да. По сути та же вольная борьба. Все в трико. И приёмы те же.

Пройдя в зал, я увидел обладателя вкрадчивого голоса: человек привыкший в жизни к военной форме.

– Нам до того.... Ещё скажете – советский кетч? Нет, не по-нашему. На Руси как было?

– А на Руси так было, – назмурился Николаич. – Была традиция – буйны головы сечь. Среди убивцев и главорезов... Кто победит – тому и вольному быть. И борьба оттого вольной зваться стала. Никаких правил. Будь ты хоть старик, хоть младенец, а коли на роду тебе написано – будешь вольный чемпион.

Я – будущий вольный чемпион – стоял рядом с ботинками в руке. Одет в треники. По краям выстроилось десятка два кудрявых дураков с мускулатурой. Это и были те самые, «отборочные». В углу, к вашим услугам – ещё штук пять дуралеев. Только теперь уже за шахматными досками. Не оглядываясь, Гарри Николаевич простучал по доскам шахом и матом. Потом выгнал всех вон и уставился на меня так, как будто видел в первый раз:

– Выбери любого. И – атакуй!

– Можно в туалет сбегать?

– Атакуй! – заорали кудрявые дураки так, что я подумал, – может приветствие такое у них? Оказалось нет, не приветствие... Тогда я высморкался в кулак и пошёл к самому маленькому – потресканному сморчку с рельефной мускулатурой.

– У меня сопля, – шепнул я, – здравствуйте.

– Спорт не для сопливых, – авторитетно сказал сморчок.

Но уже через минуту он получил в рот соплёй и победил умываться. Раковина, наполненная кровью до половины, стояла в углу. Несколько выбитых зубов плавали на поверхности как пельмени.

Гарри Николаевич удовлетворённо крикнул. Военный нахмурился и записал два слова в блокнот

А я обрадовался, как будто уже все призы завоевал. И запрыгал от радости вокруг следующего отборочного. В этот момент мне казалось, что я прыгаю как настоящий боксёр. Этому отборочному я даже до рта не доставал – даже подпрыгивая. Думаю – пойду по росту от самого маленького, а до рослых потом какнибудь доберусь. Уж там посмотрим!

– У меня сопля, – предупредил я.

Нет, кажется, они всё-таки не по росту идут, эти отборочные...

Этот молча врезал мне так, что звон в ушах стал напоми-

нать колокольный.

Я зашатался и сказал – «Всё хорошо!». Сделал успокаивающий знак – мол, ещё вернусь к вам, не уходите. К другому подхожу, типа танцую – а его уж нет на месте. Убежал что ли? Не справился с нервным напряжением?

Вижу – заходит сзади. На вираже несётся – наискосок. Я ему – в нос. И соплей сверху примазал. Как булочку.

На этом у меня сопли закончились. А повержен был пока только второй. Николаич зачем-то расставил своих головорезов в шахматном порядке. Их было восемь фигур и, вдобавок, те что по краям – ну совершенно с лица одинаковые. На кромке – две глупые накачанные ладьи. Затем кони с небольшим горбом и выбитыми зубами. Третий был слон – поэтому и напал на меня наискосок. А ещё мне предстояло встретиться с королевой...

Королева ослабилась и приготовился валять из меня отбивную.

Но Гарри Николаевич сказал:

– Рольмопс.. или, как тебя в миру называют? Рома? Убьёшь мне его, Рома. А у меня нормативы.

– Но Гарри Николаевич – взмолился Рома, – почему если Рома, то сразу убьёшь?

– А потому, – голос Николаича стал серьёзным, – потому что Рома резкость наводить не умеет.

Зал загудел. Рольмопс крикнул.

– В целом нормально, – сказал Гарри Николаевич при-

поднятым голосом, – Беру тебя в свою сборную, Раков. Для остальных представление окончено. Все по домам!

Зал рывкнул двусложное, промаршировал к выходу стремительной, слаженной, тоталитарной гусеницей. Я плёлся в самом конце.

– Кстати, парень, не советую в вольную. Тебе в бокс надо, – шепнул давешний боксёр. – Оставь свой адрес, я поговорю.

Я оставил ему адрес алгебраички Цыцы. Он был знаком мне по репетиторству. И ведь у Цыцы, вдобавок, тоже сын Боря есть – здоровый амбал, известный под кличкой Ржаная Жопа. Как раз для подросткового кетча. Вот пусть Ржаная Жопа меня и выручит. Или Цыца. То есть, тьфу! Сколько можно Цыцей её называть, как в детстве! Руфина Джебраиловна Цинциппер!

Должок

Да уж, выручила меня Цыца ...

– Боренька, тебя после уроков ждут, – квакнула, заглянув в класс. – Очень давно ждут, нервничают ...

Я ожидал увидеть боксёра. Но оказалось, что спрашивает меня кадр, которого искали с милицией. Он был не один. А может, у меня в глазах задвоилось. Вот что значит фасонить и очки не носить. Да нет, это же Питбуль вместе с Рольмопсом пришли по мою душу!

Рольмопс был копией Питбуля. Один и тот же жвачный спортивный типаж. Одни и те же хватательные рефлексy.

А что у них в руках? Жидкость для снятия лака. Может, рака? Интересно – как он будет её применять?

Рольмопс смотрел на меня через осколок битого стекла, пытаясь нагнать страху. Драки у нас любят. Народу вокруг собралось на небольшой зрительный зал, а остальные подглядывали.

– Ну? Ты у нас теперь школьный борец, что ли? Шибко вольный?

– А ты? Самбист-говночист? – огрызнулся я.

Не меряться же с ним взглядами сквозь битое стекло. Рванулся...

– Должок – перехватил Питбуль.

– Должок? – а сам думаю: как бы высвободиться.

– Косалка. Рольмопса-то ты не коснулся. А замах все видели. Слыхал, Ракоко?

Все засмеялись.

Я поморщился.

Ракокошник мой выстриженный скорее раздражал, чем отпугивал. Знал бы – не выстригал, не морочился. Теперь я для всех Ракоко – это плохо...

– Да? Был замах, Ракоко? Или нет?

Притвориться мёртвым как белка Франциск не получилось бы.

Тогда я сказал:

– Нет.

– А раз так – тогда врежь мне. Но так, чтоб я рухнул, – сказал Рольмопс, присел на корточки и ткнул жирным пальцем под переносицу.

Я неумело смазал его по лицу. Так и не достал, куда он показывал. Нечестно. Я не ожидал, что Рольмопс отпрянет.

– Что же ты Рома? – ласково спросил Питбуль. – Харя железная. Чего взад даёшь?

– Он даже не достал, – соврал Рольмопс. – Рефлексы слабые.

– Врёшь, – бросил Питбуль. – Не слабые. У тебя, свинья, все безотказно.

Рольмопс поправил треники и сморкнулся.

– Вали отсюда, Рольмопс. А я буду дальше гулять. Только вот с кем? – Питбуль обернулся по сторонам, – Как тебя зовут? Ракоко? – поинтересовался Питбуль.

– Борис, – говорю.

– С моим новым другом Борисом, – завершил Питбуль.

Рольмопс не спешил уходить. Стоял где-то сзади меня, и наблюдал. Я ощущал его присутствие. Чувствовал, как кто-то с Питбулем перемигивается – но не видел. На моих глазах завязывалась какая-то малоправдоподобная муть. Не мог же я быть таким крутым. Не мог животный магнетизм действовать на Питбуля так, как на Понкину, или, будь она неладна, тётю Розу Холмолайнен?

– Внимание, – крикнул Питбуль. – это мой новый друг

Боря. Боря, ведь тоже думает, что он мой новый друг?

Верилось слабо.

– Скажи друг Боря, зачем Рольмопса ударил? Он не чета тебе. Семья десантника. Орденосная семья. А ты его – в лицо. Нехорошо, друг Боря... Неприлично.

Услышав слова «орденосная» семья, я призвал на голову Рольмопса все немецко-фашистские воздушные силы. Хотя время фашистских воздушных сил, слава богу давным-давно прошло и они, разумеется, не прилетели... Вместо них появилась Оля Понкина под руку с Кактусом, который почти ничего не видел из-за нависающих над глазами бровей. Теперь она у Кактуса, видать, вместо собаки поводиры, смехота, да и только. Будет время – обстругаю им белую палочку. Или ошейник куплю.

Кактус, периодически взлаивая, спрашивал у Понкиной, что происходит. Понкина спокойно рассказывала, что, мол, ничего особенного не происходит – солнце светит, птицы поют, Боря Раков выделяется на публике, как обычно.

– Теперь меня бей, – потребовал Пит.

Я двинул ему в кардан изо всей силы.

– Как девчёнка, – Питбуль подставил лицо под мой кулак с другой стороны, – как тюфяк, да? Лупи дальше!

Я саданул по его лицу еще раз. Опять саданул – и снова получилось неубедительно. Все смеялись. А Понка неодобрительно ахала – вот негодяй ты какой, Раков ... Питбуля в

лицо! Под её взглядом я закрыл глаза и задвигал руками как экскаватор. Вдруг услышал звук падающего белья – попал!

– Ну, всё, всё. Нет, ну я понимаю, что ты-то мне сейчас нормально задвинешь. Но пока лежи. Так лучше, поверь. Лежи и молчи, – захлёбывался я, метеля бельевое лицо Питбуля всеми конечностями – Лежи ещё... и ещё!

Наконец, я устал. Опустил руки. Потряс ими, словно не дрался, а прописи писал. Открыл глаза, посмотрел на свою работу со стороны, наклонил голову как художник: удался портретик? Чересчур много красного, но ведь это красиво. Я вздохнул, зажмурился и приготовился к удару. Спереди или сзади. От Рольмопса или от Питбуля... мне уже всё равно.

Честно говоря, я ждал хорошего, крепкого удара. Удара самбиста или боксёра. Человека не такого как все, и уж точно не такого как я.

Но удара не последовало.

Ржаная жопа

Присел. Нашёл на тротуаре окурок, затем второй. Соединил в одно, замял не очень умело, подзажевал. Полюбовался и сломал всё обратно. Почему-то вернулся домой с большой головой, так, будто слопал этих сигарет целую пачку...

Лежу и считаю появившиеся на потолке тени. Оттуда тени взялись, не знаю, может отблески фар? Из-за располовиненного сервантом окна все тени были кривые и уродливые. Я почти задремал. А потом, бросил взгляд на самую уродскую

из теней и вскочил как ошпаренный.

Это была не тень. Это была птица. Она тарасилась, изви-ните, на меня настоящими человеческими глазами. А за ней кто-то отчаянно стучал в окно и требовал внимания. Можно было реагировать на этот стук как спящий после смены отец – не просыпаясь, но стучали явно по мою душу. Я взглянул птице в лицо и буквально стёк на пол от страха. Лицо у этой птицы было Дуняшино.

Дурак я был, что не натянул пододеяльник, так как всегда делаю – до ушей. Птица меня обнаружила. И вот уже не птица, а циркуль «козья ножка» с человеческим лицом, чёрная смоляная клякса с дуняшиным профилем лезет в форточку. Может, там она попадётся в капкан – форточку наполовину перекрывала комариная сетка. Хотя я вовсе не был уверен, что это её остановит. И всё же «козья ножка» дала назад. Я подбежал к окну. Клякса уже почти исчезла в ночном воздухе, растворившись в нём чёрной кляксой.

Тут я открываю окно и ору «Караул!». Сам от себя не ожидал. Стены соседних домов отпружинили. Они вернули этот «Караул!» мне обратно. Все окна оказались распахнутыми. Сверху выругались в адрес папаши. Он так и не проснулся. Даже не перевернулся на другой бок. Продолжает похрапывать как ни в чём не бывало. Включить свет – так, может, сразу проснётся? Но что я ему скажу? Что в наше окно посту-чала моя подруга с Бернгардовки? Которая, вдобавок, ещё и курит?

Высунувшись по пояс в окно, я определил, в какую парадную клякса нырнула.

Я выбежал, проклиная себя за этот неудавшийся «Каравул». Бегу. Поднялся на восьмой этаж. Вижу – дверь распахнута настежь. Зелёная, коленкоровая дверь без звонка и таблички.

– Цыца? – спросил я у двери, – Руфина Джебраиловна! Я к вам по делу.

Давно я здесь не был. Кажется, класса с четвёртого.

В квартире – развал. На кухне куча осколков. Присмотревшись, увидел, как моя черная клякса задёргалась и завертелась в раковине, издавая мерзкий звук «хлюп».

– Не-е-е-т, – раздалось мычание из комнаты.

Дверь распахнулась... Цыца!

Выталкивает меня на площадку – крестя и бормочет:

– Выбрался! Не дай бог увидит! Спрячься...

– Да кто же выбрался то, тётя Руфина?

– Борька мой, – и осеняет меня интегральным крестом – спать не даёт опять Борька... Прячься... слышал?

Борька!.. Я про него и забыл. Уйти и не взглянуть своими глазами на знаменитую Ржаную Жопу, которого никому не показывают, держа под тремя замками?

Интересно, чем страшен был этот чёрт? Не одной ведь жопой со ржаными веснушками....

И тут я его увидел.

Нос Ржаной Жопы был приплюснут – внешность под ду-

рака. В профиль же никакой приплюснутости. Орлиный профиль. Но стоит только немного в анфас зайти и сразу же клоунский вид с приплюснутым носом получается!

Веснушки я не заметил, но, конечно, они там были. Что там плохого в веснушках? Что там ребята напридумывали про эту Ржаную Жопу

Ржаная Жопа спокойно читал.

Держал в руках комикс про Капитана Карбованца. Обычный тихий, спокойный и ненормальный Боря Цинциппер. А мы уж думали – восемь рук, пороссячий хвостик...

Тут он обнаружил, что я гляжу на него в упор. Отвлёкся от комикса, заложил страницу длинным костлявым пальцем.

– Здравствуйте. Умеете ли вы рисовать дыру в пространстве? – спросил Ржаная Жопа, глядя на меня бездонными, чёрными, космическими глазами

– По какому предмету задание? – выкрутился я.

Он замолчал. А потом опять спрашивает.

– У вас никогда не было такого, что смотришь в кастрюлю, а видишь бабушку?

– Не понял.

– Иди на кухню. Посмотри в кастрюлю, – велел Ржаная Жопа, – Так, чтобы всего остального, окружающего не видно было.

Я даже на кухню сходил. Но никакой бабушки в кастрюле я не увидел.

– А я вижу, – грустно признался Ржаная Жопа. – Вначале

кафель коммунальный. Потом овечку пластмассовую. Бельё кипятится. А где бельё, там бабушка. Волшебство...

– А, может, нет волшебства, – спросил я.

– А как же? – он искренне удивился, – Бабушка есть? А волшебства нету?

Я пожал плечами.

– Есть и ещё одно волшебство, – веско и умиротворённо добавил Ржаная Жопа. – Фотографию видел на стене? Это ты. Смотрю и удивляюсь всякий раз.

Смотрю, куда он мне показал и удивляюсь тоже. Действительно я.

– Папа это твой. Лёшка, – раздался дрожащий голос Руфины Джебраиловны.

Она промокала глаза кружевами, а сама сухая как щепка была – вот-вот сторит прямо на глазах ясным пламенем.

– Папа?

– Да. Папа твой. Красавец. Мерзавец. Громобой. Вся страна боялась проклятого. А я любила всю жизнь.

Потом помолчала, подумала, добавила:

– Все любили...

Кто папа?

Увидев то, во что превратила школа Бориску Цинциппера, мне стало чертовски его жаль. Я так не хочу. А тут еще этот мой загадочный папа Лёшка. В которого Цыца была, оказывается всю жизнь влюблена... Неужто я такой же.. не знаю какой... Бездонный что ли, как Ржаная Жопа? Может,

сам не знаю, а такой же бездонный? Не вижу себя со стороны. А все остальные, допустим, видят.

Может не клешня мне жить не даёт? А нераскрытые тайны происхождения! Узнаю все сам... Но не посадят ли меня потом на цепь и не буду я всю жизнь читать комиксы Холмолайнена?

Хрена лысого!

Я вошёл в квартиру и ударил по всем выключателям одновременно.

Отец подскочил на диване, точно был заряжен пружиной на ночь.

– Кто мой папа? – зарычал я и приблизился к нему на опасное расстояние.

В ответ – поток нецензурной брани.

– Кто папа?

Ещё один поток.

– Лёша красивый парень, но! Что но!

И как наступлю ногой на щипцы.

Отец забрыкался. И завыл.

– Кто папа? Кем был? Кто этот Лёшка?

Отец запищал чайником со свистком. По правде сказать, довольно противно.

Я ослабил зажим. Надо было поторапливаться, пока не стало еще больше жалко.

– Кто?

– Скорпион по гороскопу! – голос появившейся в дверях мамы был скучный и будничныи.

Она стояла и наблюдала за происходящим без всякой реакции.

– И всё?

– Да!

Б..*(*::%!)

Болтик для храбрости

Хмырь в военной форме тёрся вокруг Гарри Николаевича не зря. Спартакиаду имени Добробабы неожиданно перенесли с главного спортзала Политеха в Сясьстрой. В шесть утра к школе должны были подкатить автобус.

Этой ночью я не спал. Дождь шпарил безостановочно. Впрочем, и без дождя на меня такая тоска напала, что хоть вешайся. Я гладил белку имени Франциска Ассизского, размышляя о том, что несмотря на небольшие победы всё вернулось к тому, с чего началось – друзей у меня нет, девчонки шарахаются...

Автобус пригнали вовремя. Был он пыльный, как забытый под кроватью носок.

Захожу, вижу – все сиденья откинута. Спят сонные хорьки в спортивных трикотажных кальсонах. Это был лёгкий вес. За тяжёлый вес не скажу, но судя по спёртому воздуху, он незримо присутствовал. Через стёкла автобуса казалось, что вместо утреннего солнца светит пасмурный протубера-

нец. Водитель пил чай из маленькой бутылочки. А может, коньяк. Может, это я так решил, что он чай пьёт. О том, что в бутылке водителя мог оказаться коньяк, думать перед поездкой совсем не хотелось.

Ужасно славно уже то, что отсутствует мой главный враг – Рольмопс. Кого-то из их компании собирались хоронить. Вот что бывает, когда увлекаешься уличными драками...

Я упёрся было в спинку, приготовившись перевалиться через хорька лет шестнадцати, как вдруг Гарри Николаич по плечу – хлоп! Некоторые не могут прожить ни дня без претензии – так и Николаич, наверное. Должно быть всех перед стартом извёл. Поэтому и спят все как хорьки или суслики.

– Всё в порядке, Ракоко? Вид одобряю. Где талисман у тебя?

– Талисман?

– Писателя такого детского знаешь – Крапивин? Он болт с собой для храбрости носил? Вот, – Николаич показывал что-то блестящее.

– Ясно.

Николаич нахмурился...

– Но это мой болт для храбрости. Мой талисман... А твой? Без талисмана нельзя. Это не по-крапивински.

– У меня белка для храбрости! – выпалил я, злясь на ка-

кого-то там Крапивина, ходившего с болтом и придумавшего для отвода глаз талисманы.

Николаич нахлобучил мою белку против шерсти, будто собрался съесть. Та показала Николаичу верхний зуб и выразительно зашипела. Потом притворилась мёртвой. На фоне того что в автобусе все спали, это казалось нормальным.

Все отборочные были мёртвы. Играли в «дохлый номер». С закатившимися или остановившимися глазами, они следили за машинами, которые бил проливной дождь.

Как только автобус зашевелился и дорога запрыгала, и все вынули термосы. Выпили одновременно, как будто на похоронах. А потом рухнули дальше спать.

Так должно было пройти два с половиной часа. Как на кладбище, думаю. Этого я просто не выдержу. Но даже если с тоски повешусь, что изменится? Ехать-то еще далеко. Может, проснёмся где-то под Колпино? Начнём петь песни, достанем что-нибудь с колбасой, чокнемся термосами...

Уже за Ржевкой автобус резко затормозил. Отборочные поднялись, непонимающими взглядами посмотрели друг на друга. Водитель вышел и, ёжась, спросил:

– Тебе чего?

Посредине дороги стоял человек. Он молчал и улыбался. Махал рукой. Хорошо ещё никто не знал его в лицо. Иначе бы соревнования его имени сразу закончились.

Не знаю, обратил ли кто-то внимание на выглядывающих из-за спины Добробабы медведей. Слишком уж неправдопо-

добными казались они. Может, просто потому что стояли на задних лапах?

– Забираем, – сказали медведи, показывая «окей» неуклюжими пальцами.

Показывали они на меня.

– Куда? – спросил водитель.

– К себе. На Дорогу Жизни. В Бернгардовку, – пожали плечами медведи.

– Не пушу – грудью стал Николаич, – Растерзаю....

За Николаича болел весь автобус с покойниками... Я, наконец, увидел все его тайные приёмчики и понял, что это значит – вольная борьба. Думаю, Николаич был настоящим мастером этой вольной борьбы. Но медведи были медведями. Скоро покойники испустили возглас разочарования

Приземлившись на мраморно-мусорную кучу, выросшую на обочине рядом с двумя придорожными могилками, Гарри Николаич распластался вниз лицом и уже не поднимался. Внутренняя борьба его оказалась недостаточно вольной. Хотя он неплохо держался. Просто разговор у медведей обычно короткий.

Опять Эмиль с Ленинберга

– В Бернгардовку? – то и дело спрашиваю у медведей. – В Берндгардовку, – согласно кивали медведи.

– В Бернгардовку, – еще раз уточнил я, но ответа не получил.

Гляжу, а медведей и след простыл.

– В Бернгардовку! – ответило эхо.

– В Бернгардовку... – пропел ручей.

– В Берн—гар—до—вку! – сочным басом закончил кто-то.

Хлоп!

– В Бернгардовку. – повторил голос уже отчётливо.

Он звучал гулко, как будто из-под усов.

Кто это? Медведи? Кактус?

– В Бернгардовку?

Я протёр глаза и увидел перед собой маленького сморщенного милиционера. Так и есть – с усами. Сквозь усы говорит. Точно так же, как Кактус.

– В Бернгардовку-то я еду. А ты откуда? Кто таков? Помощь нужна?

Что бы ему такого сказать? В чём признаться?

– Как звать?

– Эмиль я. С Лённеберги. – соврал устало. – Вольфганг Амадей Фарадей...

– С Ле-нин-бер-га, – по слогам повторил участковый и переспросил, – А где твой Ленинберг?

– За Бернгардовкой. Тут всё по прямой... как по Камчат-

ке...

– До Бернгардовки я тебя довезу, – говорит. – А вот до Ленинберга нет. В Бернгардовке всё же безопаснее. Тут в лесу медведь заломал одного. И бродит ... Как армия Трясогузки. Хороший человек, говорят, был, этот заломанный. Но вот что скажу. Был покойник, вроде, добрый мужик, а все его доброй бабой звали. И вот ещё одна история тут была у меня в участке...

Участковый был настроен по-доброму. Мотоцикл его затрахтел, забивая голос до непонятного и я под всё это дело с удовольствием задремал

Мбуки – мвуки

Вот и прудик Бернгардовский, мёртвый... Дуняшин! Он совсем запустел, завшивел камышом. Даже утренние лягушки повывелись. Посёлок заволокло туманом аж до самого Всеволожска. Подморозило. Я задумчиво постоял, пошевелил в прудике хворостиной, вспомнил дорогу и, не отягощаясь воспоминаниями, направился через лес.

Нашел тот домик из контейнера! Нащупал дверь и не постеснявшись ранним часом распахнул её перед собой.

Дед Лёйдхольд пил чай и курил. Над укаканой птицами головой собирались летние пушистые облака.

Комары пукали. Пук! Пук!

– Когыть! – не удивился дед, – Косить приехал...

Даже не поздоровался...

А в углу стоял здоровенный фильдепёрсовый негр. В зашибанском белом новом плаще. Негр и плащ выглядели так, будто их обоих купили в магазине. Не в сельпо и не в универсаме... А, допустим в «Берёзке» или «Ивушке» по чеку Внешпосылторга.

– Мбуки-мвуки! – грозно ударил негр кулаком себя в грудь.

– Где я тебе его сейчас возьму, – развёл руками дед.

– Мбуки-мвуки!

Интересно, умеет ли он что-нибудь еще говорить, лениво думаю.

– Где я тебе мбуки-мвуки возьму, – повторил Карл Сиеонович. – Присаживайтесь лучше чай пить оба.

Я присел. А фильдепёрсовый негр без всякого акцента такой:

–Крамбамбулю! Лучшая крамбамбуля в рюкзаке у меня. В Велиже бабка делает. Я к вам через Велиж ехал. Беларусь-фильм смотрел. А под Смоленском колесо поломалось... Пришлось пить боярышник. А крамбамбулю я тебе вёз, дед. И ты выпей... мальтшик.

Он вытащил из кармана бутылку, затыканую тряпочкой и внимательно посмотрел сквозь неё на меня.

– Роберт Бутанназиба, – представился важно, – привет тебе, друг-скорпион.

Тон сразу сменил...

Надоело мне это всё. Вот, думаю, возьму сейчас и всем скажу – просто прямым текстом гаркну. Не скорпион я! И в дурацкие гороскопы ваши верить отказываюсь.

Роберт вынул из кармана плаща маленького засушенного скорпиончика и, поглядывая на нас обоих, тщательно сравнивал.

– Скорпион, – стоял на своём вредный негр.

Под его взглядом у меня заныла клешня. До чего же она мне мешала!

А Роберт Буттанзиба протянул руку ко мне и незаметно нажал что-то за шиворотом.

Клешня отпала, и с сухим металлическим звуком закатилась под стол

Я ахнул.

Поначалу всё заболело. Потом немедленно вылечилось.

– Ну вот. Так бы сразу. Я врач. Знаю где что нажимать, – негр клешню ногой пнул, закатывая подальше.

Я потянулся за крамбамбулей. Пусть это будет для обеззараживания. Сделал большой глоток...

– Себе бы лучше нажал кое-где! Побед парня лишил на любовном фронте... – заворчал дед.

– Это у вас для победы всё. Мьето.. мье.. методы советской медицины – сказал Роберт убеждённо, – А у нас-то не так. У нас главное вылечить!

– Да иди ты...не так ему...Ты давай говори, что хочешь от меня, чудовище?

– Мбуки-мвуки фотографировать хочу, сам знаешь.

– А ещё чего хочешь?

– Баню хочу, – Роберт улыбается, – давай в бане как в тот раз, по чёрному?

– Нет! – испугался Лейдхольд, – нельзя тебе никакой бани!

– Да почему же?

– Неприбрано...

...Крамбамбуля. Буттанназиба. Может они тоже медведи? Дед, может гризли какой, а этот допустим – барибал. Барибал, хаха! Язык-то медвежий что у одного, что у другого Угловатый и невыговариваемый язык. Почему бы медведями им сейчас не стать, ради разнообразия?

Не моё скорпионье это дело....

Добби

Белка! Где моя Белка Франциска?

Ах да. Ну вот же она. Во рту что-то явно ореховое. А что у меня-то во рту? Мячик резиновый? Нет. Это то, что Роберт дал мне тогда на закуску.

Покатал закуску в темноте и удивился – мохнатое дряблкое, странное...

Белк признаков жизни не подаёт? Игры закончились, значит? Мне плохо?

– Киви-киви! – прошебетал чей-то голос в полной темноте.

– Какое киви? Птица?

– Не знаешь что ли? Фрукт!

Откуда мне знать. Я и хурму-то увидел недавно, даже не представляя как такое может быть.

...Фрукт? ягода? Крамбамбуля?

Голос показался мне знакомым, хоть и давно я не слышал уже его.

Дашуха была... стояла рядом, с маленьким медведем на руках. Он был такой милый – и одновременно всем своим видом давал понять, что приближаться не следовало.

Я хотел обрадоваться, но вспомнил что опять одел «носки на сандалии». Тьфу! Знал бы – ничего не надевал.

– Хэлло. Где тебя носило? – безразличным голосом говорю, стараясь чтобы не на носки, а в глаза Дашка глянула. Глаза – главное оружие скорпиона. Откуда-то я знал, что в глазах у скорпиона отражается всё... Как надраенный чайник напротив люстры из хрустала – отражает в десятикратном размере каждую жалкую лампочку.

Дашуха не ответила. Её медвежонок нервничал. А она гладила его как ребёнка. Именно так. Сильно выросла с нашей последней встречи. Конечно, как и все, кто переходит в деся-

тый класс. Хотя взрослой она была и до этого. Сейчас только больше заматерела и стала, как говорится, крупнее в кости. Одним словом, медведица...

– Добби, сюда, – крикнула взрослым басом.

В полусвете, тянущемся сверху, появилась марионетка – Добробаба. Он мелко дёргался, хихикал и пританцовывал.

– Кактус – от слова какать? – спросил «любящий муж», превращаясь на моих глазах в бабушку. Потом заорал:

– Это ведь ты Кактуса предал? Да? Ну, а я его слопал!

Блек Райдером запело что-то у меня в голове и на душе стало невыносимо гадостно. А потом в меня швырнули медведем. Просто взяли и швырнули живым медведем, можете представить себе?

Осьминога, ты ненормальный!

Я попятился. Соплём бить отбиваться? Но как с двумя медведями, атакующими с разных сторон совладать?

Дашуха принаравливалась, наверное, думала как бы получше меня завалить, а медвежонок с ворчанием путался под ногами.

Тут откуда ни возмись – белка Франциска. «Дохлая номер». Он сработал безукоризненно. Медвежонок понюхал её, потом перевернул. И усвистал куда-то разочарованный.

А Дашуха хищная, навалилась и дышит на меня отравленным воздухом. Чем это я ей насолил? Отнюдь же не скорпи-

оний это всё магнетизм. Это не те победы на фронте любовном, которые обещал дед Лейдхольд. Останусь жив, разберусь, думаю. Хотя живым мне отсюда уже не уйти

Клешню ищет... не обнаружив клешни зафыркала и подпридушила. Глаза мои уже закатились. Смотрю вверх – называется, здесь всё это время была ещё и Дуняша.

– Осьминога!

Висит, воткнутая в потолок, как козья ножка.

– Как дела? – спрашивает, будто никакой Дашухи тут нет, – А я-то чёрное больше не ношу, прикинь. Относила. Лето на дворе. Думаю, красненьким обзавестись... пока весна не закончилась.

– Э-э-э-э – прохрипел я – Кактуса съели...

Дашуха всё ищет клешню. Давит и давит меня, приминая как в сено.

– Кто съел? Белоснежка? – захохотала Дуняша, – Врёт она всё... куда ей, Белоснежке... А Бородатый Педро наш в бане парится!

– В бане? С Робертом? – хрипел я, распластанный.

Она засмеялась.

– Мбуки-мвуки – это же Кактус? – уточнил хрипло.

Дашуха могла сломать мне шею пополам как сухую веточку.

– Мбуки – мвуки – это тот, кто к тебе за клешнёй пять раз приходил, осьминога!

Да кто там приходил за клешнёй? Умру, не узнаю...

А Дуняша уже переключилась на белку:

– Кто это у нас тут такой рыжий? Франциска, Франциска, беги скорей сюда.

Белка с удовольствием притворилась мёртвой в очередной раз. Ей это – что плюнуть. Такое у неё беличее свойство характера.

– Франциска...

Дуняша почесала Франциске живот, а потом перешла на незнакомый до этого голос – всхлипывающий, визгливый, сбивчивый и вроде как даже вовсе небезразличный:

– Осьминога, ты ненормальный! Зачем Карл Симеоныча слушаешь? Он без меня таких дел наворотил, что в болото возвращаться обратно стыдно. С тобой нельзя так. Ты же натуральный скорпион. Сожрёшь всех сейчас, а кого не сожрёшь, того насмерть ужалишь. Хорошо без клешни хоть теперь. Плакать хочется оттого, что вы там с ней натворили! Это ведь я на Симеоныча этого Роберта навела. Будет ему по ночам от Дуняши подарочек. Он ведь такая же ночная дрянь, как и я. Знакомы сто лет сто наверное, но... Инкубус, понимаешь ли, мать его за ногу... но мы по психотипу не сходимся... он восточный, тантрический, а я северная!

И вот, значит, как опять, выходит, роли распределены?

Инкубус, северная... кто же, в таком случае, я? Если верить Дуняше, то я скорпион. Как папа. И негр Роберт подтвердил. Впрочем, зачем верить какому-то Роберту? Даже мама сказала, что я скорпион. И Цыца. И я сам теперь это знаю – достаточно свидетельство о рождении посмотреть. Обычный скорпион, но по гороскопу! И как же мне теперь жить – когда только по гороскопу и всё? Без животного магнетизма? Без клешни?

Захрипел:

– Дуняша! На помощь!!! Дашуха...

Та удивилась.

– Сам не можешь? Выдумал Белоснежку себе и не можешь избавиться?

– Чего делать-то? – хриплю из последних сил.

– Да не надо уже ничего делать. Только желать. Смерти! Смерти комунибудь пожелай и отпустит, – подсказала Дуняша. – Никто за тебя через неё смерти желать не будет.

Смерти? Это можно. Я выбрал завуча Танишеву. Дуняша покрутила у виска чёрной загогулиной:

– Ну не дурак ли ты, осьминога! Ей и так все смерти желают. Танищева ведь даже рядом с тобой не была. Ты близкому человеку смерти пожелай. Близкому!! Кто ближе всех к тебе был?

– Желая смерти Розе Холмолайнен, – торжественно пообещал я.

Дуняша хохотнула. Дашуха сразу исчезла.

Я тут же дёрнул подальше, не озираясь.

Депиляция

Да, это был я, Раков, сын Ракова. Это я сражался с медведями. Я оказался скорпионом...и я же был его главным соперником.

Я делал школьную стенгазету и плавал вместе с раками на дне реки Луппа.

Я был Клещём Пискарёвским. Я ловил чёрную кляксу во дворе панельного дома и нашёл Ржаную Жопу на кухне алгебраички, которая любит меня.

Я рассказывал вам всё, но так до конца ничего и не рассказал

Я рассказывал, как я предал Кактуса, нарисовав его в виде колючки?

...Баня оказалась дальше, чем я думал. Почти у того самого места, где я недавно прыгал с мостков и плавал за раками. Естественно внутри – полная темнота. Доски. Сруб. Облитые луной полати. Нет Кактуса!

– Ненавижу лунный свет! – по привычке выругался. По привычке, потому что в этот раз лунный свет меня особенно не тревожил.

«Кактус», – позвал я в темноте, – «Знаешь чего, Кактус. Я ведь не предал тебя. Не обижайся. Жизнь – в сущности, дребедень. Мы как планеты. Пока достучишься до самого близкого – миллион лет пройдёт. А может кто-то далёкий? А вдруг кто-то на другом языке говорит? Ты же понимаешь Кактус? Не бойся и выходи»

Что я нёс?

Возымеют ли успех эти дурацкие призывы?

Кажется, возымели.

Завыли Блек Райдеры.

На полке что-то зашевелилось. Вижу – ком без глаз, зарытый в банное полотенце, на этой полке лежит.

Я потыкал в него рябиновой веточкой

Из кома вылупился трясущийся Кактус. Растительность на его лице была всё ещё отталкивающей и неприятной. Прямо стог сена какой-то. Два глаза уставились на меня, но без злобы и уж тем более безо всяких претензий. Он добродушно улыбался.

– Не стригут нигде эльфов... Точнее, может эльфов и стригут, но депиляцию делать не делают, – пожаловался он.

Я почувствовал, что внутренне мы с Кактусом окончательно изменились.

И спокойно, без нервов ему говорю:

– Какой из тебя эльф? Ты в зеркало-то давно смотрелся?

Кактус вынул из кармана маленькое зеркальце и со знанием дела покрутил им то в левую, то в правую сторону.

– Может всё-таки депиляцию?

– Со спиртом не пробовал? – Спички и спирт. Обычные уроки по химии. – Где тебя носило в шестом классе, Кактус? Проходили же!

Кактус замешкался

– Крамбамбуля! – вспомнил я. Горит как спирт... так кажется Роберт говорил. Спички? Тут! Спичек мне в карман, наверное, подложила Дуняша.

– Осечка, – суеверно кричу, шкваркаю спичкой, обливаю Кактуса с ног до головы и закрываю глаза.

Когда открыл, Кактус стоял передо мной чисто выбритый и посвежевший.

– Видите, Бородатый Педро. Всё можно решить при помощи обычного одеколона!

девятилетку заканчивать.

В школу и побрели. Точнее – на электричке уехали.

Там я попал в объятия Понкиной, снова обросшей мелкими бруньками. И я расплакался. Ведь после девченок, которые душат тебя во сне и приходят за мбуки-мвуки, это не то, что невыигрышный вариант. Это вообще ничего!

На фоне скучной Понкиной даже выбритый Кактус казался мне симпатичнее.

«Что со мной?»— с ужасом подумал я.

Где то совсем недалеко, возможно на соседней автобусной остановке, восточный тантрический инкуб Роберт сел в правительственную машину и уехал, довольный.

Последний шанс

Мокрые сны по прежнему преследовали меня. Сижу я за партой важный такой, а у самого на заднице чёрная клякса. Потом просыпаюсь, гляжу: правда, накляксил.

Дуняша, которая по лету в белку превратилась, говорит – всё из-за того, что Роберт где-то бродит с моей клешнёй и ищет своего мбуки-мвуки. А может, уже нашёл. При упоминании мбуки-мвуки, она смеётся. Белка, смеющаяся как человек – то ещё зрелище. А мне не до смеха. Мне спать на сухом хочется. Если не выплусь, то в школу опаздываю... будь она трижды неладна.

А однажды ко мне во сне пришли три старика и залопотали по ненашему.

«Бернгардовские швейцарцы», – догадался я.

Я увидел их на Боткинской, недалеко от ларьков с жвачками – там всегда много странных людей.

Люди оборачивались, а тем хоть бы хны. Стою и чешу в затылке, не зная как им сказать. Хотя бы по-русски заставить их говорить для начала. Или бороды под рубашки засунуть. Со стороны ведь посмотришь – чистый дурдом.

– Зиг! Фрид! – лающе представился мне один швейцарец. Спустя несколько минут я догадался – Зигфрид!

Второй спокойноенько протягивает руку: – Манфред.

Ну а третьим был сами догадываетесь кто.

– Таблетка, – сказал этот третий, делая ударение на первый слог, – на-ко, пацн, выпей. Выпей-выпей...

Я выпил, опасаясь только одного – не переборщить бы, чтобы и этот сон влажным не оказался.

Но ведь он обещал, что теперь-то уж всё точно закончится хорошо!

Посмотрели на меня швейцарцы, покивали и давай расходиться. Один налево пошёл, к сберкассе. Второй направо – на автобус до станции сел. А третий поглядел заносчиво, и потопапал куда-то, под неработающий светофор, в сторону Боткинской инфекционной больницы. Там люди исчезают по несколько человек в день, если только правду про них говорят...

Пропустив выезжающий из-за поворота трамвай, Карл Симеонович Лейдхольд обернулся:

– Пацн!

– А?

– Последний шанс! Хочешь сотню-другую баб и побед на спортивном фронте?

Чёрт меня дёрнул брякнуть: – Хочу!

По правде сказать, мне и вправду этого очень хотелось.

Он щёлкнул пальцами...

Ра-ко-ко!

Оля Газелькина сидела передо мной смурная и озадаченная. Оценивающим взглядом пронеслась по меню и заказала минеральную воду. Я же наоборот – принялся жрать всё подряд, вплоть до огурцов в медовой заливке, не отводя от директрисы внимательного взгляда.

Дожрав, я принялся ковырять в зубах, глядя на неё при этом оценивающе.

– Ты что больной, Раков? – прошипела она.

– А вы?

– Диетическое питание зачем себе взял? Огурцы с мёдом?

Нормальный?

– Вы вроде за ненормального выходить замуж собирались, – напомнил я.

– Это был оползень! – закричала она, – это было минутное помутнение! Прости меня, Ракоко!

– Ладно. Я доем? Допью? Можно?

Газелькина замолчала

– Можно? – переспросил я.

– Упейся, – сказала она и отвернулась.

Я принялся трескать огурцы так, что мёд потёк по подбородку.

Глядя на то, как спокойно я ем, Газелькина опять рассердилась.

– Можешь за Кактуса своего замуж выходить, – закрича-

ла она, определенно путая наши роли в будущей любовной истории.

Я обещал над этим подумать.

Может не выходить, а уходить? Только куда?

– Последний танец, – робко попросила вдруг директриса.

Как я мог ей отказать? Я и не отказал. Хотя поинтересовался:

– А как называется танец?

– Там про что-то радиоактивное, – нахмурила красивые брови она. Потом махнула рукой и процарапала штору ногтями – Начинается! Побежали скорей.

«Все только начинается!» – занял на сцене певец Глызин. Все вокруг стало чёрным, закривлялось, запрыгало и пустилось в пляс, так, словно это и вправду был чей-то последний танец.

В чём-то этот Глызин конечно прав.

Действительно, всё только начиналось!